

А. Дз. Цагаева

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ



НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

А. ДЗ. ЦАГАЕВА

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Часть I

Ответственный редактор
М. И. Исаев

ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1971

ЦАЕГАТ ИРЫСТОНЫ АССР-ы
МИНИСТРТЫ СОВЕТЫ РАЗ НАУКОН-ИРТАСЛЕГ ИНСТИТУТ

А. ДЗ. ЦАГЪАТЫ

ЦАЕГАТ ИРЫСТОНЫ ТОПОНИМИ

I хай

Бæрнон редактор
М. И. Исаты

*Всякое начало трудно,—
эта истина справед-
лива для каждой науки.*

К. Маркс

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наиболее малоизученными разделами осетинского языкознания можно считать топонимику и ономастику его. Исходя из указания Ф. Энгельса о том, что «... «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимание, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»¹, мы задались целью осветить более или менее полную всю топонимию (макро- и микротопонимию) Северной Осетии, где немало живых и омертвевших форм осетинского языка, которые помогут в какой-то мере осмыслить некоторые вопросы не только осетинского языкознания, но и истории осетин.

Являясь собственными именами, топонимы на первый взгляд кажутся ничего не говорящими, кроме того, что они называют определенный географический объект. К. Маркс писал: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом»². Точно также мы можем сказать о таких географических названиях Осетии, как Джимара, Сирнад «Сирова дорога», Дæйыхъæу «Даикау», букв. «Селение даи», Уæргæт «Уаргат», Сафири ком «Сабиров ущелье» и др. до проведения их этимологического анализа. Этимологический анализ указанных названий позволит вскрыть, что в топонимах Сирнад, Дæйыхъæу имеем этнонимы скифо-сарматских племен сираков и даи, а в Сафири ком — этноним гуннского племени сабилов, в Уæргæт имеем древнеиранское название волка. Если учесть, что приведенные географические названия не составляют исключение, а систему, то, естественно, исследователь топонимии потянется к выяснению значения и происхождения отдельных географических названий, что и было сделано нами. Выяснение этимологии отдельных топонимов позволило автору вскрыть

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Москва, 1966, стр. 326.

² К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 23, Москва, 1960, стр. 110.

различные языковые пласты, принявшие участие в формировании топонимии Северной Осетии.

На основании этимологического анализа географических названий нашей республики можно уверенно сказать, что в составе осетинской топонимии обнаруживаются, кроме осетинского (иранского), кавказский, византийско-римский, тюрко-татарский, славянский слои (пласты). Кроме того, имеется значительное количество необъяснимых названий. Однако, каким бы пестрым не казался языковой состав топонимии Осетии¹, основное количество названий здесь имеет прозрачное осетинское (иранское) происхождение.

Настоящая работа написана на материале, собранном автором путем фронтальной записи (полевой работы) топонимов на территории всей Северо-Осетинской АССР. Кроме того, нами извлечены географические названия из многочисленной литературы по Кавказу, в частности по Северной Осетии, имеющих географических карт и из архивных фондов (местных и центральных). Материал последних дал возможность установить время возникновения некоторых географических объектов и их названий, особенно на территории плоскостной части Осетии.

Работа «Топонимия Северной Осетии» состоит из двух несоразмерных частей. Первая часть состоит из небольшого Предисловия, обстоятельного Введения и трех следующих глав: Глава I. Структурно-лингвистический анализ осетинских топонимов. Здесь рассматриваются ряды топонимов по формантам и словообразование географических названий. Глава II. Языковые пласты (слои) в топонимии Северной Осетии. Глава III. Семантическая классификация осетинских топонимов. Затем даются Выводы.

Во Введении автор рассматривает историю вопроса, определяет методику, цели и задачи своего исследования.

Вторая часть работы — Приложение. Это — своеобразный словарь географических названий Осетии. Приложение является базой для исследования «Топонимия Северной Осетии». (Она будет издана отдельно).

Автор считает своим приятным долгом выразить самую искреннюю благодарность многочисленным своим информантам во всех населенных пунктах Северо-Осетинской АССР, оказавшим ей неоценимую и бескорыстную помощь при фронтальной записи топонимии республики.

Не менее искренне выражает автор свою глубокую признательность профессорам В. И. Абасеву, Г. С. Ахвледиани, Э. М. Мурзаеву за добрые советы и большое внимание к ней и ее труду, а также кандидату филоло-

¹ Хотя данное исследование проводится на материале топонимии Северной Осетии, в дальнейшем вместо термина «Северная Осетия» часто буду пользоваться термином «Осетия», подразумевая при этом Северную Осетию.

гических наук М. И. Исаеву не только за неоднократное рецензирование ее далеко не совершенного труда, но и за предоставление в ее распоряжение своих материалов по топонимии Уаллагкома и с Лескен.

С благодарностью вспоминает автор добрые советы по теме ныне покойного проф. Б. А. Алборова.

Свою признательность выражает автор дирекции Северо-Осетинского научно-исследовательского института, которая создавала необходимые условия для работы над темой, всемерно поддерживала и способствовала завершению ее.

Список условных сокращений

АВПР — Архив внешней политики
России

анат. — анатомический

балк. — балкарский

букв. — буквально

в. — верста

ГПИ — Горский педагогический институт

м. внешн. — внешне-местный падеж

м. внутр. — внутренне-местный падеж

г. — город

греч. — греческий

груз. — грузинский

дат. п. — дательный падеж

диг. — дигорский диалект

древнегр. — древнегреческий

др. иран. — древнеиранский

ед. ч. — единственное число

ЕРГО — Ежегодник русского горного общества

жел. дор. — железнодорожный

звукоподраж. — звукоподражательное

ЗКИРГО — Записки кавказского отдела императорского русского географического общества

знач. — значение

ИКОИМАО — Известия кавказского отдела императорского московского археологического общества.

им. п. — именительный падеж

им. существ., им. сущ. — имя существительное

им. прилаг. — имя прилагательное

ингуш. — ингушский

иран. — иранский

ир.; ирон. — иронский

каб.-черк. — кабардино-черкесский

карач. — карачаевский

МАК — Материалы по археологии Кавказа

мн. ч. — множественное число

монг. — монгольский

направит. п. — направительный падеж

напр. — например

НОЭЯЛ — Сборник научного общества этнографии, языка и литературы

ОРФ СОНИИ — Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского научно-исследовательского института

ОЯФ — Осетинский язык и фольклор

осет. — осетинский

осет. яз. — осетинский язык

отложит. п. — отложительный падеж

относит. — относительное

перен. — переносное значение

ПНТО — Памятники народного творчества осетин

прич. — причастие

р. — река

род. п. — родительный падеж

сван. — сванский

Сев. Осетии — Северной Осетии

с. — селение

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОГПИ — Северо-Осетинский Государственный педагогический институт

СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
ср. — сравни
ст. — станица
суф. — суффикс
тюрк. — тюркский
тюрк.-тат. — тюрко-татарский
уподобит. п. — уподобительный падеж
хут. — хутор
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГА СОАССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской Автономной советской социалистической республики
чеч. — чеченский
чеч. инг. — чечено-ингушский

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая республика расположена на северном склоне Главного Кавказского хребта и занимает часть Центрального и Восточного Предкавказья между $43^{\circ}50'$ — $42^{\circ}38'$ с. ш. и $43^{\circ}25'$ — $44^{\circ}57'$ в. д. Республика занимает территорию около 7971 кв. км. Из этой площади на долю горной полосы приходится 3850 кв. км. и плоскостной части — 4121 кв. км.

Небольшая автономная республика СО АССР входит в состав Российской Федерации. На востоке она граничит с Чечено-Ингушской АССР, на западе — с Кабардино-Балкарской АССР, на севере — со Ставропольским краем, а на юге — с Грузинской ССР. Южной ее границей служат горы Главного и Бокового хребтов Кавказа.

Северо-Осетинская АССР занимает осетинскую наклонную равнину и северные склоны гор Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья.

Горная часть территории Северной Осетии пересекается пятью хребтами: Главным Кавказским и Боковыми хребтами с их снеговыми вершинами и ледниками, Скалистым или Известняковым хребтом, Пастбищным хребтом, покрытым чудесными альпийскими и субальпийскими лугами и Лесистым хребтом, который богат ценнейшими породами строительного леса. Все эти хребты расположены параллельно и, как ступени, поднимаются с севера на юг.

От подошвы Лесистого хребта начинается плоскостная часть территории Северной Осетии, точнее он отделяет горную часть республики от предгорных равнин, переходящих постепенно в так называемую Осетинскую наклонную равнину, заключенную между Сунженским хребтом на востоке и Кабардинским хребтом на западе.

Скалистый хребет на территории Северной Осетии расчленен на ряд долин, образующих ущелья в горной ее части. С востока на запад территория СО АССР прорезана ущельями рек Терек, Геналдон, Гизельдон, Фийагдон, Ардон, Урух. На склонах ущелий расположены поселения осетин. Правда, многие из этих селений в наши дни опустели и прев-

ратились в груды развалин. Жители их полностью переселились на плоскость, где образовали новые большие села.

Природа щедро одарила Северную Осетию, особенно горную ее полосу. Покоряют человека своей первозданной и суровой красотой горы Дигории, Кассарская теснина реки Ардон, Цейское ущелье с его ледниками, сосновыми лесами и каскадами водопадов, снежные вершины массивов гор Джимара, Адайхох, Уилпата, Тепли и др. Но Северная Осетия отличается не только пленяющей красотой природы. Недра республики богаты цветными и редкими металлами. В верховьях рек Ардон и Урух, а также в бассейне р. Фийагдон находятся основные месторождения свинцово-цинковых руд.

На территории Осетии находится большое количество минеральных источников, на базе которых построены бальнеологические курорты Кармадон и Тамиск.

Наличие значительных запасов природных богатств, многочисленных месторождений строительных материалов, плодородных земель, необходимых для ведения зернового хозяйства и животноводства, а также благоприятные климатические условия дали возможность маленькой Северо-Осетинской республике за годы советской власти стать высокоразвитой многоотраслевой индустриально-аграрной республикой.

Население СО АССР составляет 450 581 человек¹. Средняя плотность населения 56 чел. на 1 кв. км., но основная масса населения республики проживает в плоскостной части.

Жители отдельных ущелий общаются между собой через перевалы, по которым проложены колесные дороги, пешеходные и выючные тропы, а также через дороги, проходящие по долинам рек. Дороги эти идут по пониженным участкам Водораздельного хребта.

Такие крупные автомагистрали, как Военно-Грузинская (часть которой проходит по территории плоскостной и горной Осетии) и Военно-Осетинская дороги связывают Северную Осетию с Грузией через Крестовый и Мамисонский перевалы.

Пешеходная и выючная тропа через перевал Стули (**Штулу**) соединяют Дигорское ущелье с горной частью Кабардино-Балкарии. Пешеходные тропы через перевалы Геби и Гоби (**Гъоби**), затем Караугом связывают Дигорию с различными районами Грузии, а последний (Караугом) и с Алагирским ущельем (с Туалетией). Дорога через перевал Кивон (**Хъивон**) соединяет Дигорию с Алагирским ущельем. Пешеходные и выючные тропы через перевалы Сба и Трусо связывают Алагирское ущелье с Казбекским районом и Юго-Осетинской автономной областью Грузии.

Опасная и труднопроходимая тропа через ущелье Дзамарас соеди-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Москва, 1963, стр. 24.

няет Казбекский район Грузинской ССР с Даргавским и Куртатинским ущельями СО АССР.

Многие из названных выше дорог и троп проходимы только в летний период. В долгие зимние месяцы Туалетия и Трусовское, например, ущелье бывают полностью отрезаны снежными завалами от других ущелий и плоскостной части Северной Осетии.

Вдоль долин рек Терек, Геналдон, Гизельдон, Фийагдон, Ардон и Урух проложены колесные дороги, связывающие горную полосу Северной Осетии с плоскостной ее частью в течение всего года.

Основным богатством дореволюционной Осетии была земля. Горце-осетин обрабатывал и приспособлял каждый клочок земли. Порой эти клочки располагались на почти недоступных склонах гор и оврагов. Недаром в осетинском фольклоре сохранились многочисленные предания о том, как горец «потерял» свою пашню, которую в конце-концов обнаружил он под буркой, сброшенной с плеч на землю. Не только народные предания, но и архивные документы свидетельствуют об острой земельной нехватке осетин до Октябрьской революции. Земельный голод испытывало в особенности население горной полосы Осетии.

Нередко горцы перетаскивали землю на себе, чтобы приспособить терраски на склонах гор под пашни и луга.

Отсюда и понятно, что каждый обрабатываемый клочок земли, каждая полянка, покосный или пастбищный участок, пусть даже самый маленький, имел свое название. Этим отчасти и объясняется обилие названий в горной полосе Северной Осетии.

Однако нельзя думать, что названия давались только тем местностям, тем земельным участкам, которые были связаны с хозяйственной деятельностью человека. Человек дал названия (постоянные обозначения) всем географическим объектам, окружающим его, чтобы отличать их друг от друга и ориентироваться таким образом в окружающей его географической среде.

Изучением происхождения, морфологического состава и значения географических названий занимается специальный раздел лексикологии — топонимика (от греч. *тоπος* «место» + *онома* «имя»).

Совокупность географических названий какой-либо страны или определенной территории составляет ее **топонимию**. Сюда входят наименования населенных пунктов, гор, рек, родников, ущелий, пашен, лугов, лесов, культовых и погребальных мест, перевалов и т. д.

Лексика любого языка, в том числе и осетинского, состоит из активной части, общеупотребительной, понятной всем говорящим на данном языке, и пассивной, имеющей локально ограниченное употребление.

Но лексика не является неизменной, раз и навсегда данной единицей языка.

Язык, как всякое общественное явление, постоянно растет и разви-

вается вместе с ростом общества. Наиболее чувствительной к изменениям в общественной жизни общества частью языка является его словарный состав, который постоянно обновляется и пополняется новыми словами и словосочетаниями в связи с появлением в жизни общества новых орудий производства, достижений науки и техники и т. д. И, наоборот, уходят из языка, отмирают те слова и словосочетания, реальные значения которых исчезли из жизни общества. Нужно сказать, что не все те слова, реальные значения которых исчезли из общественной жизни, всегда бесследно исчезают из словарного состава языка. Многие из них сохраняются в топонимии, т. е. в пассивной части лексики, в качестве собственных имен. Так, например, в топонимии Северной Осетии находим названия *Æсхъæрходæ* «Железный шлем» (горная вершина над с. Махческ), *Уартау* «Щитообразный» (луг недалеко от с. Цей), *Къодитæ* «Корыта, посудыны, устанавливаемые на небольших речках и родниках для собирания воды» (пастбище возле с. Зригатта в Туалетии), *Мæрт* «Мера для измерения сыпучих тел» (луг в Даргавском ущелье) и т. д., т. е. такие слова, реальные значения которых уже ушли из жизни осетин, но они сохранились в их топонимии.

Как известно, основная масса географических названий имеет локально ограниченное употребление. Большинство топонимов известны только определенному (ограниченному) кругу людей, они малоупотребительны. Названия многих незначительных горных вершин, небольших рек, пашен, лугов, пастбищ и т. д. известны только тем, кто их обрабатывает и живет вблизи них. Так, например, не каждый осетин скажет, где находятся пастбища *Билæг*, *Дæлкенаскæ*, *Хæлхон*, *Гагабарз*, *Мæрццæгдон*, горные вершины *Æндыгау*, *Даси*, реки *Сурæ дон*, *Цыхцыр*, *Лйайы дон* и т. д., хотя и не все приведенные названия закреплены за мелкими объектами.

Было бы однако ошибкой утверждать, что все топонимы Северной Осетии имеют локально ограниченное употребление, что они известны небольшому кругу лиц. Среди географических названий Осетии немало таких, которые известны всем говорящим на осетинском языке. Сюда относятся названия высочайших горных вершин и ледников (*Адайы хох* «Гора Ада», *Джимара* «Джимара» (гора, ледник, селение и ущелье), *Елбатты цъити* «Уилпата» (ледник), рек и ущелий (*Дайраны ком* «Дарьяльское ущелье», *Уæлладжыры ком* «Алагирское ущелье», *Терк* «Терек», *Джызæлдон* «Гизельдон» *Фийæгдон* «Фийæгдон»), населенных пунктов (городов): *Орджоникидзе*, *Беслæн* «Беслан», *Мæздæг* «Моздок», (селений): *Джызæл* «Гизель», *Зилгæ* «Зилга», *Чикола* «Чикола» и т. д., хотя и не каждый задумается над тем, что означают эти названия, из какого языка они происходят, как они построены, как давно они появились. В этом и нужды нет. Ведь названия эти являются собственными именами, с

помощью которых и без знания их морфологического состава или происхождения прекрасно отличают один объект от другого.

Только перед лингвистом могут встать вопросы морфологического состава, происхождения, значения того или иного топонима и только лингвист обязан искать на эти вопросы ответ.

С этой точки зрения, следовательно, топонимику — наука лингвистическая. Но было бы неправильно утверждать, что топонимику является исключительно лингвистической наукой. Она, по-видимому, является в какой-то мере и наукой исторической, географической и даже, может быть, наукой ботанической. Так, географу топонимы могут помочь разобраться в понимании физических особенностей строения данной местности, ботанику они могут рассказать о ее флоре и фауне не только в настоящем, но и в прошлом. Исторiku и этнографу географические названия данной местности могут иногда помочь раскрыть, какие племена и народы жили на данной территории, каков был хозяйственный уклад их жизни. Классическим примером, подтверждающим это положение, могут служить работы проф., проф. Миллера Вс. Ф., Абаева В. И. и Алборова Б. А., в которых на основе анализа географических названий территории современной Балкарии, Карачаево-Черкесии и Чечено-Ингушетии (подробнее об этих работах см. ниже) они блестяще доказали, что в прошлом на указанной территории жили предки современных осетин¹.

Другой пример. Топонимия современной Северной Осетии сохранила нам этнонимы многих иранских и скифо-аланских племен, принявших участие в этногенезе осетинского народа. Такие топонимы, как название с. с. *Джимара* (в Северной Осетии и в Грузии), *Джимарайы ком*, *Джимарайы хох*, *Джимарайы цъити*, восходят к глубокой древности и в их составе находим этноним древнего иранского племени киммерийцев², появившегося на территории Центрального Кавказа раньше других иранских племен.

Этноним древнего могущественного союза сарматских племен сираков также сохранился в топонимии не только современной Северной Осетии, но и Трусовского ущелья Грузии (в Казбекском районе) в форме топонима *Сирнад*, что букв. означает «Сирова дорога».

По свидетельству историков и по данным археологии сираки играли важную роль на Северном Кавказе (конец I тысячелетия до н. э. и I—III вв. н. э.), когда они расселились в Предкавказье и в лесистых его предгорьях. Археологи считают, что они селились на западе до берегов р. Лабы, а на востоке — до устья р. Сунжа³. И это частично подтверждается

¹ См. ВС. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, Москва, 1887, стр. 6—11; В. И. Абаев. ОЯФ, т. I, М.-Л., стр. 271—290, 309—322; Б. А. Алборов. Осетинские названия местностей к востоку от Осетии. Владикавказ, 1929.

² В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. Москва. 1965, стр. 125—127.

³ Журн. «Советская археология», 1965, № I, стр. 113.

географическими названиями Северной Осетии с элементом *сир*. При этом интересно, что ареал распространения топонимов с *сир* охватывает территорию от северо-восточной части Алагирского ущелья (Туалетии) — это с. *Сирнад*, *Сиры дзыхъхъ* «Сирова лощина» и идет к востоку современной Осетии — это пастбище *Сирнад* у подножья г. Майли (Санибанское ущелье) и луг *Сирнад* к югу от Осетии (в Трусовском ущелье Грузии).

Еще шире в топонимии Северной Осетии представлен этноним другого иранского племени — мардов. Нами записано более 35 топонимов с элементом *мар/нар*. Основная масса топонимов с *мар/нар* локализуется на западе Куртатинского ущелья — это топонимы *Маррагъ* (покос и пастбище), *Мархат* (прежнее название с. Калотикау в Хилаке), в Алагирском ущелье — это пастбище *Дзыхънар* (или Дыхънар), с. с. *Нар* (в Туалетии и Дигории), а в Дигории — это *Мараты æфцæг* — небольшой пастбищный пригорок в Уаллагкоме и т. д. И хотя, по сравнению с этнонимом *сир*, этноним *мар* в топонимии Северной Осетии встречается несравненно чаще, ареал того и другого элемента, заставляя думать, что племя мардов было менее могущественной и значительно малочисленной племени сираков.

Топонимия современной Северной Осетии сохранила нам этнонимы отдельных иранских племен, принявших участие в формировании осетинского этноса. Она сохранила нам также этнонимы некоторых неиранских племен, обитавших когда-то на территории Центрального Кавказа. Так, например, в прежнем названии Дигорского ущелья — *Сафири ком* «Сафиров ущелье» нетрудно усмотреть имя гуннского племенного образования сабилов, обитавших на Северном Кавказе в середине V в. н. э.¹

Историку топонимы могут помочь понять не только отдельные вопросы древней истории народа, но и некоторые вопросы развития его духовной культуры, в частности, в понимании религиозных верований осетин.

Религиозные верования осетин носят смешанный характер, характер напластования одной религии на другой. Здесь мы находим и черты дохристианской религии алан, и христианства, и магометанства. И это очень хорошо прослеживается в топонимии Осетии — в названиях культовых мест. Названия многочисленных культовых мест, особенно в горной полосе Северной Осетии, могут свидетельствовать не только о религиозных верованиях осетин, но иногда сигнализируют о времени их возникновения, о путях распространения той или другой религии, о смешении и масложении христианской религии на дохристианские религии и древние языческие культы и т. д.

Известно, что христианство приходило в Осетию двумя путями — раннее (до X в. н. э.) из Византии, позже — из Грузии. Первыми носите-

¹ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Ленинград, 1951, стр. 174.

лями христианства у предков осетин были римляне. Следы христианства (мы имеем в виду материальное выражение его в виде храмов и святилищ) того времени в Осетии довольно ограничены. Это потому, очевидно, что христианство до X в. и позже было распространено в западной Алании, о чем свидетельствуют прекрасные христианские храмы в районе Зеленчука, в районе бывшего поселения предков осетин, и надгробные памятники с христианским знаком здесь же. Среди них и известная Зеленчукская надгробная плита с надписью на осетинском языке греческими буквами. Христианские памятники того периода, точнее их названия, сохранились и на территории современной Осетии, в районе Дигории. Так, например, названия святилищ *Узи дзиуарæ* (Юст-дзуар по Пфаффу) в с. Галиат и *Узунæг* над с. Вакац неотделимы от имени византийского императора Юстиниана, развернувшего активную деятельность по насаждению христианства среди народов Северного Причерноморья, особенно в Абхазии¹. В свою очередь Абхазия способствовала принятию христианства северо-кавказскими народами, в частности аланами в начале X в.². Очевидно, первоначально и *Узи дзиуарæ* и *Узунæг* были построены на месте каких-то дохристианских почитаемых святилищ в честь каких-то наиболее популярных святых и какое-то время дохристианское и христианское сосуществовали. Здесь уместно вспомнить о том, что святилище *Узи дзиуарæ* возле с. Галиат имеет еще другое название — *Авд дзиуари* «Семь церквей», «Семь святилищ», «Семь божеств». Последнее название, несомненно, старше и восходит к периоду дохристианской религии предков осетин³. Но с течением времени забылись имена и дохристианских и христианских патронов, во имя которых они были воздвигнуты, и сохранилось в них только имя того, кто способствовал насаждению христианства. К этому времени относится, по-видимому, и название (разумеется и возникновение его) святилища *Никкола* или *Уасниккола* «Николай», «Святой Николай» над с. Лезгор, *Матдзуар* в окрестностях с. Балта и др. Так думать позволяет то обстоятельство, что среди многочисленных культовых мест Северной Осетии имя св. Николая, кроме Дигории, нигде не имеется. Правда, в Алагирском ущелье возле пос. Бурон у развилки к Цейскому ущелью было урочище святого Николая. Но здесь запечатлено имя Николая Двали, причисленного Византийским собором к лику святых⁴. Что касается названия святилища *Матдзуар*, то в первой его части в *Мат* имеем усечение имени св. Матфея. С течением времени

¹ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 566.

² Ш. Д. Инал-Ипа, цит. соч., стр. 569; В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X века. Журн. «Советская археология», № 4, 1964, стр. 136—149; его же Средний Зеленчукский храм. Там же, № 3, 1968, стр. 145.

³ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 9.

⁴ См. статью А. Х. Магометова «Реком». В кн.: Ученые записки СОГПИ, т. 28, в. 2. Орджоникидзе, 1968, стр. 385.

было забыто, имя, в честь кого оно было воздвигнуто, оно сохранилось только как топоним, и поклоняться здесь стали не святому Матфею, а популярнейшему осетинскому божеству Уастырджиджи.

Историк в названиях культовых мест Северной Осетии найдет гораздо больше свидетельств, говорящих о распространении здесь христианства из Грузии. Прежде всего, многочисленные культовые места Осетии носят название дзуар, происходящего от грузинского джвари «крест». Слово дзуар означает в осетинском, как и в грузинском, не только христианский знак «крест», но и «священное место», «святой», «святилище», «церковь». Грузинское происхождение имеют и названия святилищ Саниба (из груз. самеба) букв. «Троица», Таранджелос (из груз. мтавари ангелози) букв. «Главный ангел», Зариновых, где в первой части груз. зари «колокол» и др.

В топонимии Осетии также хорошо сохранились и названия дохристианских богов и языческих культов. Так, например, жители с. Стур-Дигора в святилище Гъазæндонæ, что букв. означает «Место игр», «Игрище», «Место развлечения, скачек», поклонялись Идауагу. В названии Идауæг осетины сохранили имя древнеиранского божества *vi-tavaka*, что букв. означало «сила, носитель силы»¹. Следовательно, в Идауæг мы имеем одного из дохристианских божеств предков осетин. Такими же дохристианскими и древними являются названия осетинских святилищ *Авд дзуары* «Семь богов», «Семь святых» возле с. Галиат, *Авды рагъ* «Семи хребет» в Алагирском ущелье, *Уалæсыхы авд Уациллайы* «Верхнего квартала семь святых Ильи» возле с. Дзуарикау в Куртатинском ущелье. Как выяснил проф. Абаев В. И. «Культ семи богов с удивительным постоянством прослеживается на протяжении огромного периода от геродотовских скифов через алан до современных осетин»².

Отзвуками дохристианской религии осетин являются очевидно и такие названия культовых мест, как *Тхост*, *Самтхос*, *Тухуæстаг* (в Алагирском ущелье и Дигории), *Æврегътаг*, *Æвриагъд*, *Габонаг*, *Æргъиавд*, *Дзирийы дзуар* (в Алагирском, Куртатинском, Трусовском и Дигорском ущельях) и многие другие. Не исключено, что названия *Тхост*, *Самтхос*, *Тухуæстаг* эквивалентны рассматриваемому выше *Идауæг*, т. к. в них четко выделяется *тых* «сила», «мощь».

В названиях культовых мест нередко историк и этнограф могут видеть удивительное смешение старых дохристианских божеств и культов с христианскими при изучении обряда и ритуала того или другого святилища. Нетрудно это увидеть в названиях культовых мест и связанных с ними обрядов *Мыкалгабыр* (архангелы Михаил и Гавриил), *Уацилла* (св. Ильи), *Мадымайрæм*, *Майрæм* (богоматерь, мать-Мария, св. Ма-

¹ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 5.

² Там же, стр. 9.

рия), *Уастырджи* (св. Георгий) и др. Особенно рельефно это видно в тех названиях, которые связаны с именем самого популярного осетинского божества, покровителя мужчин — *Уастырджи*. С его именем, не считая многочисленных святилища — *Уастырджий кувæндон* «Молеельня в честь Уастырджи», которые были почти в каждом населенном пункте Туалетии, насчитывается здесь еще около десяти топонимов. Это: *Уастырджи, Зикъарайы Уастырджи, Цъыфы Уастырджи, Рагон Уастырджи, Сагом Уастырджи, Уары Уастырджи, Хохы Уастырджи, Хъугомы Уастырджи, Лæгты дзуар* и т. д. Нужно думать, что во многих этих топонимах — названиях культовых мест, скрываются имена каких-то дохристианских святых, собранных в оболочку христианского св. Георгия и покрытых им.

Нередко топонимы повествуют и об отдельных исторических событиях из жизни данного народа. Они доносят через века имена отдельных всторических личностей. Так, например, пастбище возле с. Абайтикау, называемое *Таймуразы бадæн* «Место засады Таймураза», луг и дорога на правом берегу р. Ираф *Мамай циртдæвæн* «Надгробие Мамаея» сохранили нам имена отважного охотника Таймураза Козырева и одного из членов осетинского посольства Мамион Карадзау в XVIII в. Легенда же о последнем сообщает о постигшей послов трагедии по пути следования на родину.

Лингвисту топонимы могут дать возможность подтвердить законы развития и формирования словарного состава языка. По ним можно проследить наличие некоторых словообразовательных формантов и моделей слов, отсутствующих в активной лексике современного осетинского языка. Поэтому и стремится лингвист, прежде всего, рассмотреть морфологическое строение географических названий, определить их словообразовательные форманты, типы (или модели) словообразования, а затем вскрыть различные языковые пласты (слои), из которых формировалась топонимия данного района, области, страны. А это в свою очередь прольет в какой-то мере свет и на происхождение народа рассматриваемой территории, понять какие народы сменили здесь друг друга.

Учитывая особенность географических названий — их устойчивость, живучесть, станет понятным, что тщательный лингвистический анализ осетинских топонимов проливает свет на некоторые вопросы истории языка, происхождения осетинского народа и формирования ее духовной культуры. Топонимы в какой-то мере расскажут нам о том, с какими народами встречался осетинский народ в процессе своего длительного исторического развития, какие племена и народы сменяли на территории современной Северной Осетии друг друга и участвовали в формировании не только ее топонимии, но и осетинского этноса. Так, например, наличие небольшого количества таких географических названий на территории Северной Осетии как *Уырымоны хуым* «Урумона пашня» букв. «Пашня римлянина», *Узи дзиуарæ* «Узи святилище», *Узунаг* «Узунаг», «При-

надлежавший Узу» и др., а также фамильных имен *Уырымтæ* «Урумовы», *Уруймагтæ* «Уруймаговы», уводит нас к периоду византийско-римского влияния на народы Северного Причерноморья и Центрального Кавказа, в частности, на алан — предков осетин

Наличие же значительного тюрко-монгольского слоя (пласта) в нашей топонимии говорит о тесных и длительных контактах осетин с тюркскими и монгольскими народами. В самом деле, чем объяснить наличие таких типично тюркских и монгольских географических названий в Осетии типа *Заманхтул* букв. «Временное, или плохое озеро», *Дзлат* (из *джолат*) букв. «брось дорогу», в смысле: «заверни к нам, отклонись пока от своего пути», *Нузал* (из монг. *нузл* или *нузул*) «место и форма повинности крестьян монгольским ханам», прежнее название реки Урсдон — *Аксу* букв. «Белая река», *Табылдон* «Река возле таволожника»,

Сырычы ком (где *сырычы* от монг. *siṛik* «лужайка»), «Ущелье лужаек» и т. д. как не длительными контактами предков осетин с указанными народами. Не могли же тюркские и монгольские народы прийти специально на территорию современной Северной Осетии для того, чтобы предложить свои названия для закрепления за какими-то географическими объектами, а затем удалиться.

Такие топонимы на территории Северной Осетии, как объясняемые из грузинского *Мухыз* «Дубовый», *Дедабери* «Старуха», *Магали* «Высокий», *Гори* «Холм» и т. д., каб.-черк. *Хъонгъур адагæ* (где *хъонгъур* из кабардино-черкесского *къуэ* «балка» и *гъур* «сухая») букв. «Сухая балка», *Хъусхæмайхуæ* (из *къуцхъæ* «горцы» и *махуэ* «день», «добро», «счастье») «Счастливый день горцев»; вейнахского *Ламардон* (где *ламаро* «горец» и осет. суф. -дон) «Место обитания горцев», *Борзгу* (из *борз* «волк» и *гу* «бугор») «Волчий бугор» и др., говорят о тесных и длительных контактах осетин с окружающими их кавказскими народами.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что путем лингвистического анализа топонимов можно вскрыть их языковую принадлежность, что в свою очередь говорит о встречах, исторических связях осетин с другими народами, о их взаимовлиянии и тесных контактах друг с другом. Наконец, наличие различных языковых пластов в топонимии Северной Осетии есть еще одно свидетельство тому, что на этой территории сменялись народы. И каждый из них оставлял свою подпись в виде топонимических названий на рассматриваемой территории. Такой анализ помогает и самим лингвистам осмыслить вопросы происхождения лексики осетинского языка. А если еще учесть то обстоятельство, что географические названия чрезвычайно живучи, и стало быть, могут донести очень древние слова, формы слов, словообразовательные элементы, то станет понятным, каким ценным источником они являются для истории и диалектологии нашего языка. Здесь мы позволим себе привести только один пример (примеры со словообразовательным формантом см. ниже),

свидетельствующий о том, как в топонимии сохраняются порой самые древние слова языка. На правом берегу р. Ираф, у южных окрестностей с. Ахсарисар, за участком леса закреплено название *Уæргæт* «Уаргат», букв. «Место волков». В этом названии законсервировалось древнеиранское название волка *уæрг*¹. Правда, рассматриваемое слово сохранилось и в осетинском Нартовском эпосе в именах родоначальника Нартов *Уæрхæг* «Уархаг» и небесного кузнеца *Курдалæгон* «Курдалагон» (из Курд-Алæ-Уæргон)², но в так называемой активной лексике осетинского языка древнее иранское *уæрг* оказалось вытесненным тюркским *бирæгъ* «волк». Сравнивая топоним *Уæргæт* с личными именами эпоса *Уæрхæг* и *Курдалæгон*, нетрудно заметить, что в топониме сохранилась более древняя фонетическая форма слова.

Такая же старая фонетическая форма сохранилась в многочисленных топонимах со словом *стæн* (в современном осет. яз. *стон*). Это *Стæн* «Стойбище», *«Стойло»*, *Стæны сæр* «Выше стойбища», *Стæнты ком* «Стойбищ ущелье», *Стæнтæ* «Стойбища» и т. д. Хотя проф. Абаев В. И. справедливо считает, что в самом осетинском (подразумевается активная лексика) не сохранилось слово в форме *стæн*, а сохранилось оно только в балкарском³, но как видно из приведенного, оно сохранилось и в самом осетинском, в пассивной части его лексики — в топонимии.

Топонимы необычные по своему фонетическому облику для иронского и дигорского диалектов, такие как *Залгъæдджыны къуылдым* «Азалиевый пригорок», *Тæгъгъæдтæ* «Редколесье», *Тынауы гъæд* «Лес (местности) похожей на кусок дмотканого сукна», *Уæлгъæутæ* «Выше селения» (Алагирское ущелье), *Нæуæгхъæу* «Науагкау», букв. «Новое селение», *Нæухъæдтæ* «Поросли», «Молодые леса» (Дигория) и т. д., заставляют задуматься о закономерностях перехода согласного *гъ* в дигорском в *хъ* в иронском.

Диалектологу небезынтересны и такие топонимы как, *Æрчъигæнæн* «Место, где обували арчи» (*æрчъи* — обувь из сыромятной кожи) в иронском и *Æркъедахæн* (тот же перевод) в дигорском. Здесь диалектолог обратит внимание не только на закономерный переход заднеязычного *къ* в дигорском перед гласными переднего ряда в *чъ* в иронском, но и на формы слов *кæнæн* «место обувания» и *тахæн* «место, где нарядяют». Оказывается, для передачи понятия «обуть, надеть на ногу» определенно-го вида обуви—арчи иронский и дигорский диалекты осет. яз. пользовались сложными словами, построенными по одной модели, но с разными

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. стр. 28, 49. 592—594; его же Историко-этимологический словарь осетинского языка т. I, М.—Л., 1958, стр. 262—263; его же Нартовский эпос. Дзауджикау, 1945, стр. 25.

² В. И. Абаев. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 593.

³ В. И. Абаев. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. Отдельный оттиск из «Язык и Мышление», т. I. Ленинград, 1933, стр. 81.

отглагольными именами (от кæнын и тахун) кæнæн, тахæн во второй части.

Наличие топонимов *Донтæ* «Воды», «Реки», *Дуартæ* «Двери», *Дуаратæ* «Двери», *Уæллаг хæдзартæ* «Верхние (дальние) дома» и др. свидетельствует о том, что некогда осетинский язык пользовался для разграничения топонимов от обычных нарицательных имен формой множественного числа без удвоения показателя множественности -т- после сонорных.

Допустимо здесь и другое объяснение: в рассматриваемых топонимах законсервирован тот этап развития осетинского языка, когда показатель множественности -т- не удваивался в словах с исходом на сонорные и сильные гласные основы в них не переходили в слабые. Я склонна думать, что это ближе к истине.

Наконец, наличие целых рядов необъяснимых топонимов с исходом на -а, -и, -о, -он, с элементами *ел-*, *ер-*, *ил-*, *-ск*, *-скъ* и т. д. может говорить не только о каких-то забытых словах и словообразовательных элементах осетинского языка, но, возможно, о не дошедших до нас языках насельников Центрального Кавказа, т. е. они могут восходить к кавказскому субстрату осетинского языка. Вот примеры на эти ряды.

на -а:

<i>Ацонæга</i>	<i>Базана</i>	<i>Бæкъуына</i>
<i>Газана</i>	<i>Къадахна</i>	<i>Къацха</i>
<i>Месера</i>	<i>Мекъела</i>	<i>Къæлæрда</i>
<i>Стъона</i>	<i>Скъолма</i>	<i>Татхара</i>
<i>Хизала</i>	<i>Хъæрхъа,</i>	<i>Госса</i>
<i>Цъуныха</i>	<i>Нагъора</i>	<i>Хамана</i> и т. д.

на -и:

<i>Байради</i>	<i>Даси</i>	<i>Дзæбоди</i>
<i>Джими</i>	<i>Джици</i>	<i>Дзири</i>
<i>Алаци</i>	<i>Кæмарти</i>	<i>Æхсаби</i>
<i>Хъæни</i>	<i>Гæнæби</i>	<i>Гунеди</i>
<i>Гакъури</i>	<i>Уæлдзаби</i>	<i>При</i> и т. д.

на -о:

<i>Бекко</i>	<i>Ликъо</i>	<i>Тхамо</i>
<i>Гæнахъо</i>	<i>Къамцхо</i>	<i>Цехъо</i>
<i>Елхо</i>	<i>Сенкъо</i>	<i>Цъыбало</i>
<i>Зехъо</i>	<i>Сопырыхъо</i>	<i>Кело</i> и т. д.

на -он:

<i>Цъисон</i>	<i>Здарон</i>	<i>Æппатон</i>
<i>Цулагон</i>	<i>Адалмон</i>	<i>Хæлхон</i>
<i>Хъивон</i>	<i>Сухон</i>	<i>Гибинон</i> и т. д.
<i>Къæдзыгон</i>	<i>Гъулон</i>	

с элементом ил-, ел-, ер-:

<i>Ил</i>	<i>Елтæ (Уелтæ)</i>	<i>Елхъабантæ,</i>
<i>Елхо</i>	<i>Елбатты цъити</i>	<i>Елхот</i>
<i>Елгона</i>	<i>Елмард</i>	<i>Ерхот</i> и т. д.

с элементом -ск, -скъ:

<i>Агинаскæ</i>	<i>Мамалескæ</i>	<i>Къунскæ</i>
<i>Гарнискæ</i>	<i>Згъарискъ</i>	<i>Цъифскæ</i>
<i>Гелискæ</i>	<i>Æхсаск</i>	<i>Мадзаскæ</i>
<i>Дæлкенаскæ</i>	<i>Тæмискъ</i>	<i>Мурхуаскæ</i>
<i>Дзæгæраскæ</i>	<i>Толоскæ</i>	<i>Кусескæ</i> и т. д.

Географические названия нередко сигнализируют и о ископаемых богатствах, скрытых в недрах земли. Такие топонимы как *Фæрдыгдон* «Обильный самоцветами», *Топпыхосдон* «Место пороха», *Здыый хох* «Свинцовая гора», *Майли* из тюрк. «Там, где масло, жир, нефть», *Бурусы рæбын* из тюрк. «У подножия, где буравили» и т. д., сигнализируют о наличии в этих местах каких-то металлов, нефти или других ископаемых богатств.

Из изложенного выше следует, что тщательное, систематическое и всестороннее изучение топонимии Северной Осетии окажет услугу не только лингвистам, но и историкам, этнографам и представителям других смежных наук. Такую услугу топонимия сможет оказать в том случае, если географические названия данной административной единицы будут собраны полностью и проанализированы.

Только после проведения указанной работы, можно говорить о выявлении закономерностей словообразования и формообразования в топонимии Осетии, проследить имеющиеся топонимические ряды и выявить различные языковые пласты, принявшие участие в формировании осетинской топонимии. А для этого требовалось, прежде всего, фронтально записать все географические названия на территории Северо-Осетинской АССР. С этой целью мною и была исхожена вся Осетия, как говорится, вдоль и поперек и проведена запись топонимов повсеместно путем устного опроса.

Топонимию тех сел в горах, от которых в результате переселения их населения остались одни развалины, я восстанавливала также путем опроса лиц старшего поколения, переселившихся из тех мест на плоскость. Кроме того, были извлечены географические названия Осетии из имеющихся печатных источников (различных географических карт, кавказоведческой литературы, архивных фондов ЦГА СО АССР, ЦГА ЧИ АССР, ЦГАДА, ЦГВИА СССР, АВПр МИД СССР, ОРФ СОНИИ и др.). В результате всей указанной работы составлена мною картотека географических названий Северной Осетии, насчитывающая около 10 000 карточек. Правда, 1512 названий из этой картотеки составляют топонимы той части Казбекского района Грузинской ССР, которая населена осетинами, а именно — Гудского, Трусковского, Мнинского ущелий и с. с. Коби, Верхний и Нижний Ухат, Кумлиسخе. И все же мы не претендуем на исчерпывающий охват топонимов описываемой республики. И вот почему. От многих населенных пунктов горной полосы Северной Осетии остались одни развалины и груды камней, а жители их, начиная с первых лет Советской власти, переселились на плоскость (в 1920—1923 г. г. и в 1944 г.). Здесь можно назвать с.с. Байыком, Суарх, Пуриат в Закинском ущелье Туалетии, полностью населенные пункты Джинатского и Зругского ущелий, затем с. с. Кليات, Тли, Царгаста и др. (Туалетия), полностью Хилакское ущелье и с. с. Ацонага, Кора, Уаласых (Куртатинское ущелье) и т. д. Пожалуй, на территории Северной Осетии нет такого ущелья, где бы несколько населенных пунктов не переселились полностью на плоскость.

И хотя я и разыскивала людей, от которых записывала географические названия их прежнего селения, но ведь эти люди десятилетиями уже не живут в горах, не работают на этих землях и значительное количество названий просто они позабыли. В результате безвозвратно для науки погибли многие десятки и сотни географических названий. Эта участь постигла не только нагорную полосу Северной Осетии, но частично и Моздокский район. В этом районе также безвозвратно исчезли многочисленные Цъайтæ «Хутора», букв. «колодцы», в которых проживали люди до коллективизации. Названия их самих в основном записаны, но названия отдельных объектов вокруг каждого из хуторов потеряны, которые, судя по названиям самих хуторов, могли представлять некоторый интерес. Кроме того, в корне изменились общественный строй и хозяйственный уклад жизни осетин, как и всех советских людей. Вместо единоличных хозяйств, обрабатывающих небольшие клочки земли, теперь — коллективные хозяйства, располагающие значительными земельными массивами в плоскостной части Осетии. Небольшие же пахотные, покосные и пастбищные участки, извечно разделенные межами в нагорной полосе, теперь полностью используются колхозами и совхозами Осетии в качестве летних пастбищ. Многие же из бывших обрабатываемых участков, расположенных на труднодоступных склонах гор, вовсе уже заброшены. Таким об-

разом, все это ведет к стиранию и забвению названий, закрепленных за многочисленными мелкими клочками бывших обрабатываемых земель.

Из сказанного выше понятно, почему я не претендую на исчерпывающий охват топонимов Северной Осетии.

Чтобы топонимия служила опорой и помогала лингвистам, историкам, этнографам и специалистам других областей знания в разрешении изучаемых проблем, мало составить сводную работу по топонимии одной какой-либо административной единицы. С этого, конечно, нужно начинать. Но этого мало. Для этого крайне необходимо составление топонимических словарей больших природных регионов, скажем Северного Кавказа и Дагестана, Кавказа, Средней Азии и т. д. Только при наличии таких сводных работ, можно будет заняться сравнительным изучением топонимов, увидеть какие языковые пласты и в какой степени интенсивно представлены на территории той или другой административной единицы. А это в свою очередь послужит ключом к пониманию не только исторических путей формирования топонимии данной местности, но поможет осветить и вопросы формирования того или иного этноса, вопросы о вкладе того или иного народа в лексику другого. Тогда можно будет иметь новые данные о так называемом кавказском субстрате осетинского языка.

*

* *

Историю изучения географических названий Северной Осетии условно можно подразделить на два периода.

К первому периоду следует отнести работы и всевозможные описания Кавказа, в том числе и Северной Осетии, принадлежавших русским и зарубежным ученым конца XVIII, XIX вв., а также начала XX в. Сюда следует отнести и многочисленные описания гор и ледников Кавказа, оставленные географами, геологами, альпинистами, туристами и путешественниками. Здесь мы не говорим о путевых заметках тех путешественников, которые посещали Осетию еще раньше.

Во второй половине XVIII в. русский царизм уже начинает искать пути присоединения к своей империи Кавказа. Снаряжаются и посылаются всевозможные экспедиции под разными предлогами для выявления природных богатств отдельных районов Кавказа, для сбора всякого рода сведений о народах, населяющих его. Одной из них была экспедиция в горы Осетии горного инженера Степана Ванявина, целью которой было выявление природных ресурсов Осетии. В результате С. Ванявиным был составлен «Примерный план найденным в Осетии металлическим серебряным и свинцовым признакам», помеченный датой 21 день июля 1768 г. Этот план охватывает земли теперешней Северной Осетии от р. Сунжа на востоке до р. Ираф (Урух) на западе (в плоскостной ее части), затем

Куртатинское и Алагирское ущелье (из нагорной полосы). Эта, конечно, очень схематическая карта указанной территории Осетии.

Для нас интерес представляют на этом плане названия рек Сунжа, Фийагдон, Урсдон и Ираф. Река Сунжа на «Примерном плане...» С. Ваниявина имеет форму *Сунь саа*¹. Название это, по-видимому, тюркское. В нем смело можно выделить тюркские *су/суы* «вода», «ручей», «река». Кроме того, из работы В. А. Кучкина «Где искать ясский город Тютяков?» мы узнаем, что в Симеоновской летописи под 6826 г. сообщается об убийстве князя Михаила Ярославовича Тверского «на реке Наи у города Дедакова»². Реку Наю Кучкин отождествляет с р. Севенц, принимаемый рядом авторов за р. Сунжу³. Стало быть, р. Сунжа, во времена составления Симеоновской летописи (в XIII в. н. э.) имела два названия, одно из которых — Наю, очевидно, восходит к осетинскому отглагольному имени *найæн* «переправа», «место переправы», «брод», «купальня», вытесненное впоследствии другим названием.

Река Фийагдон на плане С. Ваниявина имеет написание *Фок*. А в документах 1751 г. она значится как *Фиак*⁴. Ваниявин, видимо, дал неправильное написание названия этой реки на плане, хотя позднее и академик Гюльденштедт утверждал, что название ее *Пфог, Фог* (см. ниже), позаимствовав, очевидно, это название из «Примерного плана...»

Река Урсдон на плане С. Ваниявина носит название Аксу⁵. Название это тюркское и означает букв. «Белая река», что совпадает полностью по значению с современным ее осетинским названием. Возможно, осетинское *Урсдон* является калькой тюркского *Аксу*.

Река *Ираф* (Урух на современных картах) имеет на «Примерном плане...» написание Урюф⁶. От этого неправильного написания, нужно думать, произошло современное официальное название этой реки Урух. Осетины ее никогда не называют другим именем, кроме как *Ираф* «Ираф», объясняемого очень точно из самого осетинского языка. Заметим, что слово *урух* тоже осетинское и означает «широкий», «просторный». Но *Ираф* — стремительная горная река, не имеющая широкого русла. Длина ее течения 104 км., из которой всего на нескольких километрах до впадения в Терек она имеет более или менее широкое русло и спокойное течение. Следовательно, название ее Урух (на картах) совершенно не соответствует физическим качествам этой реки, а представляет результат, по-видимому, ошибочного восприятия и написания чужого слова инженером С. Ваниявиным на «Примерном плане...»

¹ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, ед. хр. I, л. 144.

² Известия СОНИИ, т. XXV. Орджоникидзе, 1966, стр. 173.

³ Там же, стр. 175.

⁴ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II, ед. хр. I, л. 144.

⁵ Там же, л. 144.

⁶ Там же, л. 144.

Нужно сказать, что экспедиция С. Ванявина имела определенное задание, о котором говорилось выше. В ее планы совершенно не входило описание Кавказа, или составление подробной географической карты Осетии. Этим объясняется отсутствие названий многих крупных географических объектов (названия гор, долин, населенных пунктов и т. д.) на составленном им «Примерном плане...»

Первые описания Кавказа принадлежат русским и иностранным ученым и путешественникам. Среди них выделяются своим значением путешествия на Кавказ русских академических экспедиций конца XVIII в. Северный Кавказ (в том числе и Осетию) посетили из этих экспедиций И. А. Гюльденштедт и П. С. Паллас.

Академик И. А. Гюльденштедт во время своего путешествия по югу России, Северному Кавказу и Грузии (1770—1773 г. г.) посетил Дигорию, прошел по течению реки Терек от г. Моздока до с. Чми, побывал в Юго-Осетии. В записках И. А. Гюльденштедта мы находим названия населенных пунктов, расположенных по пути его следования, описание бассейна р. Терек и ее притоков. Интересно, что для некоторых притоков Терека он дает названия и на некоторых кавказских языках. Так, о р. *Фийагдон* (в написании И. А. Гюльденштедта *Пфог*, *Фог*) говорится у него, что «... по-черкесски (она называется А. Ц.) «Пог»¹, о р. *Камбилеевка* (у Гюльденштедта *Кумбилей*) читаем «... или Галим на языке кистов»². Нужно заметить, что И. А. Гюльденштедт, также как и Ванявин, неправильно передает название р. Фийагдон, как *Пфог*, *Фог* о чем свидетельствует ее написание в приведенном выше документе 1751 г. как *Фиак*.

В заметках И. А. Гюльденштедта нет даже попытки осмыслить содержание приводимых осетинских топонимов. Точно также отсутствуют этимологии осетинских топонимов и в Заметках о путешествии в южные наместничества Российского государства академика Палласа П. С. Да и упрекать в этом их нет смысла. Они путешествовали по южной России и Кавказу (в том числе и по Осетии) с целью изучения их географии, а не топонимии.

Не находим мы этимологии осетинских топонимов и в Общем историко-топографическом описании Кавказа Я. Рейнеггса, где осетинам посвящен специальный раздел. Несмотря на то, что Рейнеггс был достаточно знаком с осетинским языком, о чем можно судить по составленному им осетинскому словарю, в его работе мы имеем множество искажений при передаче не только географических названий Осетии, но и личных имен и названий отдельных осетинских племен. Так, св. *Тбау Уацилла* у Рейнеггса значит «Таувачилля», с. *Хидыхъус* — «Гейдикус» и «Ги-

¹ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967, стр. 74.

² Там же, стр. 74.

кус», название же с. *Хæрисджын* передает он правильно (Харискин) букв. означающее «Обильная ивами», «Ивовая», но считает его фамилией, р. *Ардон* имеет написания *Арадон*, *Иордан*, *Эрден*, *Аравон*, р. *Фæйнæджыдон* — Тайначидон¹ и т. д.

Более полно изучается Кавказ в XIX в. после его присоединения к России. В это время усиленно ведутся работы по укреплению, расширению и продвижению вглубь так называемой Кавказской линии. Результаты не заставили себя долго ждать. По мере продвижения и укрепления Кавказской линии вглубь страны (Кавказа) на правом и левом берегах Терека (на территории современной Северной Осетии) появляются первые казачьи посты, военные укрепления и поселения, станицы и селения коренных жителей — осетин.

Известная с древнейших времен дорога через Главный Кавказский хребет, соединяющая Закавказье с Предкавказьем, приобрела опять большое военно-стратегическое значение с присоединением Грузии к России. Поэтому «в 1800 году учреждена военная дорога из Грузии в Моздок»², получившая название Военно-Грузинской дороги в 1960 г. после ее реконструкции.

Распоряжением корпусного командира в 1824 г. военная дорога из Моздока в Грузию была перенесена на левый берег р. Терек от Екатеринодара до Владикавказа³. Вот для охраны этой дороги и было построено несколько военных укреплений с 1825 по 1829 г., в том числе и укрепление Ардонское, Архонское (1825 г) и Дур-Дурское (1829 г.).

В 1837 г., когда император возвращался из поездки в Закавказский край (согласно маршруту императора при его поездке на Кавказ в 1837 г., на территорию теперешней Северной Осетии он прибывал из Грузии через Военно-Грузинскую дорогу и следовал через с. Казбеги, пост Ларс, укрепление Владикавказ, пост Ардонский⁴ и т. д.), то заметил «что совершенно покойное состояние Кабарды и Осетинских обществ позволяет упразднить укрепления, находящиеся на Военно-Грузинской дороге между Владикавказом и Екатеринодаром»⁵. А для обеспечения безопасности «главного сообщения Закавказских провинций с Россиею»⁶ предполагалось создать на Военно-Грузинской дороге цепочку военных поселений на указанном отрезке. Так, на месте Дур-Дурского укрепления при впадении р. Белой в Терек в местности Бекан 1 мая 1838 г. была основана станица (первоначально военное поселение) Николаевская. В ней было

¹ Осетины глазами русских и иностранных путешественников, Орджоникидзе, 1967, стр. 99—100.

² ЦГВИА, ВУА, коллекция 482, ед. хр. 115, л. 20.

³ Там же, л. 29 и об.

⁴ ЦГВИА, ф. 14719, оп. 10 ед. хр. 30, л. 5 и об.

⁵ ЦГВИА, ВУА, 6164, ч. 95, лл. 22 и об., 23.

⁶ ЦГВИА, ф. 38 оп. 30/286, св. 843, д. 14, лл. 225—230.

поселено 111 семей¹. На местах укреплений Ардонское и Архонское были также основаны в 1838 г. станица Ардонская² и станица Архонская в 1839³. Станица Змейская была основана значительно позже, только в 1849 г. на месте бывшего Змейского поста⁴.

С той же целью обеспечения безопасности Военно-Грузинской дороги правительство предпринимало меры и по заселению правого берега р. Терек местным населением. В одном из архивных документов по этому вопросу сказано: «4. Для вящего обеспечения Военно-Грузинской дороги поселить на правом берегу Терека несколько аулов из осетин и кабардинцев»⁵. Так появляются на плоскости первые осетинские селения Заманкул в 1835 г. и Эльхотово в 1842 г. Как видим, новым объектам давались и новые названия. И давались они по названиям наиболее близких к ним географических объектов, в данном случае рек (станицы Ардонская, Архонская, Змейская, расположенные на берегах рек Ардон, Архон дон и Змейка), по личным именам (станица Николаевская) и по названию местности (урочища Заманкул и Эльхот).

Если в задачу первых академических экспедиций (Гюльденштедт, Паллас) входило изучение географии Кавказа, то в XIX в. Кавказ, в том числе и Осетию, стали изучать с целью выявления его природных ресурсов, стали составляться карты Кавказа в основном для обеспечения успеха необходимых военных операций. Вот поэтому в 1832 г. при Кавказском корпусе была создана особая рота топографов, съемочные и рекогносцировочные работы которых дали возможность составить и приступить к изданию десятиверстной (в 1847 г.), а затем и пятиверстной (которая была закончена в 1868 г.) карт Кавказа. На эти карты было нанесено значительное количество и осетинских топонимов.

В рассматриваемый период Осетией по-прежнему занимаются путешественники и географы, но теперь добавляются к ним еще геологи, естествоиспытатели, многочисленные альпинисты и туристы. Так, в самом начале XIX в. (в 1807—1808 г.г) Осетию посещает немецкий лингвист-востоковед Генрих-Юлиус Клапрот. Побывав во многих местах Северной и Южной Осетии, Ю. Клапрот собрал значительный языковой материал, на основании которого он впервые правильно осветил вопрос происхождения осетин, назвав их непосредственными потомками аланских и сарматских племен. Ему же принадлежит честь первооткрывателя и в том, что дигорский является диалектом осетинского языка, а не самостоятельным языком⁶.

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 843, д. 14.

² Там же, лл. 225—230.

³ Там же, лл. 199—204.

⁴ Там же, л. л. 199—204.

⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 842, д. I, лл. 59—61.

⁶ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе. 1967, стр. 111.

В работе Ю. Клапрота впервые мы находим этимологии некоторых осетинских топонимов. Так, например, у него читаем: «... Другой высокой горой, ... является Казбек, который грузины называют Мкинвари, а осетины Урсох, т. е. белая гора...»¹, «Исди-хонг, т. е. свинцовая гора»², «Саудон, т. е. черная вода»³ и др. Важно и то, что Ю. Клапрот дал подробное описание осетинских сел, расположенных в Дарьяльском, Гудском, Трусовском ущельях. Также подробно дает расположение населенных пунктов и на территории современной Северной Осетии в Даргавском, Кобанском, Санибанском, Куртатинском и др. ущельях. Указывает расстояние между отдельными населенными пунктами.

Можно без преувеличения сказать, что из всех описаний Осетии в рассматриваемый период, самые интересные сведения не только о быте, нравах, языке осетин, но и их топонимии, оставил Ю. Клапрот. Хотя нужно отметить, что правописание географических названий Осетии в трудах Ю. Клапрота не всегда безупречно, а иногда даже искажено. Но всегда он дает почти точную их локализацию и нетрудно восстановить их правильные формы. Этимологизирует географические названия Осетии Ю. Клапрот только в том случае, когда это не вызывает у него сомнения.

*
* *
*

Как было сказано выше, в XIX в., особенно во второй его половине, и в начале XX в. Кавказ, в том числе и Северная Осетия, привлекают к себе внимание русских и зарубежных ученых. Создаются многочисленные комитеты, общества и их отделения с печатными органами, целью которых было всестороннее изучение Кавказа, описание быта, нравов, языков народов его. Среди них следует выделить «Ежегодник русского горного общества» (орган Русского Горного общества), «Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества» (орган Кавказского отделения императорского русского географического общества), «Известия Кавказского отделения императорского Московского археологического общества» (орган Кавказского отделения императорского Московского археологического общества), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (издание управления Кавказского учебного округа), «Терский календарь» (издание Терского областного статистического комитета) и многие другие. На многих страницах названных и других изданий того времени мы находим сотни географических названий Осетии. Так, например, в «Ежегоднике русского горного общества» печатались многочисленные работы об орографии и ледниках Осетии.

¹ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967, стр. 112.

² Там же. стр. 115.

³ Там же. стр. 118.

Значительный топонимический материал по Осетии содержится в трудах Кавказского отделения императорского русского географического общества. Среди них следует выделить работы неутомимого путешественника по Кавказу, ставропольского учителя Н. Я. Динника. Его «Путешествие по Дигории», «Современные и древние ледники Кавказа», «Осетия и верховья Риона» не потеряли значение и в наши дни. В работе «Путешествие по Дигории» Динника дано прекрасное описание долины р. Ираф (Дигорского ущелья) с ее многочисленными бсковыми ответвлениями. В ней автор довольно подробно описывает флору и фауну долины Ирафа. Здесь же находим у него и скрупулезное описание культового места *Дигоризади лэгат* «Пещера покровителя (ангела, патрона) Дигории», называемого им *Олисайдом*. Затем переходит к описанию ледников в Верховьях Ирафа (ледник *Тана* «Тана» в ущелье Харес). Им была составлена карта Караугомского ледника, приложенная к его работе.

Хотя в рассматриваемой работе Н. Я. Динника приводится более 21 макротопонимов, но объяснение их значений автор не дает, за исключением названия с. Дур-Дур. Об этом же названии у него читаем: «Название это означает: камень-камень»¹, с чем, конечно, трудно согласиться.

В прекрасной работе Н. Я. Динника «Современные и древние ледники Кавказа» дается описание Главного Кавказского хребта, его ледников и снежных вершин. И здесь мы находим около 29 географических названий Осетии, но ни разу автор не пытается вскрыть их значение.

В работе «Осетия и Верховья Риона» Н. Я. Динник охватывает Алагирское ущелье (отрезок от г. Алагира до Мамисонского перевала) и приводит массу топонимов, как всегда без попытки пояснить их содержание. Зато в работе чувствуется автор — страстный натуралист и увлеченный описанием ледников Кавказа. Заметим, что не один Динник увлекался описанием ледников Осетии. В частности, описание Караугомского ледника того времени оставили Селла, Фрешфильд и др. Посетил в свое время Караугомский и Цейские ледники и председатель Русского горного общества А. К. фон-Мекк. Об орографии Цейского ледника он оставил интересную заметку под названием «Адай-хох или Уилпата»².

В Ежегоднике Русского Горного общества помещены работы Ендржеевского Н. В., Марковича В. В., Рашевского Н. Н., Поггенполь Н. В., Преображенской М., Мерцбахера Г., Керцелли, Соколова А. Е. и др. о горах и ледниках Кавказа. В работах названных и других ученых, путешественников и альпинистов мы находим значительное количество осетинских топонимов, разумеется, без всякого объяснения их значения, которые почти все вошли в нашу топонимическую картотеку.

¹ ЗКОИРГО, кн. XIV, в. I, Тифлис, 1890, стр. 3.

² См. ЕРГО, кн. III, за 1903 г. Москва, 1905, стр. 115—123.

Ледники Казбекского массива изучали В. В. Дубянский, А. К. фон-Мекк, Н. В. Поггенполь, отважная женщина-альпинистка, учительница из г. Владикавказа (теперь г. Ordжоникидзе) Мария Преображенская и др. Последняя несколько раз поднималась для ведения исследовательской работы на вершину Казбека. Она исследовала и соседние с Казбекским ледником районы.

В работах А. И. Ендржеевского «Экскурсия на ледники в верховьях рек Сонгути-дона и Сарди-дона», «По современным и древним ледникам Дигории»; В. Ранкетти «Новый перевал из долины Мамисона в долину Цей», «Заключительный цирк северной ветви Цейского ледника», Н. Н. Рашевского «Из Алагира в Нальчик», «Через Гобивцек» и др. даны прекрасные для своего времени описания ледников Северной Осетии, бассейнов ее рек. В них названы основные переходы через отдельные ледники и перевалы между ущельями Осетии, а также Грузии и Балкарии, но нигде нет даже попытки осмыслить значение того или другого названия, дать какое-нибудь его толкование.

Основным недостатком рассматриваемых работ является отсутствие всякой системы при записи топонимов того или другого района и неточная их транскрипция. Последняя объясняется тем обстоятельством, что в то время не было еще достаточного количества грамотных географических карт Осетии, а местное население почти сплошь было неграмотным и не могла оказать им нужную помощь. Поэтому все названия записывались на слух, что часто приводило к ошибочному и неточному их написанию. Кроме того, указанные исследователи и путешественники, а также туристы занимались, в основном, изучением и описанием определенных объектов — гор и ледников Осетии. Отсюда, естественно, в их работах редко встречаются другие топонимы. И все же следует отдать дань уважения их трудам, благодаря которым мы располагаем целыми списками топонимов Осетии XVIII—XIX в.в. Этими списками можно пользоваться для сравнений и сопоставлений географических названий, встречающихся в последующих описаниях. Ценно и то, что в названных выше работах, находим ряд забытых в наше время названий, или же другие (параллельные) названия некоторых географических объектов. Так, например, из работы Э. А. Штебера «Ледниковые обвалы в истоках Геналдона» мы узнаем, что гора Шаухох (Саухох, имеется в виду гора Джимара с ледником А. Ц.) по одноверстной карте, у жителей Санибанского ущелья называется *Тымбыл цъити* (в написании Штебера Тамбал-цити), жители Даргавского ущелья называют ее *Чиристи-хох*, а куртатинцы и кобанцы — *Джимарай-хох*¹. Из работы Ю. Клапрота узнаем, что гора Казбек называлась в те времена и *Урс хох*, а селение *Калотыхъау* «Калотикау»

¹ См. «Терский сборник», в VI. Владикавказ, 1903, стр. 235.

в Куртатинском ущелье (точнее в Хилаке, теперь здесь только одни развалины) называлась еще и *Мархат* и т. д.

Из изложенного видно, что географические исследования XIX в. в основном были посвящены изучению геологии, орографии и ледникам Кавказа. За исключением работы Ю. Клапрота, в них нет этимологического анализа географических названий Осетии.

Следует еще сказать об одном виде работ, появившихся в конце XIX в. и в первое десятилетие XX в. Это статьи, посвященные описанию отдельных населенных пунктов плоскостной части Осетии. В них, как правило, давалось время обоснования данного селения, краткое описание его географии, флоры и фауны. Говорилось о его первопоселенцах. В отдельных случаях имеются попытки дать этимологию названия данного населенного пункта. Писали эти статьи учителя, отдельные представители интеллигенции и государственные чиновники. Так, в Сборнике для описания местностей и племен Кавказа (в. XVI, Тифлис, 1893) помещена статья бывшего учителя Аксаевского училища А. Цаллагова «Селение Гизель (или Кизилка)». В ней автор дает как бы очерк истории, быта и правов (осетин) гизельцев того времени. Указывает время его основания, количество и названия отдельных аулов, от слияния которых образовалось с. Гизель. Говорит об его климате, растительном мире. И, наконец, делается им попытка этимологизировать название с. Гизель, возводящего им к татарским *киз-эль* «девушка-ветер»¹, что, конечно, неверно.

В «Терском сборнике» разновременно были помещены статьи З. Соisieva «Станица Чернаярская»², С. И. Толмачева «Селение Алагир»³ и др. Все эти статьи построены однотипно. В них дается время основания того или другого населенного пункта, состав и занятие его населения, физико-географическая характеристика места его расположения, иногда делается попытка осмыслить значение его названия.

*
* * *

Об изучении географических названий Северной Осетии в плане лингвистическом мы можем говорить лишь со времен А. М. Шегрена, Вс. Ф. Миллера (т. е. со второй половины XIX в., точнее с 40-х годов XIX в.), заложивших основы научного и историко-сравнительного изучения осетинского языка.

В капитальных трудах Вс. Ф. Миллера «Осетинские этюды» (части I, II, III), «Язык осетин», «Осетинско-русско-немецкий словарь» (в трех

¹ СМОНПК, в. XVI. Тифлис, 1893, стр. 1.

² Терский сборник, в. V. Владикавказ, 1903, стр. 30—76.

³ Там же, стр. 108—129.

томах), в путевом дневнике «В горах Осетии» и др. приводятся многочисленные осетинские топонимы не только на территории современной Северной Осетии, но и на территории современной Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Кубани.

В третьей части «Осетинских этюдов» Вс. Ф. Миллер впервые в истории осетиноведения показал значение анализа топонимических названий для определения территории, занимаемой прежде предками осетин. На основании лингвистического анализа таких топонимов, как *Шак-дан*, *Ша-укам*, *Мысты-кам*, *Джуар-фчик*, *Орс-фандаг* и мн. др. на территории от Эльбруса до верховьев р. Ираф, т. е. на территории современной Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, Вс. Ф. Миллер убедительно доказал, что названия эти оставлены здесь ираноязычными предками современных осетин. Следовательно, в прошлом указанную территорию занимали предки осетин, а тюркоязычные балкарцы и карачаевцы пришли сюда позднее.

Всеволод Федорович Миллер даже конкретизировал, исходя из фонетического облика, анализируемых им топонимов, что занимали эту территорию предки дигорской ветви осетинского народа¹. Больше того, анализ ираноязычной топонимии к западу от современной Осетии (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии), с учетом данных истории и археологии, может пролить некоторый свет на хронологию перехода гласного *a* в *o* перед сонорными в осетинском.

В более ранней работе Вс. Ф. Миллера «В горах Осетии»², приводятся свыше 35 топонимов из Алагирского и Дигорского ущелий. Среди них названия гор (*Кион-хох*, *Адай-хох*), рек (*Цейдон*, *Ардон*, *Сонгутидон*), населенных пунктов (*Алагир*, *Нузал*, *Фæснæл*, *Москва*, *Ардон* и др.), пещер, лугов (*Марги*, вместо современного *Морги*, *Баделий хуасгæрцæ*, *Урочище св. Николая*) и др. Правда, Вс. Ф. Миллер не анализирует приводимые топонимы, зато здесь полностью приводятся им Предания о ногайцах, занимавших некогда Дигорию, об осаде Галиаты Сахом, об Осе и основании Камунты и заселении с. Стыр-Дигор, в которых имеются народные этимологии отдельных осетинских топонимов.

В трехтомном Осетинско-русско-немецком словаре Вс. Ф. Миллера³ также приводятся некоторые осетинские топонимы. Здесь в основном приводятся названия отдельных населенных пунктов и культовых мест.

Хотя у Вс. Ф. Миллера нет ни одной специальной работы по топонимии современной Северной Осетии, но все его труды, посвященные анализу лексики, фонетики и грамматического строя осетинского языка,

¹ Вс. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. Москва, 1887, стр. 10.

² См. журн. «Русская мысль», кн. IX. Москва, 1881, стр. 55—105.

³ I-й том указанного словаря издан в 1927 г., II-й в 1929, III-й в 1934 г. в Ленинграде. Изданы они посмертно под редакцией проф. Фреймана А. А.

а также вопросам истории Осетии, дают ключ в руки исследователя для понимания законов словообразования и фонетики осетинского языка, выясняют отдельные вопросы происхождения его лексики и грамматического строя. Коротче говоря, они служат руководством исследователю любого раздела осетинского языка.

Специальные работы географическим названиям Кавказа посвятил К. Ф. Ган. Это «Перевалы Кавказа»¹, «Опыт объяснения Кавказских географических названий»², «По долинам Чороха Уруха и Ардона»³ и др. В них приводятся многочисленные осетинские топонимы. Если в статье «По долинам Чороха, Уруха и Ардона» нет ни единой попытки осмыслить значение приводимого топонима, то в работе «Опыт объяснения кавказских географических названий» автор уже пытается объяснить, как об этом свидетельствует и название работы, происхождение приводимых им географических названий. Так, например, из 120 осетинских топонимов, приводимых в этой работе, нет такого, значение и морфологический состав которого не попытался бы объяснить К. Ф. Ган. Правда, наряду с правильными этимологиями типа *Бæхфæндаг* «Тропа доступная лошадям» (стр. 23), *Дзуары хъæд* «Священная роща» (стр. 53), *Донифарс* «Тот берег реки» (стр. 54)⁴ и др., в работе встречается довольно много произвольных и ошибочных этимологий. Например: название с. *Бирæгг-зæнг* (оно представляет собой сложное слово из *бирæгг* «волк» + *зæнг* «полоса») букв. «Волчья полоса» автор разлагает на *бирæгг* и суф. обилия — *джин* — результат неправильного восприятия и написания (*Бирегденг-кау*)⁵ непонятного ему названия. Также ошибочно объясняется им название с. *Даргъ-Къох* букв. «Длинная роща» как «Длинная гора», т. к. он не видел разницу между словами *къох* «роща» и *хох* «гора»⁶. Количество примеров этого рода в рассматриваемой работе К. Ф. Гана можно увеличить, но в этом нет необходимости. Какие бы не были погрешности в объяснении отдельных названий у Гана, он первый специально занялся изучением и этимологией географических названий Кавказа и Осетии, зафиксировал их множество и обратил на этот раздел лексики внимание ученых. Не следует забывать и то, что во времена работы К. Ф. Гана осетины были почти сплошь неграмотными, сам же он не владел осетинским языком и, естественно, вкрадывались ошибки в написание топонимов при устном восприятии чужого для исследователя языка.

¹ Напечатана в газете «Кавказ», 1902 г. № 129.

² Напечатана в СМОМПК, в. 40-й, Тифлис, 1909, стр. 1—164.

³ Напечатана в СМОМПК, в. XXV. Тифлис, 1898.

⁴ СМОМПК, в. 40, Тифлис, 1909; мы не соблюдали в приводимых из работы К. Ф. Гана примерах правописание автора, т. к. оно не соответствует ныне действующим нормам орфографии осет. языка.

⁵ Там же, стр. 26.

⁶ Там же, стр. 46.

Широкое изучение топонимии Северной Осетии, как и всех разделов осетинского языка, стало возможным только после победы Великого Октября и установления Советской власти в нашей стране. Только теперь была создана национальная осетинская школа, и не только общеобразовательная, но и высшая. С открытием первого в Российской Федерации национального педагогического вуза (Северо-Осетинский Государственный педагогический институт, а с 1969 г. Северо-Осетинский Государственный университет) в 1922 г. и Северо-Осетинского научно-исследовательского института в январе 1925 г., осетины получили возможность иметь своих специалистов высокой квалификации почти по всем отраслям знания гуманитарного цикла. Только после победы Октября широким потоком стали расти национальные кадры, занявшиеся глубоким и всесторонним изучением своей истории, культуры, языка. Здесь, прежде всего, следует назвать работы первого советского профессора на Северном Кавказе, первого ректора Северо-Осетинского педагогического института Алборова Бориса Андреевича.

Научные интересы проф. Алборова Б. А. были разносторонними. Много времени он посвятил изучению отдельных вопросов устного народного творчества осетин, истории, этнографии, исследованию грамматического строя осетинского языка и истории его письменности. Он первый создал Грамматику осетинского языка на родном языке, разработав для нее соответствующую лингвистическую терминологию. Немало сил и энергии потратил проф. Алборов Б. А. и на изучение отдельных сторон топонимии Осетии. Первая его топонимическая работа «Осетинские названия местностей к востоку от Осетии»¹ посвящена иранской топонимии на территории Чечено-Ингушской АССР. В названной работе проф. Алборов Б. А. некоторые географические названия Чечено-Ингушетии, такие как *Герчочь*, *Армхи*, *Сурхохи*, *Ериш-корт*, *Хайхи*, *Мартан*, *Курджин*, *Дугурой*, *Дзаристон* и др., объясняет из осетинского языка, пользуясь сравнительным методом. Так, например, он считает, что гидронимы *Армхи*, *Ардон* и *Ираф* (ирон. *Æрæф*) содержат один и тот же элемент *ар*, возводимый им к этнониму *ир* «осетины». Следует, конечно, заметить, что из приведенных названий этноним *ир* имеем действительно в *Ираф*. Что касается *ар* в *Ардон*, то в принципе и мы его возводим к этнониму, но не к самоназванию осетин — *ир*. В нем мы, очевидно, имеем, этноним какого-то могущественного племени, о чем свидетельствуют многочисленные географические названия, не только в Осетии и Чечено-Ингушетии с элементом *ар*, но на всем Кавказе от Армении до Армавира. В названии же *Армхи* мы склонны видеть иранское *арм* «рука» в первой части и ингушское *хи* «вода» во второй части.

¹ Напечатана в сб. НОЭЯЛ. Владикавказ, 1929, стр. 87—99.

В приводимых проф. Алборовым Б. А. иранских топонимах на территории Чечено-Ингушетии наблюдается одно интересное явление — сращение разноразличных элементов (в данном случае осетинских и вейнахских), на которое не обратил внимание автор статьи. Это сращение наблюдаем в топонимах Сурхохи (из осет. *сурх* «красная» + ингуш. *хи* «вода», *Армхи* (из осет. *арм* «рука» + ингуш. *хи* «вода»), *Хайхи* (из осет. *хай* «доля», «часть» + ингуш. *хи*), *Ахчин-корт* (из диг. *ахчин* «пирог с сыром» + ингуш. *корт* «вершина») и др.

На основании анализа иранских топонимов на территории Чечено-Ингушетии проф. Алборов Б. А. приходит к важному историческому выводу о том, что в прошлом предки осетин населяли земли гораздо восточнее нынешних границ Северной Осетии¹. Это положение Алборова Б. А. позднее блестяще подтвердилось археологическими исследованиями, проведенными В. Б. Виноградовым на указанной территории².

Конечно, с точки зрения современного уровня лингвистической науки, работа проф. Алборова Б. А. «Осетинские названия местностей к востоку от Осетии» во многом устарела. Но она важна, как первый опыт, где путем сравнительно-исторического анализа объясняются географические названия не только на территории современной Северной Осетии, но и на территории, занимаемой некогда ираноязычными племенами, предками современных осетин.

В другой своей работе — «Термин «Нарт» (К вопросу о происхождении нартского эпоса)³, проф. Алборов Б. А., рассматривая вопросы происхождения осетинского нартского эпоса, много внимания уделяет и анализу географических названий эпоса. Многие страницы этой своей работы автор посвятил этимологии названий Мамисонского ущелья и с. Нар. В итоге он пришел к выводу, что в названиях *Мамисон* и *Нар* скрываются этнонимы древних племен *мардов* (*маров*), *наров* и *санов*⁴. Причем, этот вывод Алборов Б. А. делает после тщательного обзора имеющейся литературы по данному вопросу с древнейших времен.

Пользуясь сравнительным методом, проф. Алборов Б. А. некоторые географические названия на территории Северной Осетии объясняет из вейнахских языков. Так, в своей ранней работе (Ингушские «Гальерды» и осетинское «Аларды») название с. *Ламардон* (в Даргавском ущелье СО АССР) он правильно объяснил из ингушского «ламуар» или «ламур» (ламаро) «горцы» + осет. суф. вместилища *-дон*, т. е. «место обитания»

¹ См. сб. НОЭЯЛ. Владикавказ, 1929, стр. 99.

² См. статью В. Б. Виноградова «Жизнь и гибель аланского города», г-та «Социалистическая Осетия», от 27 декабря 1967 г. № 301; его же «Сарматы Северо-восточного Кавказа», Грозный, 1966; его же «Сиракский союз племен на Северном Кавказе», журн. «Советская археология», № 1, 1956, стр. 108—121 и др.

³ Проф. Б. А. Алборов. «Термин «Нарт». Владикавказ, 1930 г.

⁴ Там же. стр. 251, 261, 195, 296 и др.

горцев»¹. Но впоследствии он почему-то отказался от этой правильной этимологии и стал объяснять название с. Ламардон из осет. *ра+мар+дон*, где *Ра* будто древнее название современной р. Стыр дон в Даргавском ущелье, на правом берегу которой было расположено с. *Цаггат Ламардон* «Северный Ламардон», *мар* (из *мал*) «запруда», «плотина» «омут» + *дон* «вода», «река»². Особых доказательств не требует произвольность приведенной этимологии названия с. Ламардон в последней работе Алборова Б. А. В этой же статье (напечатанной на осет. яз.) им были даны этимологии топонимов *Даргавс*, *Пурт*, *Тбау*, *Хынцаг* и др., с которыми мы не всегда согласны.

Целую эпоху в советском осетиноведении составляют труды профессора Абаева Василия Ивановича.

Работы проф. Абаева В. И. для исследователей всех разделов лексики, фонетики и грамматики осетинского языка, как и исследования проф. Вс. Ф. Миллера, являются основополагающими. Хотя у него нет ни одной специальной работы, посвященной вопросам топонимии Северной Осетии, во многих его исследованиях находим те основные положения, без знания которых невозможно приступить к изучению лексики осетинского языка, а стало быть и топонимии Осетии, в которой все названия образуются по общим нормам и законам осетинского словообразования. И такой капитальный труд проф. Абаева В. И. как «Историко-этимологический словарь осетинского языка»³, являющийся своеобразной энциклопедией лексики осет. языка, немалую помощь оказывает топонимисту в понимании значения тех или иных географических названий.

Да и не совсем точно наше утверждение, что у проф. Абаева В. И. нет специальных работ по топонимии Осетии. Ведь в многочисленных его работах рассматривается старая осетинская топонимия на территории Абхазии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Сванетии, Кубани, т. е. на той территории, которая некогда была заселена предками осетин. Из этих работ узнаем, что типы словообразования в старой осетинской топонимии полностью совпадают с таковыми в топонимии современной Северной Осетии.

Путем анализа иранской топонимии на территории к западу от современной Северной Осетии, проф. Абаев В. И., вслед за проф. проф. Миллером Вс. Ф. и Алборовым Б. А., приходит к немаловажным для древней истории Осетии выводам.

В работе «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным

¹ Проф. Б. А. Алборов. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». Владикавказ, 1928, стр. 69.

² Алборов Б. О названиях селений и рек Северной Осетии, в журнале «Мах дуг», № 4, 1966, стр. 96.—На осет. яз.

³ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1. М.—Л., 1958.

языка»¹ проф. Абаев В. И. приводит в доказательство об иранском характере происхождения осетин данные топонимии. Так, на стр. 42, названной работы, он рассматривает различные засвидетельствованные названия Дарьяльского ущелья (Баб-ал-алан, Дариал, Дариала, Дариалани) и доказывает их происхождение из аланского (осетинского) языка.

В рассматриваемой и еще основательнее в работе «Поездка к Верховьям Кубани, Баксана и Черека»², Абаев В. И. на основании анализа многочисленных топонимов из территории современной Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, содержащих осетинские *ком* «ущелье», *дон* «вода», «река», *куырой* «мельница», *æфцæг* «перевал», *фæндаг* «дорога», *орс* «белый», *уат* «место» и т. д., вслед за Вс. Ф. Миллером, приходит к выводу о былом звучании на этой территории осетинской речи. Кроме того, проф. Абаев В. И. обратил внимание на тот факт, что на территории Кабардино-Балкарской АССР и Северной Осетии встречается ряд необъяснимых топонимов с формантом SK³ и привел следующие топонимы с этим формантом:

Zirasko	Rcəvaski	Silbeski
Хоско	Xumiski	Zugusku
K'orosko	Čajnaski	Qərbausku
Maxceskæ	Siski	Bodisku ⁴
Mosk'a	Zarāski	
Zadæleskæ	Muzra ski	
K'useskæ		
Færæsk'æt		

Из территории Дигории Абаев В. И. привел всего 8 топонимов с формантом SK, а на территории горной части Кабардино-Балкарии он зафиксировал 10 топонимов с этим формантом. Мы позволим себе несколько не согласиться с орфографией некоторых из приведенных проф. Абаевым В. И. топонимов с формантом SK в Дигории. Топонимы *Дзираскæ* (Zirasko)⁵, *Хоска* (Хоско), *К'ѳороскæ* (K'orosko) оканчиваются на гласные æ и а. Кроме того, в *Хоска* имеем перед к с, а не ц (Хоско). Топонимы *Москæ* (Mosk'a) и *Кусескæ* (K'useskæ) встречаются не с обрубтивом кѳ, а с заднеязычным к и *Москæ* исходит на слабый гласный æ. Топоним *Фæрæскъæттæ* (Færæsk'æt), на наш взгляд, не относит-

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 42.

² Там же, стр. 271—290.

³ Там же, стр. 282—290.

⁴ Там же, стр. 289—290.

⁵ В скобках мы приводим транскрипцию проф. Абаева В. И.

ся к этому ряду: эта форма им. п.мн. ч. сложного слова из *фæруæ* (в композите полугласный *y* выпадает) «ольха», «ольховый» + *скъæт* «хлев».

К сказанному добавим, что на территории Северной Осетии нами зафиксировано, кроме приведенных выше, еще 30 топонимов с формантом *ск*, *скъ*, большинство которых приходится на долю горной Дигории. Это топонимы *Тæмискъ*, *Згъарискъ* *Хъæдуска*, *Хъаска*, *Мамалескæ*, *Дæлкенаскæ*, *Мадзаскæ*, *Цъифскæ*, *Лакскæ*, *Цъароскæ*, *Дзиласкæ* и др.

Работу «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека» включает проф. Абаев В. И. выводами, где читаем: «7. В виде гипотезы можно предполагать наличие форманта *СК* в одном из «доисторических» языков Центрального Кавказа»¹. Так как среди топонимов с формантом *СК* в Северной Осетии встречаются географические названия *Хъæдуска*, *Цъифскæ*, *Згъарискъ*, *Кусескæ*, *Цъароскæ*, в Балкарии *Хумиски* и др., т. е., такие в которых можно выделить значащие элементы *хъæд* «лес», *цъиф(æ)* «грязь», «болото», «топи», *згъар* «лысына», «белое пятно на лбу у животных», возможно и усечение от *згъарæг* «барсук», *кус(æ)* «гравий», «почва с большим содержанием гравия», *цъар(æ)* «кора», «кожа», *хум(æ)* «пашня», то, может быть, предположить, что указанные названия восходят к несохранившейся аланской лексике со словообразовательным формантом *СК*, а не к лексике доисторических языков Кавказа. Ведь поселения алан — предков современных осетин на Центральном Кавказе засвидетельствованы с древнейших времен². Стало быть и многие десятки необъясненных с точки зрения современного осетинского языка топонимов могут восходить к глубокой древности. Известно, что топонимические названия могут жить очень долго. Как справедливо заметил Б. А. Серебрянников «Могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия как своего рода имена собственные ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраниться в течение тысяч лет»³.

Однако было бы ошибочно утверждать, что все необъяснимые на данном этапе развития науки топонимы Осетии восходят к несохранившейся аланской лексике. Немалое количество географических названий может иметь еще большую древность и восходить к языку аборигенов Центрального Кавказа, т. е. к кавказскому субстрату осетинского языка.

Известно, что язык развивается вместе с развитием общества. Постоянно обновляется его словарный состав, забываются и уходят те слова из словаря, реальные значения которых ушли из жизни народа, носителя данного языка. С изменением и развитием общественного строя входят в словарный состав языка новые слова и понятия, соответствующие но-

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 290.

² Вс. Ф. Миллер, цит. соч., стр. 74—75.

³ Журн. «ВЯ», № 6, 1959, стр. 37.

вым реалиям в жизни общества на новой ступени развития. Не исключено, что многие из отошедших из активного словаря слов сохранились только в топонимии. Это можно подтвердить из факта наличия среди географических названий современной Северной Осетии таких топонимов как *Сивыраутæ* «Похожие на сивыр» (*сивыр* — овальной формы деревянное корыто с дырой в середине), *Кæразау* «Похожий на навес» (*кæраз* — навес на 4 столбах, на который клали убитого молнией), *Уарты фæз* «Щита равнина», *Æсхæрходау* «Похожий на железный шлем» и др. Даже в наши дни можно наблюдать, что многие из приведенных терминов (*сивыр*, *кæраз*, *æсхæрходау*, *уарт*) уже понятны не всем осетинам и поэтому, если они встречаются в тексте, тут же их комментируют, поясняют в сноске. И, хотя в приведенных топонимах мы видим самые обычные нарицательные имена (термины материальной культуры осетин), роль выражаемых реалий которых отходит из жизни современных осетин, они прочно сохраняются в топонимии. И на основании того, что они уже не общеупотребительны, никому в голову не придет заменить те географические названия, в составе которых они и подобные им термины встречаются. В этом и нужды нет никакой. Ведь эти слова в топонимах давно превратились в собственные имена, над значением которых не каждый задумывается и нет никакой необходимости каждому задумываться над этим. Они нужны только для выделения тех или других объектов из ряда одинаковых (скажем, выделить определенный участок пашни, сенокоса, назвать или показать определенную реку, гору, участок леса и т. д.) и эту функцию выполняют топонимы прекрасно, если даже этимология их необъяснима или не совсем уже понятна.

Вот так, по-видимому, было и с топонимами с формантом *СК* о чем свидетельствует наличие среди них некоторых с понятными и объясняемыми из современного осетинского языка частями.

Значительное количество топонимов, наряду с другими разделами лексики, общих в абхазском и осетинском, приводится в «Поездка в Абхазию»¹ проф. Абаева В. И. Здесь на границе Абхазии и Верхней Кубани (район Клухорский) Абаевым В. И. отмечены топонимы *Сурх* «Красный», *Сау сюгит* «Черная земля», «Чернозем», *Фарс* «Сторона» (так называется один из притоков Лабы), *Роскау* «Светлое селение»² и др. Нетрудно заметить, что приведенные топонимы легко объясняются из осетинского языка. На основании анализа общих элементов в лексике абхазского и осетинского языков, ученый приходит к выводу, что некогда эти народы жили в близком соседстве и имели тесное общение между собой.

Три статьи посвятил доцент Гуриев Т. А. анализу топонимических названий Северной Осетии (точнее монгольско-тюркским элементам в

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 309—322.

² Там же, стр. 310.

ней). В одной из них — «Монгольско-тюркские элементы в топонимике Осетии»¹ — автор разбирает топонимы *Заманхъул*, *Елхот*, *Даргъ-Къох*, *Хъахъхъадур*, *Бирæгъзанг*, *Бæрæгъуын*, *Тæтæртупп*, *Джызæл*, *Суадаг*, *Майрæмадаг*, *Дæргъæвс*. При этом Гуриев Т. А. считает, что влияние тюрков и монголов сильно сказалось в топонимии Осетии и даже локализует район наибольшего распространения тюрко-монгольских элементов в ней на территории Северной Осетии. Следует заметить, что эти выводы Гуриева Т. А. несколько поспешны. Как можно определить район наибольшего распространения того или иного топонимического пласта (имеются ввиду языковые пласты), не располагая данными всей топонимии изучаемой территории? А данные как раз свидетельствуют о том, что монгольско-тюркские элементы не в меньшей мере имеются в топонимии Дигории, или Алагирского ущелья, чем в районе с. Заманкул и западнее от него, где локализует их Т. А. Гуриев.

Что касается анализа приведенных в рассматриваемой статье топонимов, то заметим, что трудно согласиться с автором и отнести их полностью и безоговорочно к тюрко-монгольскому слою в топонимии Осетии. Правда, автор и не анализирует все приведенные им топонимы, ограничив себя анализом только трех топонимов: *Елхот*, *Дæргъæвс*, *Бæрæгъуын*. Тщательному лингвистическому анализу, очевидно, наш автор предпочитает поспешные заявления вроде: «Мангойлаг дзырд «дарга» (дзурынц æй «даргъа») — хицау, разамонаг, бæлвырд зыны Ирыстоны топонимтæй дыууæйы «Даргъ-Къох» æмæ «Дæргъæвсы» — «монгольское слово «дарга» (произносят его «даргъа») — господин, предводитель, четко видно в двух топонимах Осетии «Дарг-Кох» и «Даргавс»².

Мы считаем, что из названных в данной статье Гуриевым Т. А. топонимов, к монгольско-тюркским следует отнести только *Джызæл*, *Тæтæртупп*, *Бæрæгъуын*, *Заманхъул*. Причем, последний со значением не только «Временное озеро», но и «Плохое озеро». И это последнее его значение больше соответствует реальному положению вещей, т. к. озеро возле с. Заманкул не раз выходит из берегов, причиняя неприятности жителям.

О языковой принадлежности названий *Елхот*, *Даргъ-Къох*, *Хъахъхъадур*, *Суадаг*, *Майрæмадаг*, *Дæргъæвс* можно поспорить с автором. Дело в том, что топоним *Елхот* рассматривается Гуриевым Т. А. как образование из *ел* (возводимый к *йер*, *ир* «осетины») + монг. *хот* «селение», «место поселения», «город». Об этом же Гуриев Т. А. говорит и в другой своей статье «Елхот и Татартупп»³, где сказано прямо, что название *Елхот* по-монгольски значит «Осетин селение».

¹ Гуриев Т. Монгольско-тюркские элементы в топонимике Осетии. Журн. «Мах-Дуг», № 5, 1964, стр. 81—83.—На осет. яз.

² Там же, стр. 83.—На осет. яз.

³ Статья Т. А. Гуриева: «Елхот и Татартупп» напечатана в газете «Растдзинад», 28 февраля 1965 г., № 40.—На осет. яз.

С этимологией топонима *Елхот* с Гуриевым Т. А. можно согласиться частично. Действительно, во второй части названия *Елхот* имеем монг. *хото*, *хот* «жилище», «поселение», «город», а в первой части не этноним *ир* (из *йер*), выводимый автором статьи с большой фонетической натяжкой, а тюрк. *ер* «место», «земля», «урочище». С течением времени сонорный *р* в первой части топонима перешел в *л*, что нередко наблюдается в композитах в осетинском (ср. *фылдæр* (из *фыр*+*дæр*) «больше», *булæмæргъ* (из *бур*+*мæргъ*) «соловей» и др.). Таким образом, название *Елхот* можно рассматривать как образование тюрко-монгольское со значением «Место поселения, урочища», а не ирано-монгольское «Селение осетин», «Осетинское селение».

Топоним *Даргъ-Къох*, конечно, чисто осетинское и нечего для его объяснения обращаться к монгольским языкам. Кстати, автор только заявил, что *Даргъ-Къох* относится к монгольским, но не объяснил его. Он образован из осетинского им. прилагательного *даргъ* «длинная» и нарицательного им. существительного *къох* «роща». Добавим еще, что у северо-восточных окрестностей с. *Даргъ-Къох* имеются топонимы *Тымбыл къох* «Круглая роща» и «*Скъуыд къох*» «Разорванная (оторванная от леса) роща». Нужно учитывать и то, что с. *Даргъ-Къох* первоначально поселилось северо-восточнее того места, где оно расположено сейчас, у самого леса. Участок леса, возле которого расположилось селение, называется *Даргъ-Къох* «Длинная роща», которое стало названием и селения. В том месте (на месте его первоначального поселения) до сих пор видны следы строений его жителей и их кладбище.

Точно также топоним *Хъахъхъæдур* является по своему составу сложным словом (из формы повелит. накл. *хъахъхъæ* «стереги», «охраняй» и им. существ. *дур* «камень»). Хотя Гуриев Т. А. бездоказательно причисляет его к тюрко-монгольским, но известно, что при переселении из одного места в другое, люди название своего старого поселения нередко переносят и на новое место. А если и не перенесли свое название, то еще долго в больших населенных пунктах отдельные кварталы называют именем того селения откуда они переселились. Так произошло и с названием с. *Хъахъхъæдур*, основная масса жителей которого переселилась из одноименного селения в Даргавском ущелье, этимологию — которого, на основании легенды, дал правильно проф. Алборов Б. А.¹

Такие же сложные слова представляют собой названия *Суадаг* и *Майргæмадаг*. В них можно выделить одинаковую часть *адаг* «овраг», «балка». В. И. Абаев считает, что происхождение слова *адаг* неизвестно².

¹ Алборов Б. О названиях селений и рек Северной Осетии, журн. «Мах дуг», № 4, 1966, стр. 96.—На осет. яз.

² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958, стр. 28.

В первой же части топонима *Суадаг* имеем осет. *сау* «черный»¹, а в *Майрæмадаг* — имя христианского божества святой Марии. От этого имени образовались и осетинские личные имена *Майрæм* «Майрам» (мужское имя), *Майран*, *Маря* (женские имена). Нужно сказать, что и логически нет смысла в том, чтобы объяснение названия *Майрæмадаг* искать в языках тех народов, которые исповедывали ислам и буддизм. Правда, мы знаем, такой факт в топонимии Осетии, когда за местом, где некогда было какое-то почитаемое христианское святилище или церковь, закрепилось татарское название *Тәтәртупп*. Но это объясняется тем, что татары и монголы держали в своих руках эти края более трех веков, изгнав из этих мест предков осетин, остатки которых оказались запертыми длительное время в горных ущельях. Конечно, за три столетия люди могли забыть первоначальное название святилища, но с. *Майрамадаг* основано совсем недавно и дано ему было название из-за святилища в честь св. Марии, расположенного на пригорке над селением.

И, наконец, топоним *Дæргъæвс* «Даргавс», возводится Гуриевым Т. А. к монг. *дарга* «вождь», «предводитель» + *авс* «гробница», «склеп». И это название довольно убедительно объясняется из самого осетинского языка. Оно состоит из *даргъ* «длинная» + *фæз* «поляна». (Подробнее об этом см. нашу статью: «К этимологии одного осетинского топонима»)².

Так подробно пришлось разбирать статьи доцента Гуриева Т. А. чтобы показать, насколько осторожным нужно быть при этимологии любого слова, а тем более топонима, сохраняющегося нередко тысячелетиями и, очевидно, в немалой степени подвергающийся иногда деформации с фонетической стороны. Да и, честно говоря, такому вдумчивому ученому, каким мы знаем Гуриева Т. А., трудно прощать скоропалительные и необоснованные выводы.

Начиная с 1966 г. страницы республиканской газеты «Растдзинад» заполнены статьями Кайтова К. по топонимике и ономастике Осетии. Газета даже ввела специальную рубрику **Нæ фыдæлты таурагътæй** «Из преданий старины» для статей указанного автора. Нужно сказать, что все без исключения статьи, напечатанные в газете «Растдзинад» Кайтовым К., являются дилетантскими. Они ничего общего не имеют ни с наукой, ни с фольклором, к которому, судя по названию рубрики, они должны относиться. Чтобы не быть голословным, разберем некоторые из них. В статье **Туалгом** «Туальское ущелье» читаем: *Æрыдон донь фаллаг фарс ис Цми. Цми — ома цы ми кæнут — «За рекой Ардон расположено (букв, имеется) Цми. Цми — т. е. что вы делаете». Цмийæ фалдæр ис Тоборзайы хъæу... Тоборза, æвæццæгæн, у грекъаг ныхас — афтæ амонны архивты фыстытæ — «За Цми расположено селение Тоборза...*

¹ В. И. Абаев, цит. соч., стр. 28.

² Топонимика Востока. Исследования и материалы. Москва, 1969, стр. 128—132.

Тоборза, наверное, греческое слово — так свидетельствуют архивные записки»¹. Из приведенного видно, что автор не видит ничего общего между с. Цми (в Туалетии) и Чми (в Дарьяльском ущелье). Далее, он не знаком с работой проф. Абаева В. И., где название с. Тоборза объяснено из венгерского и означает «пляска»². И, конечно, следовало ему сказать, в каких архивных документах значится, что Тоборза греческое слово. Еще один пример из разбираемой статьи: Нарыхъæу хуыйны афтæ уымæн, æмæ, дам, дзы цардысты нæртон адæм — «селение Нар называется так, мол, потому, что жили в нем нартовские люди». Разумеется, если бы автор имел элементарное представление о работе проф. Алборова Б. А. «Термин «Нарт», изданной еще в 1930 г., или о работе Ю. С. Гаглойти «Аланы и вопросы этногенеза осетин» (Тбилиси, 1966 г.), разве бы он все это писал?

В другой статье Хъобангом, Дæргъæвс «Кобанское ущелье, Даргавс»³ Кайтов К. ведет речь о заселении с. Даргавс и здесь, на основании нигде не засвидетельствованных фамильных преданий (данных родословного дерева) мифического родоначальника кобанцев Тага, приходит к выводу, что со времени образования поселения Даргавс прошло 300—350 лет. Еще прямолинейнее об этом делает вывод Кайтов К. в статье Хæхбæстæй — быдырмæ «Из гор на плоскость», где написано Хæхты ирæттæ æвæдат цард фæкодтой 400 азæй фылдæр — «осетины более 400 лет прожили тяжелой жизнью в горах»⁴. Из приведенного видно, что автор совершенно не знаком ни с трудами проф. Скитского В. Б., ни с трудами лауреата Ленинской премии проф. Крупнова Е. И. по древней истории Кавказа, иначе бы не делал такие нелепые выводы и не допускал бы такие грубейшие ошибки по хронологии появления предков осетин в районе Центрального Кавказа, не говоря уже об этимологии приводимых им топонимов, вроде Цми «что делаете», Джимара из чи цæ мара — «кто их будет убивать», Унал из уын алы — «замечай все» и т. д. Может быть, в статьях Кайтова К. есть какие-нибудь «перлы» из устного народного творчества осетин? Приятно, конечно, на страницах республиканской газеты прочитать интересную легенду или предание из истории своего народа. В этом, очевидно, заинтересована и газета, и читатели. Но, если помнить о том, что памятники народного творчества осетин, издавались большими тиражами на родном и русском языках⁵,

¹ Газета «Растдзинад», 5 июня 1966 г., № 109.—На осет. яз.

² В. И. Абаев. К алано-венгерским лексическим связям (отдельный оттиск). Будапешт 1865, стр. 521.

³ Газета «Растдзинад» 13 мая 1966 г., № 93.—На осет. яз.

⁴ Там же, 15 июня 1966 г., № 117.—На осет. яз.

⁵ См. Памятники народного творчества осетин, в. I, 1925 г., в. II, 1927 г., в. III, 1928 г., в. IV, 1930 г., в. V, 1941; Осетинское народное творчество, т. I—II, 1961; Осетинские народные сказки, т. II, 1960 г., т. III, 1962 г.; Нартские сказания, 1946 г. (на осет. яз.), 1949 г. (на русском языке) и т. д.

и, частично, даже на иностранных языках, то станет понятным, как тщательно нужно отобрать новый текст для печати. И не только то важно, чтобы текст был оригинальным, нигде не напечатанным, но он не должен быть подвергнут литературной обработке, не должен быть переложен и пересказан своими словами. Наконец, любой фольклорный текст должен быть снабжен паспортом, т. е. нужно указать, где когда и от кого он записан. Эти азбучные истины совершенно неизвестны Кайтову К. В своих статьях, напечатанных под рубрикой «Предания старины», автор ограничивается указаниями такого рода: Бицо куыд зæгъы, афтæмæй «как говорит Бицо, таким образом» (в статье «Дыгургом») и далее излагает свои мысли. Или же сначала своими словами приводит какое-либо сказание, затем заключает: Ацы хабар мын афтæ радзырдтой Лабæйæ æрбалидзæг Хестанты Къоста... «Эту легенду (букв. весть) так мне рассказали переселенцы из Лаба Хестанов Коста...» (в статье «Хæхбæстæй — быдырмæ»). Как видно, статьи Кайтова К. и не произведения фольклора. Их появление в печати вносит только путаницу в сознание читателей, вызывают только досаду.

На уровне статей Кайтова К. в этой же рубрике в газете «Растдзинад» была напечатана статья Кайтукова А. **Бабайы чырын** «Дедушкин сундук», где название с. Нузал выводит он из русского «Ну, жаль!»¹.

Мы бы так много времени не делили этим газетным статьям, ничего общего не имеющим с наукой, но дело в том, что эти дилетантские писания вносят не только путаницу в сознание читателей, унижают труд и роль ученых, подрывают авторитет газеты, но побуждают еще и некоторых заняться «самым простым делом — наукой» от нечего делать.

Такова история изучения географических названий Северной Осетии.

Из всего сказанного выше следует, что топонимия Северной Осетии пока систематически не изучалась. Нет ни единой работы, посвященной хотя бы описанию всех географических названий какого-либо района, или населенного пункта, отдельного ущелья нашей республики. И, несмотря на это, имеется немало работ, где приводятся отдельные топонимы, а в некоторых и большое их количество, иногда даже с попытками этимологизации названий (о них мы достаточно подробно говорили выше).

Настоящая работа и преследует цель дать более или менее полный перечень географических названий Северной Осетии, рассмотреть морфологический состав топонимов и на этом основании выяснить типы словообразования в топонимии Осетии. Кроме морфологического анализа названий, мы пытаемся выяснить значение топонима, а затем выявить и языковые пласты, принявшие участие в формировании осетинской топонимии. Наконец, мы ставим перед собою цель, показать какие раз-

¹ Газета «Растдзинад», 27/9—1966, № 190 (14770).

дела лексики находят отражение в топонимии Осетии (как-то, термины материальной и духовной культуры, анатомические, ботанические, зоологические, космические и др. термины).

Конечно, автору не под силу дать безупречную этимологию всем географическим названиям Северной Осетии. И не только из-за отсутствия достаточных знаний, но и потому, что многие из географических названий настолько изменили свой фонетический облик, что невозможно восстановить их первоначальный вид, следовательно невозможно распознать их языковую принадлежность. Немалое количество топонимов Северной Осетии, очевидно, восходит к тем «доисторическим»¹ языкам Кавказа, которые легли в основу кавказского субстрата осетинского языка. А так как наука не располагает сведениями ни о лексике, ни о грамматической структуре этих «доисторических» языков Кавказа, то, понятно, что происхождение многих наших топонимов пока остается загадкой.

¹ Термин «доисторический» мы заимствовали у проф. Абаева В. И.

СТРУКТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСЕТИНСКИХ ТОПОНИМОВ

Топонимия Северной Осетии, как и всякой другой административной единицы или природного региона, многослойна по своему языковому составу. Наряду с осетинским, здесь вскрываются кавказский, византийско-римский, тюрко-монгольский и славянский топонимические пласты. Кроме того, значительное количество географических названий Осетии составляют необъяснимые пока названия и древнейший топонимический пласт.

Топонимия Осетии не только неоднородна по своему происхождению. Она неоднородна и по своему возрасту. Даже внутри одного языкового пласта наши топонимы могут восходить хронологически к разным историческим периодам, о чем подробнее будет сказано в соответствующих местах II- главы настоящего исследования.

В результате внимательного анализа пестрой топонимии Осетии выявляются любопытные факты. Оказывается, 5/6 всех зафиксированных топонимов Осетии или 7012 названий из 8326, имеют прозрачное осетинское происхождение. И только 1/6 часть топонимов Осетии приходится на долю необъясненных названий и древнейшего топонимического пласта, а также на названия других языковых пластов.

Следовательно, основное ядро топонимических названий Осетии составляют названия осетинского слоя (или осетинского топонимического пласта). Вот поэтому 1-я глава настоящего исследования посвящается структурно-лингвистическому анализу осетинской топонимии. Аналогичный анализ для топонимов иноязычного происхождения дается во II-й гл.

А. Ряды топонимов по формантам

В Предисловии было сказано, что все топонимы Северной Осетии образуются по словообразовательным нормам современного осетинско-

го языка. Географические названия Осетии представлены в основном в форме именительного падежа единственного числа. Например:

Адагæ «Овраг», Аргæнæн «Место, где делали ог- лобли»,	Тъæбæгъау «Тапанкау», букв. «При- земное селение», Фæснал «Фаснал», букв. «Позади святылища Нал», Хæрес «Ива», Хуыдзых букв. «Свиное рыло», Цæгат «Север», «Несолнечный» и т. д.
Æхсинцъæ «Алыча», Мæстинока «Мастинока», букв. «Ми- нерального источника лощина», Билæг «Обрывистый»,	

Наряду с этим следует отметить, что многие топонимы Осетии имеют параллельно две формы: форму им. п. ед. ч. и форму им. п. мн. ч. Обе эти формы употребляются почти одинаково. Например:

а) им. п. ед. ч.

Къох «Роща»,
Къуырф «Лощина»,
Лæсан «Оползень»,
Уæлбыл «Над кручей»,
Фæрв «Ольха», «Ольховник»,
Хъолоджын «Обильный кон-
ским щавелем»,

б) им. п. мн. ч.

Къохтæ «Рощи»,
Къуырфytæ «Лощины»,
Лæсантæ «Оползни»,
Уæлбылтæ «Над кручами»,
Фæрвытæ «Ольхи», «Ольховники»,
Хъолоджынтæ «Обильные конским
щавелем» и др.

Часть осетинских топонимов представлена в форме именительного падежа множественного числа. Форму им. п. мн. ч. имеют непроезводные и производные названия, а также названия—сложные слова. Например:

а) *Непроизводные названия:*

Асинтæ «Лестницы»	Къултæ «Склоны»
Æвзагтæ «Языки»	Мустæ «Гумна»
Бæлæгътæ «Желоба»	Ныхтæ «Выступы», «Углы»
Гæдытæ «Тополи»	Обæуттæ «Курганы»
Зæнгтæ «Полосы»	Рæгътæ «Гребни гор»
Кæмттæ «Ущелья»	Саутæ «Черные»
Къæйттæ «Пары»	Цъыфтæ «Топпи» и т. д.

б) *Производные названия и названия — сложные слова:*

Бонгæнтæ (бон «день»+кæнæн «место делания» в композите «вспа-
хивание») «Дневная вспашка», «Вспахиваемый в один день»;

Галхизæнтæ (гал «вол»+хизæн «пастбище») «Воловы пастбища»;
Галвæндæгтæ (гал+фæндаг «дорога») «Воловы дороги»;
Гуыдыруæтгæ (гуыдыр (от къуыдыр) «чурбак»+уат «место») «Чур-
бачные места»;

Гуылхæрæнтæ (гуыл «пирожок»+хæрæн «место еды») «Места для
поедания пирожков»;

Додæдтæнтæ (до (от дон) «вода», «река»+дæдтæн «место, где да-
ют») «Водопой», «Места для водопоя»;

Дурдзæфтæ (дур «камень»+цæф «удар») «Камнепад», «Места кам-
непада»;

Донджынтæ (дон «вода», «река»+суф. -джын) «Водянистые»,
«Топпи»;

Дурджынтæ (дур «камень»+суф. -джын) «Каменистые»;

Тæггъæдтæ (тæгъ (от тæнæг) «редкий», «тонкий»+гъæд «лес»; в
первой части композита имеем усечение и явление регрессивной ассими-
ляции) «Редколесье»;

Тыфхæдтæ (тыф (от тæф) «запах»+хъæд «лес») «Пахучие леса»,
«Леса с ароматным запахом»;

Хъолоджынтæ (хъоло «конский щавель»+суф. -джын) «Обиль-
ные конским щавелем» и др.

Некоторые топонимы в форме им. п. мн. ч. представляют собой наре-
чия соотносительные с именами существительными в уподобительном па-
деже. Например:

Агаутæ «Похожие на котлы»,
Æлхуыйауттæ «Похожие на веретена»,
Дзабырæуттæ «Похожие на дзабыр» (дзабыр — чувяки из материи
или сафьяна),
Кæриаутæ «Похожие на кучи»,
Кæвдæсаутæ «Похожие на ясли» (для скота),
Хæлафæуттæ «Похожие на штаны» и т. д.

Заметим, что приведенные формы топонимов совершенно отсутст-
вуют на территории, занимаемой дигорским диалектом осет. яз.

В форме им. п. мн. ч. представлена и некоторая часть необъясненных
топонимов и топонимов — гибридных образований. Например:

Æхæндагтæ (из Æх (?) + æндаг «внешний») «Ахандагта»,
Гончитæ «Гончита (?)»,
Гуцъерестæ «Гуцъереста (?)»,
Естæ «Еста (?)»,
Зригæттæ «Зри» (?) + ком «ущелье», или суф. -гон «у» «возле»)
«Зригатта (?)»,

Къамагъæдтæ (из Къама «Кама (?)» + гъæд «лес») «Кама леса»,
Цанвæрстæ (из Цан (?) + фарс «сторона», «склон») «Цан склоны»,
«Цан (?) стороны» и т. д.

Форму им. п. мн. ч. имеют также некоторые осетинские топонимы иноязычного происхождения. Например:

Булвæрттæ (русс. бульвар) «Бульвары»,
Глехертæ (груз. глехи «крестьянин») «Крестьяне»,
Къодитæ (груз. къоди «посудина для собирания воды у водоемов»,
«мера для измерения сыпучих тел») «Кодита»;

Пæрæттæ (из каб. пъæ «место» + р — показатель номинатива) «Паратта»;

Сулартæ (тюрк. су «вода», «река» + показатель множественности -лар) «Водянистые» и т. д.

В форме им. п. мн. ч. представлена часть топонимов, восходящих к личным и фамильным именам. Последние вообще имеют форму мн. ч. Например:

а) Топонимы — личные имена:

Бзитæ «Бзи», «Бзи и другие», букв. «семья, род Бзи»;
Майрæмтæ «Майрамы», «Марии», букв. «семья, род Майрама»,
«Место, где святилище в честь св. Марии»;
Гулитæ «Гули», «Гули и другие», букв. «семья, род Гули»;
Гинотæ, «Гино и другие», букв. «семья, род Гино»;
Танастæ «Танасы», букв. «семья, род Танаса» и т. д.

б) Топонимы — фамильные имена:

Багъайтæ ¹ «Багайта»,	Салбегатæ «Салбегата», «Салбеговы»,
Базатæ «Базата», «Базаевы»,	Саукатæ «Сауката»,
Бирытæ «Бирита», «Бириевы»,	Боситæ «Босита», «Босиевы»,
Ботастæ «Ботаста», «Ботасовы»,	Цъæритт «Царитт», «Царитовы» и
Дзуттæ «Дзутта», «Дзутовы»,	т. д.
Дзиотæ «Дзиота», «Дзиеовы»,	

Особенностью осетинских личных имен является то, что личное имя в форме мн. ч. указывает на группу людей, в числе которых находится и названный субъект, или же на семью, род, в составе которого числится и названное лицо. Чаще всего это лицо бывает главой семьи или старшим в семье. Если топоним представляет собой личное имя в форме

¹ Те фамильные имена, которые теперь не существуют у осетин, не приводятся в двух формах.

им. п. мн. ч., то это означает всегда, что данный участок принадлежал определенной семье, или роду, в состав которого входил и субъект — носитель названного (закрепленного в топониме) личного имени.

Это вовсе не значит, что личные имена в топонимии Осетии встречаются только в форме им. п. мн. ч. Правда, этих топонимов больше. Но в топонимии нашей зафиксированы и такие названия, которые восходят к личным именам в форме им. п. ед. ч. Например, топонимы: Асæхъо «Асако», Мысака «Мусака», Хасæхъо «Хасако», Силтанухъ «Силтанук», Дзанхъæлиц «Дзанкалиц» и др.

Несколько топонимов, имеющих форму им. п. мн. ч. отклоняются от нормы образования множественного числа в современном осетинском языке. Эти топонимы зафиксированы в основном в Дигорском и Алагирском ущельях.

В Дигорском ущелье:

Астæуккаг хæдзартæ «Средние дома» (здесь же рядом топонимы **Дæллаг хæдзартæ** «Нижние (ближние) дома», **Уæллаг хæдзартæ** «Верхние (дальние) дома». По нормам современного осет. яз. мы должны были бы иметь топонимы **Астæуккаг хæдзæрттæ**, **Дæллаг хæдзæрттæ** и **Уæллаг хæдзæрттæ**, т. е. в слове хæдзартæ следовало ожидать ослабления сильного гласного основы **а** и удвоение показателя множественности **-т-**.

Æвзагтæ «Языки» (вместо ожидаемого **Æвзæгтæ**),

Донтæ «Воды» (вместо ожидаемого **Дæнттæ**),

Донти сауæдонæ «Водянистых (мест) родник» (вместо **Дæнтти сауæдонæ**),

Дуартæ «Двери» (вместо ожидаемого **Дуæрттæ**),

Контæ «Ущелья» (вместо ожидаемого **Кæмттæ**). В названии **Контæ**, помимо всего, замечается еще и перебой сонорного **м** в **н**, что вполне нормально для дигорского диалекта. Например, в произведениях фольклора читаем: **Нарти гуппургинтæ Бестауи бæрзондмæ бæргæ æрæмбурд æнцæ; устур синдбæл бæргæ ниххуæцунцæ. Семунцæ, кафунцæ Нарти гуппургинтæ (ПНТО, в. 2, Владикавказ, 1927, стр. 25) — «великие Нарты собрались на вершину Бештау; принялись (они) за большой (танец) симд. Пляшут, танцуют могучие Нарты». Нæндæнæн дæ, зæгъуй Уорузмæг... Уорузмæг нæмуй æ уарзон бæхи... (там же, стр. 26) — «буду тебя (коня) бить, говорит Урузмаг... Бьет Урузмаг своего любимого коня». В приведенных примерах в словах **синдбæл — семунцæ, нæндæнæн — нæмуй** мы наблюдаем перебой носовых **н** и **м**, аналогичных перебою в топониме **Контæ**.**

Кæфонтæ «Плетеные из березовых прутьев совки» (вместо ожидаемого **Кæфæнттæ**). Заметим, что в топонимии Дигорского ущелья как

раз преобладают географические названия в форме Кæфæнттæ, а форма Кæфонтæ зафиксирована только один раз.

Стур æвзагтæ «Большие языки» (вместо ожидаемого Стур æвзæгтæ).

В Алагирском ущелье:

Дуаратæ «Двери» (вместо ожидаемого Дуæрттæ),

Дзуаратæ «Святылища», «Кресты» (вместо ожидаемого Дзуæрттæ, Дзорттæ).

В рассматриваемых примерах между основой (дуар, дзуар) и показателем множественности -т- замечаем еще появление сильного гласного -а-. Аналогичное имеем и в топониме Цъеути хедатæ «Цеовых мосты» (вместо ожидаемого Цъеути хедтæ) в Дигорском ущелье.

Для необычной формы множественного числа приведенных топонимов допустимы, как уже говорилось, два объяснения.

а). Возможно, язык пользовался этой формой множественного числа для того, чтобы выделить топонимы от обычных нарицательных имен.

б). Допустимо и такое объяснение, что в топонимии законсервировалась более ранняя ступень образования формы множественного числа в осетинском языке. В топонимах сохранилась та ступень развития, когда в именах с исходом на сонорные при образовании множественного числа не происходило ослабление сильного гласного основы и удвоение показателя множественности -т-. Исходя из живучести топонимических названий, я думаю, что более правдоподобным является это объяснение.

Наличие двух форм — формы именительного падежа единственного и множественного числа для некоторых топонимов, а также большого количества географических названий в форме множественного числа, говорит о том, что в этих топонимах фактически утрачено первоначальное значение показателя множественности -т-. Топонимы в форме им. п. мн. ч. не обозначают множество предметов, они не имеют значение множественности как таковое. Показатель множественности -т- в рассматриваемых топонимах скорее следует уже считать формантом, или средством топонимического словообразования, нежели формантом для образования формы множественного числа. В самом деле, топонимы Æвзагтæ «Языки», Зæнгтæ «Полосы», Дурзилæнтæ «Камнепады», Къохтæ «Рощи» и др., т. е. топонимы, имеющие форму им. п. мн. ч., закреплены каждый раз за определенными и единичными географическими объектами, а не за множеством одинаковых объектов. И тот факт, что для некоторых топонимов параллельно существуют формы именительного падежа ед. и мн. ч., тоже свидетельствует о том, что здесь дело имеем со словообразовательным формантом. Эту функцию показателя множественности -т-, видимо, можно рассматривать как особенность топонимического словообразования в осетинском. Такая специфическая особен-

ность, когда показатель множественности становится средством топонимического словообразования, наблюдается и в родственном осетинскому ягнобском языке¹.

Топонимы, имеющие форму косвенных падежей

Форму косвенных падежей имеют топонимы — словосочетания. В основном они представлены в родительном падеже (первый компонент) в форме единственного и множественного числа. Топонимы в родительном падеже выражают различные значения. Чаще всего они имеют определительное значение. Например:

Æхсæны хъæд «Общественный лес», Бирæгъы æрдуз «Волчья поляна», Къæйтты ком «Сланцев ущелье», Сугты ком «Дров ущелье», Стæнты дон «Стойбищ река», Сындзы адаг «Колючки овраг»,	Комы дон «Ущельская река», Суадоны адаг «Родника овраг», Нæзыты ком «Сосновое ущелье», Сæрды фæндаг «Летняя дорога», Хæфсы цад «Лягушачье озеро», Фæнычы рындз «Золы тропа» и т. д.
--	---

Большое количество топонимов в родительном падеже означает принадлежность. Значение принадлежности имеют не только топонимы, входящие к фамильным и личным именам, но и отапеллятивные. Например:

Æлгъысты хуымтæ «Проклятого пашни»,
Горийы хъæд «Горийский лес», «Лес с. Гори»,
Дарæны къултæ «Места временного содержания скота склоны»,
Дзуары æфцæг «Святылища перевал», «Священный перевал»,
Куырды хуымтæ «Кузнеца пашни»,
Кураентти ком «Мельниц ущелье»,
Фыры æфцæг «Баранья шея», «Бараний перевал»,
Уæйыджы тыччы «Великана игровой камушек» и т. д.

Сюда же следует отнести те топонимы, в которых родительный падеж, наряду с принадлежностью, выражает еще и отношение. Например:

Арсы ком «Медвежье ущелье», Арсы уыгæрдæн «Медвежий луг», Бæхты ком «Коней ущелье», Галты мус «Воловье гумно»,	Дзæргъы цадæ «Свиноматки озеро», Куыдзы цырт «Собачий памятник», Цъахты сау хох «Галок черная гора» и т. д.
---	---

¹ А. Л. Хромов. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. Автореферат докторской диссертации. Душанбе, 1970, стр. 53.

С этим же значением принадлежности имеем множество топонимов, восходящих к личным и фамильным именам. Например:

а). Фамильные имена в топонимах:

Быгъдаты скъæдуат «Богдаевых место хлева»,
Булкъаты къахыр «Булкаевых щербина»,
Бирагъты фæтæн «Бираговых просторный (широкий) участок»,
Бадриты уыгæрдæн «Бадриевых луг»,
Битары хъæд «Битаровых лес»,
Куыздæгты суар «Кудзаговых минеральный источник»,
Мамиты ком «Мамиевых ущелье»,
Тъехты рагъаударæн «Теховых место временного содержания стада» и т. д.

б). Личные имена в топонимах в форме:

род. п. ед. ч.

род п. мн. ч.

Анукъайы адаг «Анука овраг»,
Астани къубус «Астана холм»,

Æхболы суадон «Ахбола родник»,
Бетъры сугдон «Бетра место дров»
Биней хумæ «Бине пашня»,

Булаты ком «Булата ущелье»,

Бибойы суадон «Бибо родник»,
Долажы дарæн «Дола место временного содержания скота»,
Цопаны хох «Цопана гора» и т. д.

Атоты суадон «Родник рода Ато»,
Гатоты фæтæн «Семьи Гато просторный участок»,

Дзыкъоты хъæд «Лес семьи Дзико»,
Налыхъты уыгæрдæн «Семьи (рода) Налука лес»,
Нестъорты хъæд «Семьи Нестора (участок) лес»,
Иуанеты хъæд «Семьи Ивана (участок) лес» и т. д.

Часть топонимов в форме родительного падежа имеет значение носителя признака и как-бы оттенок качественной оценки. Например:

Æрнæджыты ком «Запущенных (участок) ущелье»,
Æрхыты хæхтæ «Балок горы»,
«Горы с балками»,
Бур чысы бын «Ниже желтого гравия»,

Къубалджыты хуымтæ «Желтого (красящего) цветка пашни»,
Лæсæны суадон «Оползня родник»,
Мæсты ком «Минерального источника ущелье»,

Гакъатты фæз «Зигзагов площадка», «Ровное место у поворотов»,
Дурты зæнг «Каменистая полоса»,

Дзæнхъайы ком «Горного хрустала ущелье»,
Саудуры ком «Оселка ущелье»,
Сахийайы ком «Лавины ущелье»,
Хæристы хъæд «Ивовый лес»
и т. д.

Большое количество топонимов в родительном падеже представлено в сочетании с послелогоми. Здесь послелоги как бы уточняют место расположения того или другого географического объекта. Например:

Асинты сæр «Выше лестниц», «Над лестницами», Æфцæджы бын «У подножья перевала», Мызуры бын «пос. Мизур», букв. «под Мизуром», Баласы сæр «Выше дерева», «Над деревом», Бонгæсы сæр «Выше того места, где дневная стража», Будкæйы цур «Возле будки»,	Доны сæр «Истоки реки», Доны хъус «У реки», Куырайты раз «Возле мельниц», Къодоты сæрмæ «Выше Кодовых», Ласæны сæртæ «Выше дороги, по которой везли, волокли», Хуыры бын «Ниже щебня», Цынайы фæстæ «Позади пемзы» и т. д.
--	--

Чаще всего в приведенной конструкции топонимов встречаются послелоги бын «ниже», «под», сæр «выше» «над», раз «возле», «у», хъус «у», «около», «возле», фæстæ «за», «позади» и др. В рассматриваемых сочетаниях послелоги в основном представлены в форме им. п. единственного и множественного числа. Иногда же послелоги в сочетаниях этого типа имеют форму родительного или направительного падежа (Цæджынды быны фидар, Къодоты сæрмæ).

Такое же значение конкретизации, уточнения место расположения объекта имеют некоторые топонимы — словосочетания в форме родительного падежа и без послелогов. Например:

Дæлфæндаджы хъæд «Участок леса ниже дороги»,
Дзыхъхъы хуым «Пашня в ложине»,
Куырдададжы хуым «Пашня в овраге с кузницей»,
Лæгæтгомы уыгæрдæн «Пещерного ущелья луг»,
Лæнчы хуым «Пашня в ложине» и т. д.

Ряд топонимов в форме родительного падежа обозначают целое, частью которого является данный объект. Например:

Айнаѣджи тигъ «Вершина утеса»,
Дзæбидыры сы «Турий рог»,

Уафси бæрзонд «Подожвы высота»,
шина»,

Хорхатæни бæрзонд «Вершина солн-
цеворота»,

Харбызты рагъ «Бахчей гребень» и
т. д.

Милты рагъ «Целей (мишеней)
гребень»,
Саргъи рагъ «Седла гребень»,
Скъалуй тегъæ «Белой глины вер-

В форме других косвенных падежей, кроме уподобительного, топонимы представлены очень слабо. Всего зафиксировано мною несколько топонимов в дательном, местном внешнем и местном внутреннем падежах. Они следующие: Теркæн фале «По ту сторону Терека», «За Терekom», Хуыраң дæле «Ниже завала», «По ту сторону завала», Рагъбæл хумæ «На гребне пашня», Риуыл хуым «На выступе пашня», букв. «На груди пашня», Рæгътыл «На гребнях», Цыргъыл «На вершине», Уæлмæрдты «На кладбище», букв. «В кладбище».

Из приведенного видно, что топонимы в форме дательного падежа имеют локативное значение. Очевидно эту функцию дательный падеж имеет только в топонимии.

Несколько топонимов представлены в форме направительного падежа. Это соотносительные с именами прилагательными наречия. Например:

Бесланмæ фæндаг «Дорога (в город) на Беслан», букв. «Дорога к Беслану»,

Дæлгоммæ лæгæт «Перевернутая (вверх дном) пещера»,
Зылымæ над «Кривая дорога», букв. «Вкривь дорога»,
Комкоммæ хъæд «Напротив лежащий лес»,
Комкоммæ фæтæн «Противоположный простор» и др.

Широко представлены в топонимии Осетии географические названия в уподобительном падеже. Например:

Авдæнау «Похожий на ко-
лыбель»,
Агау дзыхъхъ «Котлообразная
лощина»,
Æвзагау «Похожий на язык»,
Æлхойнау «Похожий на пест»,
Æндыгау «Похожий на часть
горской сакли из плетня над
очагом»,

Дуарау «Вроде двери»,
Кæвдæсау «Похожий на ясли (для
скота)»,

Къæбутау «Похожий на затылок»,
Мосау «Похожий на гумно»,
Саргъау «Седловидный»,

Уартау «Щитообразный»,

Æсхъæрходау «Похожий на
железный шлем»,
Быдыртау «Похожие на равни-
ны»,
Зæрватыккау «Похожий на
ласточку»,

Хæдзарау «Подобный дому»,
Хъуырау «Похожий на горловину»,
«Похожий на сосуд с узким горлыш-
ком» и т. д.

Как правило, топонимы в форме уподобительного падежа имеют форму единственного числа. В форме мн. ч. зафиксирован только топоним Быдыртау.

Итак, осетинские топонимы в основном представлены в форме именительного падежа единственного числа. Наряду с этим немалое количество топонимов имеет форму именительного падежа множественного числа. Для некоторых же топонимов сосуществуют параллельно форма именительного падежа единственного и множественного числа.

Из других косвенных падежей топонимы широко представлены в форме родительного и уподобительного падежей. И совсем небольшое количество географических названий имеют форму дательного, направительного и местного внешнего падежа единственного числа.

В ходе анализа географические названия Осетии удалось сгруппировать не только по показателям числа и падежа, но и по некоторым исходным формантам. Здесь можно выделить ряды топонимов с исходом на одиночные гласные и на элементы -ну, -ау, -гъат, -вар, -муз/-моз, -цъах, -ск. Рассмотрим их последовательно.

Топонимы с исходом на гласные

Большое количество осетинских топонимов исходит на гласные а, е, и, о. Как правило, эти географические названия пока необъяснены.

Топонимы с исходом на -а¹ в Даргавском, Кобанском,

Санибанском ущельях:

Æндыра «Андыра»,
Гагуыта «Гагута»,
Занхъа «Занка»,
Коста «Коста»,
Лахъа «Лака»,

Хъапара «Капара»,
Хамана «Хамана»,
Хъолхъа «Қолка»,
Цъата дон «Цата река»,
Чълеба «Члеба».

1. Понятно, в этот перечень я не включаю объясняемые из разных языков топонимы с исходом на -а и на другие гласные такие, например, как Гора, Қъасара (Хъасара), Цода, Арса и др.

Примечание. Из приведенных топонимов только названия Занхъа и Лахъа могут быть осмыслены на осетинской почве с натяжкой. Топоним Занхъа может представляет собой измененное Дзæнхъа «Кварц», «Горный хрусталь», а Лахъа «Вязкая почва», «Топи».

В Куртатинском ущелье:

Астъа «Аста»,
Ацонагъа «Ацонага»,
Ацонагъа барз «Ацонага куча»,
Базана «Базана»,
Гуысыра «Гусыра»,
Дæллаг Дзулыса «Нижний
Дзулыса»,
Карца «Карца»,
Къадахна «Кадахна»,
Къора «Кора»,

Лымæна «Лимана»,
Татхара «Татхара»,
Уазана «Уазана»,
Уæллаг Дзулыса «Верхний Дзу-
лыса»,
Фæсдзулыса «Позади Дзулыса»,
Хæкъуына «Хакуна»,
Хъæрхъа «Карка»,
Цъуныха «Цуныха».

Примечание. Из приведенных названий в Къадахна может быть следует выделить къада «ручеек», «маленькая горская мельница», в Лымæна осет. лымæн «друг», «приятель» и в Фæсдзулыса — фæс «за», «позади».

Кроме того, заметим, что в дигорском есть татха «грядка» и татхæ «инструмент для вырезания полосок кожи». Может, что-либо из этих терминов скрывается в топониме Татхара,

В Алагирском ущелье:

Гобыца «Гобица»,
Гонца «Гонца»,
Госса «Госса»,
Дзагъа «Дзага»,
Дзымыкъа «Дзмика»,
Къацха «Кацха»,
Уанехъба «Уанекба»,
Уаскъада «Уас ручеек»,

Убеца «Убеца»,
Хъаска «Каска»,
Хъорса «Корса»,
Цъоныгъса «Цонигса»,
Лапса «Лапса»,
Сагъацъа «Сагаца»,
Æрхоны Тъæра «Архона Тара»,
Къохца «Кохца».

Примечание. В Топониме Къохца можно выделить къох «роща», а в дигорском и «рука». Название Уаскъада, возможно, представляет из себя сложное слово из уас — элемент (слово) встречающийся в именах божеств Уастырджи «Святой Георгий», Уаццлла «Святой Илья» и др. и къада «ручеек», «маленькая горская мельница». Жалалось бы топоним Уаскъада можно осмыслить как «Священная мельница», «Священный ручей». Но дело в том, что это название закреплено за высоким пастбищным гребнем, где нет никаких ручейков, следовательно, не могла быть здесь и мельница.

В Туалетии:

Гобыса «Гобиса»,
Госса «Госса»,
Додына «Додина»,
Джебетъа «Джебета»,
Зараза «Зараза»,
Захъхъа «Закка»,
Зыриса «Зриса»,
Кусана «Кусана»,
Орозба «Орозба»,
Салдора «Салдора»,

Саула «Савла»,
Схъреса «Скреса»,
Твилса/Тбилца «Твилса/Тбилца»,
Тъхса «Техса»,
Уилца «Вилца», «Уилца»,
Фæссараза «Позади Сараза»,
Халацъа «Халаца»,
Хъосса «Косса»,
Цъура «Цура».

Примечание. 1. Заметим, что в Алагирском ущелье и в Туалетии имеем одинаковые топонимы Гобыца/Гобыса и Госса.

2 В топониме Саула имеем очевидно основу фамильного имени Саулатæ «Савлаевы»; в Халацъа можно выделить хал «былинка», «нить»; в Салдора следует выделить ногайск. сала «ручей» и осет. (дигорское) дор «камень».

3 Название Джебетъа, видимо, следует отнести к группе, так называемых звуко-символических слов. Ср. дигорское гебетъа (соответствует иронскому джебетъа), которыми пользуются для выражения презрительного отношения к низкорослым животным. Иногда это слово употребляют и по отношению к людям.

В Дигорском ущелье:

Анхуа «Анхуа»,
Бæкъуна «Бакуна»,
Борба «Борба»,
Гагуца «Гагуца»,
Гита «Гита»,
Къæбода «Кабода»,
Къæлæрда «Каларда»,
Къохула «Кохула»,
Къуæрехма «Куарехма»,
Лæбода «Лабода»,
Лæгъума «Лагума»,
Мекъела «Мекела»,

Месена «Месена»,
Месера «Месера»,
Орскена «Орскена»,
Сакъа «Сака»,
Скъолма «Сколма»,
Стъона «Стона»,
Уаза «Уаза»,
Хизала «Хизала»,
Хотъора «Хотора»,
Хуппара «Хуппара»,
Цыхцъирна «Цихцирна»,
Цъиа «Циа».

Примечание. 1. Очевидно к одному источнику восходят географические названия Гагуца (в Дигорском ущелье) и Гагуыта (в Даргавском ущелье).

2. В топонимах Къохула и Орскена можно выделить къох «роща»; «рука» и орс «белый».

На левом берегу р. Терек:

Æркъа «Арка»,
Гæма «Гама»,
Гæха «Гаха»,
Къора «Кора» (селение),

Къилла «Килла»,
Цегира «Цегира»,
Чата «Чата».

Примечание 1. Название с. Къора перешло на плоскость с переселенцами из одноименных селений в Куртатинском и Алагирском ущелье. Возможно, оно восходит к фамильному имени, ср. фамилию Къоратæ «Кораевы». К фамильному имени восходит очевидно и топоним Гæма, ср. фамилию Гæматæ/Гаматæ «Гамаевы».

2. На территории Правобережной части Осетии (на правом берегу р. Терек) топонимы с исходом на -а не зафиксированы. Единственный здесь топоним с исходом на -а это Мысака, восходящий к личному имени.

В Трусовском ущелье¹:

Десхуа/Децхуа «Десхва»,
Къараукъа «Қараука»,
Мна «Мна»,
Сердила «Сердила»,

Тъепха «Тепха»,
Хергъума «Хергума»,
Хъеуа «Кеуа».

*Топонимы с исходом на -и в Даргавском, Санибанском,
Кобанском ущельях:*

Джизи «Джизи», Хъæни «Қани».
Уæлдри «Уалдри», «Валдри»,

Примечание. В топониме Хъæни, возможно, имеем название растения хъни (дигорское хъæне) «хна», т. е. то место, где хна, где заросли хны.

В Куртатинском ущелье:

Алацци «Алацци»,
Æхсаби «Ахсаби»,
Быттыри «Биттири»,

Гуыси «Гуси»,
Уæлдзаби «Уалдзаби», «Выше Дза-
би».

Примечание. Заметим, что в топонимах Быттыри и Уæлдзаби можно выделить быттыр и уæл «над», «выше». Слово быттыр (соответствует диг. биттир) в иронском входит в состав композита хæлынбыттыр, букв. «перепончатая летучая мышь», т. е. «летучая мышь», но это ли значение в топониме, не берусь утверждать.

¹ Здесь и далее под названием «Трусовское ущелье» объединены Трусовское, Гудское, Мнинское ущелья и с.с. Коби, Верхний и Нижний Ухат, Кумлиسخе, т. е. та часть территории Казбекского района Грузинской ССР, которая населена осетинами.

В Алагирском ущелье:

Дæлæци «Далаци»,	Тамаци «Тамаци»,
Джими «Джими»,	Уæлæци «Уалаци»,
Дзури «Дзури»,	Хопи «Хопи»,
Сагъи «Саги»,	Хъуырми «Курми»,
Симпыри хох «Симпири гора»,	Чанчахи «Чанчахи».
Суби «Суби»,	

Примечание. В топонимах Дæлæци, Уæлæци можно выделить осетинские дæлæ «внизу», «вон» и уæлæ «наверху», «вон», а в Хъуырми осетинское хъуыр «горло», «горловина» или же тюрк.-монг. хъуырæ «кура», букв. «сухое» (в смысле: безводное).

В Туалети:

Бындатъи «Бындати»,	Гæнаби «Ганаби»,
Гакъури «Гакури»,	Гунеди «Гунеди»,
Лисри «Лисри»,	Хуыкъади «Хукади»,
Уанели «Уанели»,	Хыбыли «Хибили».
Фреули «Фреули»,	

Примечание. Возможно, в топониме Бындатъи следует выделить бын «дно» «ниже», «под»; «разорение», «вымирание», а в Хуыкъади — хуы «свинья».

В Дигорском ущелье:

Байради «Байради»,	Кæмарти «Камарти»,
Дзæбоди «Дзабоди»,	Кунци «Кунци»,
Къулухи «Кулухи»,	Уцъи «Уци»,
Лæзотъи «Лазоти»,	Хъулци «Кулци».

Примечание. 1. Слово кунцæ «кузнечные меха» в дигорском. Возможно, этот термин имеем и в топониме Кунци.

2. Слово къулух «хромой». Может эту же основу следует видеть и в топониме Къулухи.

3. Название Хъулци, очевидно, восходит к основе фамильного имени Хъулцитæ «Кульчиевы».

На левом берегу р. Терек:

Бешни «Бешни», «Пять Ни (?)»,
Гулади «Гулади».

Примечание 1. В топониме Бешни следует выделить тюрк. беш «пять».
2. На правом берегу р. Терек топонимы с исходом на -и не зафиксированы.

В Трусовском ущелье:

Бери «Бери»,
Мацхари «Мацхари»,
Цъли «Цли».

Топонимы с исходом на -о:

В Даргавском ущелье зафиксированы только два топонима с исходом на -о. Это Кæто «Като» пастбище в окрестностях с. Даргавс, где, возможно, следует видеть общеиранское кат «жилище», «дом», «укрепленное место», «поселок» и т. д. и Хъидо бадæн «Кидо место сидения». Смысловое содержание последнего топонима заставляет думать, что слово хъидо являлось личным именем.

В Куртатинском ущелье:

Æрцахъо «Арцако»,	Цехъойы дарæн «Место временного
Фæсарцахъо «Позади Арцако»,	содержания скота в Цеко».
Цехъо «Цеко»,	

Примечание. В топониме Фæсарцахъо можно выделить фæс «за», «позади». Кроме того, заметим, что хъо в каб. означает «сын». Может и в топонимах Арцахъо, Фæсарцахъо, Цехъо имеем сращение адыгского хъо с необъяснимыми æрца, це.

В Алагирском ущелье тоже зафиксировано только два топонима с исходом на -о, Ликъо «Лико» и Тхамо «Тхамо».

В Туалетии:

Бодзо «Бодзо»,	Сенкъо «Сенко»,
Гæнахъо «Ганако»,	Хасæхъо «Хасако»,
Елхо «Елхо»,	Цъыбало «Цибало».
Къамцхо «Камцхо»,	

Примечание 1. Названия Хасахъо и Гæнахъо восходят к личным именам, заимствованным вероятно из кабардинского ономастикона.

2. В названии Елхо следует выделить тюрк. ел, восходящий к тюрк. ер «земля», «место», «урочище». Элемент ел (из ер) довольно часто встречается в топонимии Осетии. Ср. топонимы Елгона, Ел, Елхот, Елхъабантæ и т. д.

В Дигорском ущелье зафиксированы с формантом -о только топонимы Кело «Кело», Паро «Паро» и Худро «Худро».

На левом берегу р. Терек:

Бекко «Бекко»,	Сопырыхъо «Сопырико»,
Дзæллыхъо «Дзалико»,	Цæвæджыхъо «Цаваджико».
Мæсчъиаго «Масчиаго»,	

Примечание 1. В топониме Мæсчъиаго можно выделить мæсчъ (переход исходного согласного къ в чъ перед гласным переднего ряда и в Мæсчъиаго закономерен) «балка», «овраг», т. е. «где балки».

2. В названиях Сопырыхъо и Цæвæджыхъо следует выделить адыгское хъо «сын».

3. Следует заметить, что на территории КБ АССР есть селение Залукожае, которое осетины называют тоже Дзæллыхъо.

На правом берегу р. Терек:

Асæхъо «Асако»,	Зорыхъо «Зориго».
Зехъо «Зеко»,	

Примечание. Топоним Асæхъо восходит к личному имени, заимствованному из ономастике адыгских языков. В названии Зорыхъо имеем основу фамильного имени Зорыхъуатæ «Зориковы».

В Трусовском ущелье:

Анто «Анто»,	Ерæто «Ерато».
Бодо «Бодо»,	

Примечание. В названии Ерæто следует выделить тюрк. ер «земля», «место», «урочище».

Топонимы с исходом на -е

Только на территории Алагирского ущелья, Туалетии и Дигорского ущелья зафиксированы топонимы с исходом на -е. Они следующие: Ранкете «Ранкете», Сахсале «Сахсале», Тъепле «Тепли» (в Алагирском ущелье), Гoble «Гoble», Цнехедже «Цнехедже» (в Туалетии), Лæхуме «Лæхуме», Сатуме «Сатуме», Уæлæзе «Уæлæзе» (в Дигорском ущелье).

Из перечисленных географических названий, только в Уæлæзе можно выделить уæлæ «вон», «наверху».

В Трусовском ущелье записаны три топонима с исходом на -е: Сапъепъле, Сакъохе и Сабаткъне. Два из них Сапъепъле «Где много бабочек» и Сабаткъне «Место барашек» объяснимы из грузинского. В названии же Сакъохе, по-видимому, следует выделить осет. къох «роща», а в дигорском еще и «рука».

Топонимы с формантом -иу встречаются в Даргавском и Куртатинском ущельях. Вот они:

Зæриу «Зарну»,
Джисджиу «Джисджиу»,
Тарриу «Тарриу»,

Хъæриу «Кариу»,
Хъæссиу «Кассиу»,
Цъæззиу «Цаззиу».

Примечание: Возможно, в топонимах Тарриу и Хъæссиу имеем в первом тюрк. тарик «теснота», «пашня», а во втором осет. хъæз «камыш», «осока».

Топонимы на -ау¹ зафиксированы на территории всей Осетии. Но в основном они локализируются в восточных районах нагорной полосы республики. Это следующие:

Арау хох «Арау гора»,
Балцау «Балцау»,
Гуымалау «Гумалау»,
Джызау «Джизау»,
Загонау «Загонау»,

Рахцау «Рахцау»,
Фадау «Фадау»,
Хæйрау «Хайрау»,
Херау «Херау».

Примечание 1. Топонимы Балцау, Рахцау и Фадау можно как-то осмыслить по-осетински. В Балцау, возможно, имеем композит из бал «группа», «стая» + основу глагола цау (из цауын) «идти», т. е. «то место, где ходили группами, или стаями».

В топониме Рахцау может также имеем во второй части ту же глагольную основу, а в первой рагъ «хребет», «гребень горы». Топоним же Фадау, может быть, является формой уподобит. п. ед. ч. от фад «ступня», «нога», т. е. «похожий на ступню». Но дело в том, что Рахцау и Фадау по физико-географическим особенностям не подходят для такого объяснения.

2. Топонимы Хæйрау и Херау, очевидно, представляют собой фонетические варианты одного и того же слова.

Кроме приведенных, в Дигорском ущелье записаны еще два топонима Ахуа и Аенхуа, где, возможно, имеем тот же -ау в исходе, но с перестановкой.

Топонимы с исходом на -вар, -гъат, -гъуз, -моз/ -муз, -цъах

В Даргавском и Куртатинском ущелье записаны два топонима с формантом -вар: Йехсывар и Саувар. В первом из них можно выделить йехс «плеть», а во втором — сау «черный», «мрачный», «недобрый».

¹ Здесь я беру только не поддающиеся объяснению топонимы, а не те многочисленные географические названия, которые вполне объяснимы и имеют форму уподобительного падежа единственного числа.

Топонимы с формантом -гъат, -моз/-муз, -цъах прослеживаются только в Алагирском ущелье и в Гуалетии. Здесь записаны географические названия:

Алгъат «Алгат»,
Гомгъаты ком «Гомгати ущелье»,
Пусалгъаты ком «Пусалгати ущелье»,
Цъаргъат «Царгат»,
Цъисалгъат «Цисалгат»,
Чаргъаты хуымтæ «Чаргати пашни»,

Иуæрмоз «Иуармоз»,
Бамоз «Бамоз»,
Индомуз «Индомуз»,
Хъуломоз «Куломоз»,
Буцъах «Буцах»,
Джецъах «Джецах»,
Цхелцъах «Цхелцах».

Примечание. 1. В топонимах Гомгъаты ком и Цъаргъат, возможно, следует выделить гом «открытый» и цъар «кора», «кожура», «кожа».

2. Может быть, к топонимам с формантами -цъах и -моз следует присоединить еще и названия с формантом -ах, -æх, -ых и -могъ: Регах, Уарабах, Ечъылах, Засæх/Засых, «Засах/Засых», Згъелахы ком/Згъеланы ком «Згелахы/Згеланы ущелье», Хъа-тамогъ «Катамогъ».

Два топонима с формантом -гъуз записаны в Дигорском ущелье. Это названия Хъогъуз «Когуз» и Цъонгъуз «Цонгуз».

Топонимы с формантом -ск (-скъ)

Как уже было сказано, еще в работе «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека¹ проф. Абаев В. И. обратил внимание на тот факт, что на территории нагорной полосы Кабардино-Балкарской АССР и Северной Осетии встречается ряд необъяснимых топонимов с формантом -ск и привел списки записанных им топонимов с указанным формантом (см. подробнее об этом во Введении, стр. 39—40).

При фронтальной записи географических названий на территории СО АССР мне удалось значительно дополнить список топонимов с формантом -ск (-скъ, а может -сг). Причем, основная масса их записана на территории Дигорского ущелья. Приведем их списки ниже по ущельям.

В Дигорском ущелье:

Агинаскæ «Агинаска»,
Гарнискæ «Гарниска»,
Гелискæ «Гелиска»,

Лоски тегъæ «Лоски вершина»,
Мадзаскæ «Мадзаска»,
Мамалескæ «Мамалеска»,

¹ В. И. Абаев, ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 271—290.

Дæлкенаскæ¹ «Далкенаска», «Ниже
Кенаска»,
Дзæгæраскæ «Дзагараска»,
Дзиласкæ «Дзиласка»,
Дзираскæ «Дзираска»,
Задæлескæ «Задалеск» (селение),
Искæ «Иска»,
Кусескæ «Кусеска»,
Къороскæ «Короска»,
Къунскæ «Кунска»,
Лакска «Лакска»,

Мæхческæ «Махческ» (селение),
Метъласкæ «Метеласка»,
Москæ «Моска» (селение),
Насаскæ «Насаска»,
Толоскæ «Толоска»,
Тъурускæ «Туруска»,
Цъароскæ «Цароска»,
Цъилескæ «Цилеска»,
Цъимухскæ «Цимухска»,
Цъинараскæ «Цинараска»,
Цъифскæ «Цифска».

В Алагирском ущелье:

Æхсаск «Ахсаск»,
Згъарискъ «Згариск»,

Тæмискъ «Тамиск»,
Хъаска/Хъасга «Каска/Касга».

В Куртатинском ущелье:

Зæгъарискъ «Загариск»,
Хъæдуска «Кадуска»,

Хоска «Хоска».

На левом берегу р. Терек:

Лескен «Лескен» (селение), Арчхышк «Арчхышк».
Лескени дон «Лескени река»,

Примечание 1. В некоторых из приведенных выше топонимах можно выделить значащие элементы. Так, в Кусескæ выделяется кусæ «мелкий гравий», «почва с большим содержанием гравия»; в Згъарискъ и Зæгъарискъ выделяется згъар, зыгъар «лысына», «белое пятно на лбу животного», или же усечение от зыгъарæг «барсук»; в Хъæдуска — хъæд «лес»; в Хоска/Хосга — хос «сено»; в Цъароскæ — цъарæ «кожа», «кора», «кожура»; в Цъилескæ — цъил «волчок»; в Цъифскæ — цъифæ «грязь», «топи».

2. В топонимах Лескен и Тæмискъ К. З. Чокаев находит вайнахские основы: лешка «рабы» и тæмишка «место войн»².

Наличие среди топонимов с формантом -ск -скъ (или может -сг) таких названий, где можно выделить значащий элемент (или корень слова) говорит о том, что некогда это был словообразовательным формантом. И очевидно это один из наиболее древних словообразовательных формантов в осетинском.

¹ Исходя из наличия топонима Дæлкенаскæ, можно предположить, что некогда был еще топоним Кенаскæ «Кенаска».

² К. З. Чокаев. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках. В кн.: Труды ЧИНИИ, т. IX. Грозный, 1964, стр. 60.

Тот факт, что этот формант обнаруживается в топонимах, основная масса которых локализуется в нагорной полосе западной части Осетии (об этом красноречиво говорят приведенные выше списки топонимов с формантом -ск (-скъ) и далее на территории современной Балкарии, Карачаево-Черкесии и верховьев Кубани и что наибольшее количество объясняемых в них корней тоже концентрируется в той части) тоже свидетельствует о древности этого форманта. Заметим еще и то, что из топонимов, с указанным формантом на территории Балкарии, в двух можно выделить осетинские корни хум(æ) «пашня» в Хумиски и бода «благовоение», «ладан» в Бодиску¹. Очевидно, этот словообразовательный формант был в языке тех предков осетин, которые составили, пользуясь терминологией В. И. Абаева, первую — «дигорскую» волну².

В том, что формант -ск/-скъ очень древний я вполне согласна с проф. В. И. Абаевым и К. З. Чокаевым. Но не совсем согласна с мнением, что осетинский топонимический формант -ск/-скъ единичен с нахским сложным, живым и продуктивным формантом -шк (сращение из -ш- + -ка/-га) и с тем, что для подтверждения этого своего положения он ссылается на работу В. И. Абаева «Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев»³, напечатанной еще в 1933 г. Как известно, эта работа с некоторыми изменениями автора была переиздана под названием «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека» в 1949 г.⁴. И, если Абаев В. И. в первом издании своей работы действительно писал: «Так как наиболее обычным суффиксом в топонимических названиях бывает показатель множественности, то приведенные термины позволяют высказать гипотезу, что в «доисторическом» процессе формирования центрально-кавказских этнических культур участвовала общественность, говорившая на языке, имевшем показатель множественности (или иной формант) -ск (шк)»⁵, то в последнем издании этого утверждения уже нет. Здесь читаем: «Приведенные термины позволяют высказывать гипотезу, что в «доисторическом» процессе формирования центральнокавказских этнических культур участвовала общественность, говорившая на языке, имевшем формант -ск»⁶. Разумеется, это следовало учесть Чокаеву К. З.

Как явствует из только что приведенных цитат, В. И. Абаев не относит формант -ск к языку какой-то определенной народности. Он не ут-

¹ Чокаев К. З. считает, что в топониме Бодиску (по его транскрипции Бодушку) имеем чеченский бодушку, ингушский бѣдашка «на темное место» от бода «темнота». См. Труды ЧИНИИ, т. IX, стр. 60.

² Известия ЧИНИИ, истории, языка и литературы, т. I, в. II, языкознание. Грозный, 1959, стр. 115.

³ Язык и Мышление, т. I, Ленинград, 1933, стр. 88.

⁴ См. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 271—290.

⁵ См. Язык и Мышление, т. I, Ленинград, 1933, стр. 88.

⁶ См. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 290.

верждает, что этот формант принадлежал языку (или языкам) той этнической среды, которая составила кавказский субстрат осетинского языка. Абаев В. И. только говорит, что «... в «доисторическом» процессе формирования центральнокавказских этнических культур участвовала общность, говорившая на языке, имевшем формант *-ск*»¹. Известно же, что немалое участие приняли в этом процессе и скифо-алано-сарматские племена. И почему не могло быть, что той общностью, в языке которых был формант *-ск*, и были скифо-сармато-аланские племена.

Исходя из тех фактов, что несколько топонимов с формантом *-ск -скъ* (в Осетии и Балкарии) имеют объясняемые без всяких натяжек осетинские корни и из большей локализации в определенной части Осетии (в западной ее части, затем Балкарии, Карачаево-Черкесии) и предков бывшего расселения осетин, мне представляется, что это один из наиболее древних словообразовательных (а может и формообразовательных) формантов осетинского языка, сохранившийся только в топонимии.

Видимо, Чокаев К. З. не совсем уверен в правоте своего высказывания, что нахский составной суффикс *-шк* (где *-ш-* формант множественного числа и *-ка -га* — суффикс топонимобразования, восходящий к форманту направительного падежа в нахских языках)² единичен с осетинским топонимическим формантом *-ск*. Вот поэтому в своих выводах он пишет: «6. На территории Дигории, Верхней Балкарии и Безенги встречаются топонимы с окончанием *шк (ск)*, формально совпадающим с соответствующим нахским составным суффиксом *-шк*. Природа этого совпадения нуждается в дальнейшем, углубленном изучении с учетом данных этнографии, антропологии и археологии»³. К высказыванию Чокаева К. З. следует добавить, что для выяснения природы форманта *-ск/-скъ* и других непонятных формантов, необходимо еще и комплексное изучение топонимии Кавказа и составление сводных топонимических словарей. Только тогда выяснится правота и правомерность точки зрения каждого автора.

Заканчивая обзор рядов топонимов по формантам (форманты числа и падежа, ряды топонимов по исходным формантам), следует отметить, что словоизменительные форманты первоначально присоединялись к основам в своей прямой функции, т. е. в качестве падежных окончаний и показателя множественности. Но современем эти форманты срослись с основами (речь идет о формантах локативных падежей), потеряв при этом функции словоизменительных аффиксов. Так они вместе с основами перешли в названия географических объектов, т. е. они стали свое-

¹ В. И. Абаев, цитир. соч., стр. 290.

² Труды ЧИНИИ, с. IX, Грозный, 1964, стр. 62, 58.

³ Там же, стр. 63.

образными топонимообразующими формантами. Таким же топонимообразующим формантом, как это было отмечено раньше, стал и показатель множественности -т-, потеряв в топонимах реальное значение множественности. Что же касается топонимов, имеющих форму родительного и уподобительного падежей, то здесь наряду с функцией топонимообразования, форманты этих падежей сохранили и функции падежных окончаний (иметь определительное значение, указывать на принадлежность, часть целого, сходство с чем-либо и т. д.).

Б. Словообразование и лексико-структурная характеристика осетинских топонимов

Осетинскому языку свойственны два типа словообразования:

- а). Словообразование с помощью аффиксов;
- б). Словообразование путем словосложения.

Оба эти типа одинаково продуктивны в современном осетинском языке. Продуктивны рассматриваемые типы словообразования и в топонимии, составляющей самую значительную часть пассивной лексики осетинского языка. И хоть она пассивная часть, но образуются в ней названия по общим словообразовательным нормам и моделям языка. Иногда она, правда, сохраняет некоторые архаичные оттенки значений тех или других словообразовательных формантов, или забытые значения отдельных лексем, но модели словообразования в ней те же, что вообще в осетинском языке.

По составу слов в топонимии Осетии находим односложные, двух- и многосложные названия, или слова непроезводимые и производные, затем сложные слова. Отдельные названия представляют собой целые словосочетания. Ниже мы рассмотрим все эти типы.

1. Односложные названия

Односложные географические названия записаны мною на территории всей Северной Осетии, а также Трусковского ущелья. Правда, они распределяются неравномерно между отдельными природными регионами Осетии. Так, например, в Туалетин записано 30 односложных топонимов, в Алагирском ущелье — 27, в Дигорском ущелье — 4, в Даргавском, Санибанском, Кобанском ущельях — 7, в Куртатинском ущелье — 7, на территории левого берега р. Терек — 28, правого берега р. Терек — 6 и в Трусковском ущелье — 23.

Неоднородны односложные географические названия Осетии и по

своей языковой природе. Так, из 132 односложных топонимов 87 объяснимы.

Объяснимы они в основном из самого осетинского языка. Приведем ниже все наши односложные географические названия в принятом порядке.

В Даргавском, Санибанском, Кобанском ущельях:

Гул (?),	Сау «Черный», «Недобрый», «Сау
Мых (из груз. муха) «Дуб»,	(?)»,
Пурт «Пурт (?)»,	Фæз «Площадка», «Ровное место».
Рагъ «Гребень горы», «Хребет»,	

В Куртатинском ущелье:

Лæц «Лац (?)»,	Туар (из груз. мтваре «луна») «Луна», «Лунный»,
Мæрт «Март» (мера для измерения сыпучих тел),	
Сау «Черный», «Недобрый»,	Тхост «Всесильный»,
«Сау (?)»,	
Скъурф «Скурф (?)»,	Харх «Нагромождение».

В Алагирском ущелье:

Арв «Небо»,	Сухс «Сухс (?)»,
Бад «Бад (?)»,	Схъас «Скас»,
Быз «Биз (?)»,	Сыгъд «Горелый», «Пожарище»,
Дæй «Дай» (этноним),	Тулдз «Дуб», «Дубовый»,
Дзыхъхъ «Лощина»,	Фæз «Площадь», «Ровное место»,
Ел «Ел», «Место», «Урочище»,	Фæрв «Ольха»,
Зджид «Згид (?)»,	Хард «Подъем»,
Ком «Ущелье»,	Ход «Ход (?)», «Место поселения (?)»,
Къул «Склон»,	Хъигър «Кигр»,
Лæгъз «Ровный», «Гладкий»,	Цъупп «Вершина»,
Рагъ «Гребень горы», «Хребет»,	Цыргъ «Острый», «Вершина»,
Рындз «Тропа»,	Цъус «Цус», «Маленький»,
Сау «Черный», «Недобрый»,	Цъæй «Цей (?)».
«Сау (?)»,	
Стох «Стох (?)»,	

В Туалетии:

Дагъ тюрк. «Гора», «Складка горы», Есс «Есс (?)», Къуырф «Лощина», Лйа груз. «Топи», Нар «Нар» (этноним), Пить «Пит (?)», Пси (из адыг. псы) «Вода», «Река», Пус «Пус (?)», Хйа «Хиа (?)», Хуыр «Щебень», «Камень», Хшеу «Хшеу (?)», Хъру груз. «Глухой», Хъул «Альчик», Цми «Цми (?)», Цырт «Надгробие», Рагъ «Гребень горы», «Хребет»,	Рес/Рецъ «Рес/Рец (?)», Съкор «Скор (?)», в диг. «Сажа». Сохс «Сохс (?)», Сухс «Сухс (?)», Згъил «Згил (?)», Кæрт «Двор», Фæз «Площадь», «Ровное место», Цъасс «Цасс (?)», «Нора (?)», Цъесс «Цесс (?)», Цъур «Цур (?)», Цъус «Цус», «Маленький», Чыс «Гравий», «Каменистый», Сындз «Колючка», Тиб «Тиб», Тли «Тли».
---	--

Примечание 1. Возможно, название Тли (селение) восходит к груз. втлх (1-е л. ед. ч. от инфинитива гатла) «точить», «тесать», где начальный в выпал. Заметим, что и в горах Юго-Осетии было селение Тли.

2. Название Тиб (селение) возможно образовано от груз. тива «травя».

3. Фонетическими вариантами, очевидно, являются топонимы Сухс (Алагирское ущелье) и Сохс (Туалетия).

В Дигорском ущелье:

Гъос «Небольшая лужайка на скло-Сард персид. и таджик. «Холод», не горы», анат. «ухо»; «у», «возле», Сау «Черный», «Недобрый», «Сау Ком «Ущелье», (?)», «Участок хвойного леса».

На левом берегу р. Терек:

Гъой «Гой (?)», возможно, осет. «Опушка леса поросшая травой», Ил тюрк. «Край», «Крайняя река», Кет/Кетæ «Кет/Кета (?)», Ком «Ущелье», Рагъ «Гребень горы», «Хребет», Сæф «Небольшое углубление», Скон «Скон (?)»,	Къох «Роща», Къул «Склон», Луг русск. «Луг», «Покос», Малхъ «Малк», букв. «Павлин», Мат хох «Матфея гора», Ныгъ «Ниг (?)», Пыхс «Кустарник», Тур русск. «Тур» (животное), Фæз «Площадь», «Ровное место»,
---	--

Суар «Минеральный источник»,
 Сыгъд «Горелый», «Пожарище»,
 Сындз «Колючка»,
 Сынт «Галка», «Ворона»,
 Тулдз «Дуб», «Дубняк»,
 Ханч (из ханша) «Ханч»,

Хæрх «Куча», «Штабель», «Нагро-
 мождение».
 Хъæд «Лес»,
 Цад «Озеро»,
 Цат «Цат (?)»,
 Цми/Чми «Чми (?)».

На правом берегу р. Терек:

Брут (из брутæ) «Ограды», «Забо-
 ры»,
 Круг русск. «Круг»,
 Къох «Роща»,

Сындз «Колючка»,
 Цад «Озеро»,
 Цъай «Колодец».

В Трусовском ущелье:

Дагъ тюрк. «Гора», «Складка горы»,
 Дес «Дес (?)»,
 Ес/Есс «Ес/Есс (?)»,
 Ком «Ущелье»,
 Къоб. тюрк. «Горная долина», «Су-
 хое русло»,
 Къод «Код» (посудина для собира-
 ния воды у водоемов),
 Къуым «Угол», «Подножие»,
 Мна «Мна (?)»,
 Рагъ «Гребень горы», «Хребет»,
 Рес «Рес (?)»,
 Суар «Минеральный источник»,

Сут груз. «Курдюк»,
 Тот «Тот (?)»,
 Тъеп «Теп (?)»,
 Уæхск «Выступ», анат. «Плечо»,
 Уыр «Мелкий щебень»,
 Фæз «Площадь», «Ровное место»,
 Хуыр «Камень», «Каменистый»,
 Хъæд «Лес»,
 Хъуд «Гуд»,
 Хъел груз. «Горло»,
 Цъли «Цли (?)»,
 Чыс «Мелкий гравий».

Как видно, большинство односложных топонимов вполне объясни-
 мы из самого осетинского, кавказских, тюркских, славянских языков. Не-
 объяснимы пока в основном названия населенных пунктов (Бад, Тли,
 Тиб, Тъеп, Дес, Цъесс, Хъуд и др.) и некоторых крупных объектов (Есс,
 Питъ, Хйа, Схъас, Цъли и т. д.).

2. Двусложные названия

Чисто двусложных названий среди осетинских топонимов немного.
 В основном двусложные топонимы — это производные слова. Поэтому
 здесь я не буду приводить их списки. Скажу только, что многие из них

необъяснимы пока. Необъяснимыми остаются пока все двусложные топонимы с исходом на -а-, -и-, -о-, -е-, -иу-, -ау-, а также элементы -гъат-, -моз/-муз-, -цъах-, -ск и т. д. (см. соответствующий раздел раньше). Что касается двусложных названий — производных слов, то в целом они объяснимы и их рассмотрим в последующих параграфах.

3. Производные слова — названия

Чрезвычайно продуктивным, как вообще в осетинском языке, является образование географических названий с помощью аффиксов. Новые слова в осетинском образуются с помощью глагольных превербов и суффиксов. Не составляют исключения в этом отношении и географические названия. Но следует подчеркнуть, что в топонимии преобладает именное словообразование и только в нескольких топонимах встречаются глагольные превербы.

В образовании топонимов участвуют почти все живые, продуктивные суффиксы осетинского языка. Конечно, продуктивность их неодинаковая, также как и в образовании новых слов в активной части лексики. В топонимии встречаются следующие суффиксы:

суффикс -аг

С помощью суффикса -аг образуются в основном топонимы от имен и наречий и реже от глагольных основ.

Географические названия с помощью суффикса -аг образуются как от собственных (точнее от самих топонимов), так и от нарицательных имен. Например:

а). От собственных имен:

Дагоймаг (от названия с. Дагом+суф. -аг) «Дагоймаг», букв. «Из Дагома», «Дагомский»;

Джимийаг дарæн (от названия развалин с. Джими+суф. -аг) «Место временного содержания скота в Джими»;

Харисджинаг ком (от названия с. Харисджин+суф. -аг) «Харисджинское ущелье»;

Цмийаг ком (от название с. Цми+суф. -аг) «Цмийское ущелье» и т. д.

б). От нарицательных имен:

Астæйуаг (от астæу «середина»+суф. -аг) «Общий», «Общественный»;

Æхсæйнаг (от æхсæн «середина», «межа», «между»+суф. -аг) «Общий», «Общественный»;

Бинаг фæзтæ (от бын «низ», «дно»+суф. -аг; в производном слове «бинаг наблюдается подъем слабого гласного ы в сильный и) «Нижние площадки»;

Дзизуайраг (от дзизуарæ «крест», «святылище», «святое место»+суф. -аг) «Предназначенный для святылища»;

Къаматтаг «Второсортный». В этом топониме суф. -аг уже мертвый. Фæрсаг дон (от фарс «сторона», «склон», анат. «бок»+суф. -аг; в производном слове наблюдается ослабление сильного гласного основа а в æ) «Побочная река». Термином фæрсаг дон пользуются в нагорной полосе для обозначения рек неледникового происхождения.

Чъирийаг æхсæн (от чъири «жертвенный пирог»+суф. -аг) «Место (родник, река), где мыли зерно для ритуальных пирогов» и др.

Примечание. Если имя исходит на гласный, то между исходным гласным и суффиксом во избежание зияния появляется полугласный й.

Из примеров видно, что суф. -аг некоторым географическим названиям придает значение предназначения. Ср. топонимы Астæйуаг, Æхсæйнаг, Дзизуайраг, Чъирийаг æхсæн и др.

Продуктивно также образование топонимов с помощью суффикса -аг от предлогов дæл «ниже», «под», уæл «на», «наверху», фæс «позади» и наречий. Например:

Ардыггаг тъæпæн (от ардæг, ацы æрдыгæй «по эту сторону»+суф. -аг) «По эту сторону равнина»;

Ацырдыггаг згъар (от ацы æрдыгæй «по эту сторону»+суф. -аг) «Ближняя лысина», «По эту сторону лысина»;

Æндеггаг хунтæ (от æндег (æй) «внешний», «снаружи», «дальний»+суф. -аг) «Дальние пашни»;

Дæллаг быдыр (от дæл(е) «внизу»+суф. -аг) «Нижнее поле», «Ближнее поле»;

Дæллаг æнсаргунтæ «Ближние беспорядочные»;

Дæллаг Пуриат «Нижний Пуриат»;

Иумæйаг фæзтæ (от иумæ «вместе»+суф. -аг) «Общие площади», «Принадлежащие всем ровные (участки)»;

Уæллаг бæстæ (от уæл)лæй, е- «верхний», «наверху»+суф. -аг) «Верхние (дальные) земли»;

Уæллаг адаг «Верхний овраг»;

Уæллаг Уæсæг «Верхний Уасаг (?)»;

Уæллаг хистаг «Верхняя почетная доля старшего»;

Фаллаг ком (от фал (æ) по ту сторону»+суф. -аг) «Дальнее ущелье», «Ущелье по ту сторону»;

Фаллаг фарс «С той стороны», «На той стороне» и т. д.

Из рассмотренных примеров видно, что топонимы, образованные от

наречий и предлогов с помощью суффикса -аг, в основном имеют пространственное значение. Как правило, эти топонимы составные, где суффикс -аг добавляется к наречиям, выполняющим функцию определений бинарной оппозиции (уæллаг «верхний» — даллаг «нижний», фаллаг «дальний» — ацырдыггаг «ближний» и т. д.).

Слабее представлены топонимы, образованные от имен числительных и от глагольных основ с помощью суф. -аг. Только в ущелье р. Геналдон имеем топонимы Фыццаг мæсыг «Первая башня», Дыккаг мæсыг «Вторая башня», Аертыккаг мæсыг «Третья башня», т. е. образования от числительных. Порядковые числительные в названных топонимах выполняют также определительную функцию.

Немногим больше имеем топонимы, образованные от глагольных основ с помощью суф. -аг. Вот они:

Амаддзаг (основа прошедшего времени глагола амад (из амайын «тесать», «складывать») + суф. -аг) «То, что сложенно»;

Æнæсæттаг дон (æнæ «без» + основу глагола сæттын «ломать», «одолевать», «укрощать» + суф. -аг) «Неукротимая река», «Неодолимая река»;

Хуыссаг дон (основа глагола хуыссын «спать» + суф. -аг) «Спящая река»;

Хъæргæнаг (образование от сложного глагола хъæр кæнын и суф. -аг) «Шумный», «Грохочущий»;

Хъæргæнаг дон «Грохочущая река», «Шумная река» и др.

Суффикс -аг топонимам, образованным от глагольных основ, в основном придает значение наделенности каким-либо качеством, указывает как-бы на постоянное свойство топонима.

Ограничено образование топонимов от звукоподражательных слов с помощью суф. -аг но все же они встречаются. Например:

Хæл-хæлаг (от хæл-хæл «журчание», «хохот» + суф. -аг) «Журчащий»;

Хæр-хæрæгтæ (от хæр-хæр «скрежет» + суф. -аг) «Скрежещущие»;

Лæпп-лæппæнаг (от лæпп-лæпп «бульканье» + основу глагола кæнын «делать» + суф. -аг) «Булькающий», «Чавкающий» и др.

Как следует из сказанного выше, и в топонимии сохраняется основная, определительная функция суф. -аг, от каких бы основ не были образованы географические названия.

Суффиксы -æг, -бын, -джын

Суффикс -æг живой продуктивный в современном осетинском языке словообразовательный формант. С его помощью образуются причастия настоящего и прошедшего времени. В основном с помощью суф. -æг имеем отглагольные образования, но встречаются и отыменные образования.

С помощью суф. -æг имеем в языке и отглагольные имена с различными значениями «чаще всего со значением действующего лица»¹. Этот суффикс участвует и в образовании топонимов.

С суффиксом -æг топонимы встречаются в основном в Алагирском и Дигорском ущельях, реже в других местах Осетии. Например:

Билæг (от билæ «обрыв», «берег», анат. «губа» + суф. -æг) «Обрывистый»,

Бакалæг (от глагола бакалун «всыпать» + суф. -æг) «Всыпавший»,

Бæрзæндæг (от бæрзонд «высокий» + суф. -æг) «С высотами»,

Дорæг (от дор «камень» + суф. -æг) «Каменистый»,

Згъарæг (от згъар «белое пятно на лбу животного», «лысина» + суф. -æг) «Пестрый», «Пегий», «С лысынами»,

Къуарæг (от глагола къуæрун «ударять», «швырять», «вбивать» + суф. -æг) «Ударяющий», «Вбивающий»,

Ламæг (от ламæ, лами «ил» + суф. -æг) «Илистый»,

Лæхорæг (от глагола лæхорун «рушить крупу» + суф. -æг) «Рассыпчатый», «Крупчатый»,

Сауарæг (от сауар, суар «минеральный источник» + суф. -æг) «Обильный минеральными источниками»,

Саусæг (от сауис «съедобные ягоды» (не черника!) + суф. -æг) «Обильный саус»,

Узунæг (от измененного личного имени Узун (от Юстиниан) + суф. -æг) «Узунаг», букв. «Юстиниану принадлежавший» и т. д.

Из примеров видно, что суф. -æг вносит в топонимы значение преобладания в них какого-то качества или указывает на обилие чего-либо в данном объекте. Это значение суф. -æг в современном осетинском языке сохранилось только в топонимии и оно совершенно отсутствует в живом словообразовании² (в образовании лексем активной части словаря осет. яз.). Для выражения обилия, преобладания какого-то качества современный осетинский язык пользуется суффиксами -джын (-гин, -гун в дигорском) и -бын (диг. -бун). И при этом, конечно, наиболее продуктивным является суф. -джын (-гин, -гун). Заметим, что оба эти суффикса участвуют и в образовании топонимов. И здесь также преобладают названия, образованные с помощью суф. -джын (-гин/-гун).

Топонимы с помощью суф. -джын (-гин/-гун) образуются от нарицательных имен. Они имеют форму им. п. ед. и мн. ч. Образования эти всегда указывают на обилие или преобладание чего-либо в данной местности. Например:

¹ В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959, стр. 62, 63, 110.

² О значениях суф. -æг см. Грамматику осетинского языка т. I. Орджоникидзе. 1963, стр. 103—104.

Æртæхгун (от æртæх «капля», «роса»+суф. -гун) «Обильный росой»,

Æхсæмæргун (от æхсæмæрæ «хмелеграб»+суф. -гун) «Обильный хмелеграбом»,

Бунгардгун (от бунгард «пень»+суф. -гун) «Обильный пнями»,

Гæдыджын (от гæды «тополь» + суф. -джын) «Обильный тополями»,

Губаджджын (от губакк «кочка» + суф. -джын; в производном слове имеем явление регрессивной ассимиляции) «Обильный кочками», «Кочковатый»,

Давонджынтæ (от давон «черемша»+суф. -джын; топоним имеет форму им. п. мн. ч.) «Обильные черемшой»,

Кæлмджынтæ (от калм «змея»+суф. -джын; топоним имеет форму им. п. мн. ч.) «Кишащий змеями», «Змеевик»;

Кæрзджынтæ (от кæрз «ясень»+суф. -джын; топоним представлен в форме им. п. мн. ч.) «Обильный ясеню»,

Кæндусгин (от кæндус «белена», «дурман»+суф. -гин) «Обильный дурманом»,

Сæгуытджын (от сæгуыт «косуля» + суф. -джын) «Обильный косулями»,

Хæфсджын (от хæфс «лягушка»+суф. -джын) «Кишащий лягушками»,

Хæрдоджджын (от хæрдог «ясенник цепкий»+суф. -джын; в производном слове имеем явление регрессивной ассимиляции) «Обильный ясенником цепким» и т. д.

Это же значение обилия, преобладания чего-либо вносит в топонимы и суф. -бын (диг. -бун). Например:

Бæрзбын от бæрз «береза»+суф. -бын) «Березняк», «С преобладанием березы»,

Дурбынтæ (от дур «камень»+суф. -бын; топоним представлен в форме им. п. мн. ч.) «Каменистые»,

Рæзбун (от рæзæ «фрукты»+суф. -бын) «Обильный фруктами»,

Тулдзбын (от тулдз «дуб» + суф. -бын) «Дубняк», «Обильный дубом», «С преобладанием дуба»,

Фæрвбын (от фæрв «ольха» + суф. -бын) «Ольховник», «С преобладанием ольхи».

Топонимы с суф. -бын представлены в основном в форме им. п. ед. ч. Кроме значения преобладания, обилия чего-либо, суф. -бын придает некоторым топонимам значение неполноты качества, ослабленного качества. Это значение заметно в топонимах Фæлмæнбун букв. «Мягковатый» Саубын букв. «Черноватый».

Итак, исходя из анализа отапельлятивных топонимов, образованных (а с помощью суф. -æг и от глагольных основ), с помощью суффиксов -джын (-гун/-гин), -бын/-бун и -æг можно прийти к выводу, что некогда

осетинский язык для обозначения значений изобилия, преобладания чего-либо в данной местности, пользовался всеми указанными суффиксами. Но с течением времени эти значения сохранились за суф. суф. -джын (-гун/-гин) и -бын/-бун. Причем, наиболее продуктивным является суф. -джын (-гун/-гин). Что касается суф. -æг, то в современном осетинском языке он уже не является носителем значения обилия или преобладания какого-либо качества в производных словах. Это его значение выявляется только в сохранившихся с этим формантом географических названиях. Поэтому сейчас суф. -æг следует считать специальным топоформантом в осетинском, как и показатель множественности -т-.

Суффикс -он

Чрезвычайно продуктивным топонимообразующим формантом является суф. -он. Причем, суф. -он встречается только в топонимах — отыменных образованиях. Образуются географические названия с помощью суф. -он как от нарицательных, так и от собственных (в том числе фамильных и личных) имен. Например:

Æрхонон хуссар (от Æрхон «Архон» — название рабочего поселка в Алагирском ущелье + суф. -он) «Архонский солнечный»,

Байрагон (от байраг «жеребенок», или барæг «всадник» + суф. -он) «Принадлежащий жеребятнам», «Принадлежащий всадникам»,

Бадон (от Бад — селение в Алагирском ущелье + суф. -он) «Река с. Бад», «Бада река»,

Мидæгдзуанон (от композита мидæг «внутренний», «дальний» + цуан «охота» + суф. -он; в композите имеем закономерный переход *ц* в *дз*) «Дальнее место охоты»,

Нæмæрон (отрицание нæ «не», + мæр «почва», «чернозем» + суф. -он) «Нечерноземный»,

Уæлдурон (из уæл «над», «на» + дур «камень» + суф. -он) «На камне», «Над камнем», «Надкаменный» и т. д.

Если топоним образован от личного или фамильного имени с помощью суф. -он, а также от собственных имен, то этим названиям суффикс придает значение принадлежности. Например:

Басилбайтион (от личного имени Басилбай + показатель множественности -т- + окончание род. п. -и + суф. -он) «Принадлежащий роду (семьи) Басилбая»,

Бæйон (от личного имени Бæ «Ба» + суф. -он; между основой и суффиксом появляется *й* во избежание зияния) «Принадлежащий Ба»,

Ганойтион (от фамильного имени Ганойти «Ганоевых» + суф. -он) «Принадлежащий Ганоевым»,

Гатъионы цæгат (от личного имени Гатъи «Гати» + суф. -он) «Принадлежащий Гати несолнечный (участок, склон)»,

Сæхæгон (от личного и основы фамильного имени Сæхæг «Сахаг» + суф. -он) «Принадлежащий Сахагу»,

Тотойон (от личного имени Тото + суф. -он; между основой и суффиксом появляется й во избежание зияния) «Принадлежащий Тото»,

Думон цæгат (где Дум — усечение от названия с. Думтæ «Думта» + суф. -он) «Несолнечный (участок) с. Думта»,

Хъазбегони мæскытæ (где Хъазбег — основа фамильного имени Хъазбегтæ «Казбековы» + суф. -он) «Балки Казбегона», «Балки, принадлежащие роду Казбековых» и т. д.

Такое же значение принадлежности, а также происхождения придает суф. -он топонимам, образованным от нарицательных имен. Например:

Бодаон (от бодæ «благовоние» + суф. -он) «Из мест благовония», «Место благовония»,

Лахъон дон (от лахъ(а) «трясина» + суф. -он) «Вода из трясины»,

Ихæнон (от ихæн «холод», «холодный» + суф. -он) «Из прохладных мест».

Цæкъеон (где цæкъе измененное тюрк. ечки «коза» + суф. -он) «Принадлежащий козам» и т. д.

В топонимах Зымæгон ныгуылæн (от зымæг «зима» + суф. -он) «Зимнее место захода солнца», Зымæгон фæндаг «Зимняя дорога», Сæрдыгон дарæн (от сæрд «лето» + суф. -ыгон, представляющий собой осложнение суф. -он¹) «Летнее урочище» суф. -он выражает отношение ко времени.

Следует отметить, что некоторые топонимы с суф. -он необъяснимы. Например:

Адæлмон «Адалмон»,

Гибинон «Гибинон»,

Даппагъон «Даппагон»,

Къуæрион «Куарион»,

Матъаон «Матаон»,

Толохон «Толохон»,

Тъулон «Тулон»,

Фатадзон «Фатадзон»,

Цулæгон «Цулагон» и др.

Хотя выше сказано, что суф -он отличается большой продуктивностью в топонимии Осетии, все же следует отметить, что географические названия с этим формантом более широко представлены в Алагирском и Дигорском ущельях.

Для топонимии Алагирского ущелья суф. -он следует считать специальным топоформантом. Его мы обнаруживаем в составе многих ойконимов указанного ущелья, в таких как Галон, Садон, Бурон и др. Затем, для образования других топонимов от названий населенных пунк-

¹ В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959, стр. 113.

тов здесь пользуются только суф. -он. Это видно в топонимах Ходон ра-кæсæн (где Ход — название селения в Алагирском ущелье + суф. -он) «То место откуда обозревают (жители) с. Ход», Æрхонон хуссар (где Æрхон «Архон» — название рабочего поселка + суф. -он) «Южные, солнечные (земли) пос. Архон», Бадон дон (Бад — название селения + суф. -он) «Река (селения, ущелья, ледника) с. Бад», Дæйон дон (Дæй, Дæйыхъæу «Даикау» (селение) + суф. -он) «Река с. Даикау» и др.

Суффикс -æн

Весьма продуктивным является и суффикс -æн в топонимии. С его помощью образуется большое количество географических названий от глагольных основ. При этом некоторые топонимы — отглагольные образования сохраняют даже глагольные превербы с их значениями.

В осетинском языке всего девять глагольных превербов (приставок): а-, ба-, æр-, æрба-, ра-, ны-, цæ-, (ы)с-, (диг. ис-), фæ-. Из них в топонимии встречаются только превербы а-, æр-, æрба-, (ы)с- (диг. ис-), ра-.

Одна из особенностей функций осетинских глагольных превербов заключается в том, что при динамических глаголах они уточняют направление движения по отношению к наблюдателю. В топонимии тоже эта их локативная функция в какой-то мере сохраняется. Например:

Азилæн (преверб а- + основу глагола зылын «вращаться», «поворачиваться» + суф. -æн) «Место поворота»,

Æрхизæн (из преверба æр- + основу глагола хизын «спускаться» + суф. -æн) букв. «Место спуска сверху вниз», «Проход (сверху вниз)»,

Æркæсæны фæтæн (из æр- + основу глагола кæсын «смотреть» + суф. -æн) букв. «Широкое (просторное место) куда можно взглянуть сверху вниз»,

Æрбакæсæнтæ (из æрба- + основу глагола кæсын + суф. -æн; топоним имеет форму им. п. мн. ч.) букв. «То место, откуда можно взглянуть на что-то»,

Иссæуæнтæ (из ис- + основу глагола цæун «идти» + суф. -æн; топоним имеет форму им. п. мн. ч.) «Проходы», букв. «Место прохода снизу вверх».

Ракæсæнтæ (из ра- + основу глагола кæсын «смотреть», «обозревать» + суф. -æн) букв. «Место обозрения сверху вниз (а также изнутри наружу)»,

Скæсæн (из с- + основу глагола кæсын + суф. -æн) букв. «Место обозрения снизу вверх» и т. д.

Однако следует заметить, что превербных образований топонимов с суффиксом -æн меньше чем беспревербных. Топонимы — отглагольные образования с суф. -æн представлены в основном в форме им. п. ед. ч. Например:

Абухæн «место где ревут»,
Бадæн «Место сидения»,
Гуырæн «Исток»,
Гъазæн «Место игры»,
Дуцæн «Место дойки»,

Кæсæн «Место наблюдения»,
Скъæрæн «Место прогона»,
Сидæн «Место обращения»,
Хуæрæн «Солончак», букв. «Место
еды» и т. д.

Наряду с этим встречаются и топонимы с суф. -æн, имеющие форму им. п. мн. ч. А некоторые названия с суф. -æн имеют форму именительного падежа единственного и множественного числа. Например:

а) в форме им. п. мн. ч.
Инцайæнтæ «Привалы»,
Кæсæнтæ «Наблюдательные пункты»,

в) в формы им. п. ед. и мн. ч.
Бадæн — Бадæнтæ «Место (места)
сидения»,
Кæсæн — Кæсæнтæ «Место (места)
наблюдения»,
Хуæрæн — Хуæрæнтæ «Солончак —
Солончаки» и т. д.

Уæсгæсæнтæ «Место наблюдения
за телятами» и др.

Топонимы, образованные от глагольных основ с помощью суф. -æн, указывают на место. Другие значения им суф. -æн не придает. Заметим, что суф. -æн вносит множество значений (как-то указывает на место, время, орудие действия, на возможность чего-либо, на способность к чему-либо и т. д.) в слова активной части лексики осетинского языка¹. Следовательно, в отличие от активной лексики языка, в топонимии наблюдаем сужение значения суффикса -æн.

Суффикс -дон

Широко представлены в топонимии отыменные и отглагольные образования с помощью суф. -дон. Указанные образования имеют форму им. п. ед. и мн. ч. в основном, иногда же форму родительного падежа. Например:

а) в форме им. п. ед. ч.

Æфтаудон (от æфтауц «сено, накошенный хлеб, или дрова, привозимые в один прием» + суф. -дон) «Место для афтауц»,

Бæндæйнагдон (от бæндæн «веревка» + суф. -æг + суф. -дон) «Место, где материал (травы) для веревок»,

¹В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959, стр. 110—112; Грамматика осетинского языка, т. 1. Орджоникидзе, 1963, стр. стр. 104, 136 и др.

Галдон адаг (от гал «вол» + суф. -дон) «Овраг волов», «Тот овраг, где бывают волны»,

Гъазæндонæ (от гъазæн «место игр», «игрушка» + суф. -дон) «Место игр, развлечений»,

Уæлыдон (от уæр «ягненок» + суф. -дон) «Место ягнят» и др.

б) в ф о р м е и м. п. мн. ч.

Картофдæттæ (от картоф «картофель» + суф. -дон) «Места для картофеля», «Картофельные поля»,

Лигдæттæ (основа прошедшего времени глагола лидзын + суф. -дон) «Убежища», «Места, куда бежали», «Места для беженцев»,

Ривæддæттæ (от ривæд (встречается только в составе сложных глаголов) «дневной отдых, привал» + суф. -дон) «Места дневного отдыха (скота)» и т. д.

в) в ф о р м е р о д. п. ед. ч.

Бæхдоны къуым (от бæх «конь» + суф. -дон) «Конюшни угол», «Место табуна угол»,

Куывддоны бын (от куывд «молитва», «пир» + суф. -дон) «Ниже места молитв, пиршеств»,

Хуыдоны лæгæт (от хуы «свинья» + суф. -дон) «Пещера для свиарника», «Место свиней пещера» и др.

Выше было сказано, что с помощью суф. -дон образуются топонимы от основ имен и глаголов. Но преобладают отыменные образования. Суффикс -дон придает топонимам значение вместилища, или же указывает на место обитания (или содержания) животных.

Суффиксы -ын, -ыг (диг. -уг), -гон

Суффиксы -ын, -ыг (диг. -уг), -гон являются малопродуктивными топорформантами. С их помощью образуется небольшое количество географических названий.

С помощью суф. -ын образуются географические названия от нарицательных имен. Например:

Дурын кæрт (от дур «камень», + суф. -ын) «Каменный двор», «Двор огороженный камнем»,

Дурын хид «Каменный мост», «Мост из камня»,

Зæххын хид (от зæхх «земля» + суф. -ын) «Земляной мост», «Мост с земляным покрытием»,

Къæйын цырт (от къæй «плита горного шифера, сланца» + суф. -ын) «Надгробие из плиты горного шифера» и др.

Топонимы с суф. -ын указывают на материал, из которого сделан предмет.

Примечание. Очевидно в топонимах Хæлын адаг букв. «Перепопчатый овраг» и Тилын обау «Тилын (?) курган» также имеем формант -ын.

С суффиксом -ыг (диг. -уг) зафиксировано только четыре топонима в Алагирском и Дигорском ущельях. Это названия:

Иударыг (от иу «один» + дуар «дверь» + суф. -ыг) «С одной дверью», «С одним входом»,

Айгомуг (от греч. ай «святой» + ком «ущелье» + суф. -уг) «Из священного ущелья», букв. «Священноущельский»,

Саугомуг (из сау «черный», «недобрый» + ком + суф. -уг) «Черноущельский», «Из недоброго ущелья»,

Фадуг (из фад «нога», «ступня» + суф. -уг) «Полоса», букв. «Штанина».

Малопродуктивен в топонимии и суффикс -гом/-гон. В основном топонимы с этим формантом сосредоточены в Дигорском ущелье. На остальной территории Осетии географические названия с формантом -гом/-гон встречаются редко.

Суффикс -гом/-гон вносит в топонимы локативное значение. Он указывает на место расположения объекта. Например:

Æхсæргон (от æхсær «орех», «орешник», «фундук» + суф. -гон) «У орешника», «Возле орешника»,

Донгон/Донгом (от дон «вода», «река» + суф. -гом/-гон) «У реки», «На берегу реки»,

Уæлæгъæугон (от уæлæ «наверху» + гъæу «селение» + суф. -гон) «У верхней окраины селения»,

Фæзгонтæ (от фæзæ «ровная площадка» + суф. -гон; топоним представлен в форме им. п. мн. ч.) «Как площадки»,

Хоргон (от хор «солнце» + суф. -гом) «Солнцепек», «На солнечной стороне»,

Хъæугон (от хъæу «селение» + суф. -гом) «Возле селения»,

Цадгæндтæ (от цадæ «озеро» + суф. -гон; топоним представлен в форме им. п. мн. ч.) «Возле болот», «Возле озер» и т. д.

Суффикс -дæр

Суффиксом -дæр осетинский язык пользуется для образования сравнительной степени имен прилагательных. Это же значение сравнения вносит суф. -дæр в те немногие топонимы, в составе которых он обнаруживается. Например:

Къаддæр ком «Меньшее ущелье»,

Къаддæр Лиа «Меньший Лиа», букв. «Меньшие топи»,

Къаддæр къабæлтæ «Меньшие затычки, чеки»,

Стырдæр къабæлтæ «Большие затычки, чеки» и др.

Суффикс *-дæр* непродуктивен для образования географических названий. Односложные топонимы с суф. *-дæр* совершенно не встречаются. Он зафиксирован в топонимах — словосочетаниях.

Суффикс *-л-*

Еще менее продуктивен суф. *-л* в топонимии. Собственно и в активной части лексики осетинского языка это очень непродуктивный и мертвый суффикс. Видимо, некогда это был уменьшительным суффиксом. Ср. такие осетинские слова, как *бæдул* «дитя», «цыпленок», *хъæбул* «дитя», «детеныш». Это значение суф. *-л*-сохраняется и в топонимах. Например:

Къохула «Роша», «Вроде рощи»,

Цъетелатæ «Небольшие ледники», «Что-то вроде ледников»,

Хуычъылатæ «Коренья хучъы», «Что-то вроде корней хучъы»,

Хъозилатæ «Кожилата», «Кожиевы»; тюрк. «Перелетные», «Что-то вроде перелетных»,

Мекъела «Мекела» и др.

Очевидно суф. *-л*-топонимам придает не только уменьшительное значение, но еще вносит в них и презрительный оттенок, оттенок неполноты качества.

Суффикс *-ой(нæ)*

В трех топонимах Дигорского ущелья обнаруживается суф. *-ой*, осложненный носовым *н*: *Бæфойнæ* «Бафойна» (правда, этот топоним имеет и форму *Бæфон* «Бафон (?)»), *Сурхойнæ* (где можно выделить *сурх* «красный») «Сурхойна» и *Царойнатæ* (где, возможно, имеем усечение *цард* «жизнь»; топоним *Царойнатæ* имеет форму им. п. мн. ч.) «Царойната».

Образования на *-гæ, -д, -ст*

Причастия в осетинском языке образуются от основы глагола с помощью суффиксов *-гæ, -д, -ст, -инаг*, а деепричастия — с помощью суффиксов *-гæ, -гæйгæ*. В образовании топонимов из указанных формантов принимают участие суффиксы причастия *-д, -ст* и деепричастия *-гæ*. Например:

а) суффикс *-д*

Æрвдзавд (от арв «небо» + цавд «ударенный», в композите имеем ослабление сильного гласного в первой части и закономерный переход *ц* в *дз* во второй части) «Пораженный молнией», букв. «Небом ударенный»,

Дорæвæрд (от дор «камень» + æвæрд «положенный») «Сложенный из камня»;

Калд «Обвалившийся»,
Сыгъд «Выжженный», «Обгорелый» и т. д.

б) с у ф ф и к с -ст

Æрдызты къул «Выкорчеванного (букв. выхолощенного) склон»,
Æвгарст «Обрубленный», «Отрезанный»,
Куыст «Обработанный», «Сделанный»; «Работа»,
Карст маъра «Скошенная поляна»,
Хурсаст «Выжженное солнцем» и т. д.

в) с у ф ф и к с -гæ

Абузгæ «Вздувающийся»,
Амайгæ «Искусственный», букв. «Складываемый»,
Æруайгæ «Стекающий», «Сбегающий»,
Зилгæ «Вращающийся», «Поворачивающийся»,
Дасгæ лæгæт «Сложенная (искусственно) пещера»,
Тæдзгæ лæгæтгæ «Просачивающиеся (протекающие) пещеры»,
Тæхгæ дон «Летающая вода» и т. д.

Среди географических названий с суффиксами -гæ, -ст встречаются и необъяснимые, как Схуынгæ, Уырыст и др.

Форманты -гæ, -д, -ст можно считать продуктивными для образования топонимов в Осетии. Но в топонимии Трусовского ущелья образования на -гæ, -д, -ст представлены очень слабо. Из 1512 географических названий, записанных в Казбекском районе (в той его части, которая заселена осетинами) только в шести названиях встречаем словообразовательные форманты -гæ, -д, -ст. Они следующие:

Кæнгæ фæндаг «Искусственная дорога», букв. «Сделанная дорога»,
Хæсгæ хос «Носимое сено», т. е. «То место, откуда сено носится, но не возится»,

Хæлд хох «Разрушившаяся гора»,
Хæлды уыгæрдæн «Разрушенного (места) луг»,
Мæсыджы хæлд «Башни развалины»,
Никъайы карст «Ника скошенный».

Как видно из примеров, в указанном районе однословные названия с суффиксами -гæ, -д и -ст не встречаются.

4. Сложные слова — названия

Другим продуктивным способом образования новых слов в осетинском является словосложение.

Этот тип словообразования также широко представлен в топонимии,

как и словообразование с помощью аффиксов. Ниже мы рассмотрим сложные слова — названия в плане их первой и второй части.

А пока отметим, что в основном сложные слова — названия состоят из двух частей (основ), но встречаются и названия, состоящие из трех основ. Последних среди географических названий Осетии не очень много. И отношения между составными их частями такие же, что и между частями композита, состоящего из двух основ.

Всего записано много географических названий — сложных слов 1379. Из них только 28 названий представляют собой сложные слова, состоящие из трех компонентов. Такие, например:

Бонгаесбадæн (из бон «день» + гаес «охрана» + бадæн «место сидения») «Дневной охраны место»,

Рыныбардуаг (из рын «эпидемия», «морозная язва» + бар «власть», «право» + дуаг «ангел», «покровитель») «Ангел эпидемий»,

Цъæххатæнгом (из цъæх «зеленое» + фатæн «широкое», «просторное» + ком «ущелье», в композите имеем закономерные переходы **ф** в **в** между первой и второй частью и **к** в **г** между второй и третьей частями) «Зеленое просторное ущелье»,

Фæсдурывидар (из фæс «за», «позади» + дур «камень» + фидар «укрепление», «крепость», между второй и третьей частью композита имеем закономерный переход **ф** в **в**) «Недоступное место позади камня», «Укрепление за камнем» и т. д.

Основная масса топонимов — сложных слов состоит из двух компонентов. Ниже рассмотрим структуру (составные части) сложных слов — названий в соответствии с порядком расположения частей речи в осетинском языке.

1. Первая часть топонимов — сложных слов

1. В первой части имя существительное. Самую большую группу сложных слов — названий составляют те топонимы, в первой части которых имя существительное в неоформленном (именительном) падеже единственного числа. Например:

Галвæндаг (из гал «вол» + фæндаг «дорога») «Волчья дорога»,

Дзуарварс (из дзуар «крест», «церковь», «святой», «святилище» + фарс «сторона», «склон», анат. «бок») «Со стороны святилища»,

Балнад (из бал «группа», «стая» + над «дорога») «Стаи дорога»,

Суаргом (из суар «минеральный источник» + ком «ущелье») «Минерального источника ущелье»,

Комгæрон (из ком «ущелье» + кæрон «конец») «В конце ущелья»,

Мæрæрдуз (из мæр «почва», «чернозем» + æрдуз «поляна») «Черноземная поляна»,

Хъæууат (из хъæу «селение» + уат «место») «Место селения», «Развалины селения»,

Цъахварс (из цъах «галка», «ворона» + фарс «сторона», «склон») «Галок склон» и т. д.

Если первая часть сложного слова — названия является именем существительным, то отношения между первой и второй частью композита могут быть определительными. Существительное первой части сложного слова является как бы определением по отношению ко второй части. Например:

Арынггом (из арынг «корыто» + ком «ущелье») «Корыто — ущелье», «Ущелье как корыто»,

Афцæггъæд (из æфцæг «перевал» + гъæд «лес») «Лес на перевале»,

Безæх (из без (бедз) «вощина» + зæхх «земля») «Вощина-земля», «Пористая земля»,

Иваргом (из ивар «штраф» + ком «ущелье») «Штрафное ущелье»,

Къалагом (из къала «олово», «жесть» + ком) «Олова (жести) ущелье»,

Къозæндзæр (из къозæ «молодой побег хвойного дерева» + æндзæр «равнина») «Молодого ельника равнина»,

Паццахфæндаг (из паццах «царь» + фæндаг «дорога») «Царская дорога», «Государева дорога»,

Сислæгæт (из сис «кладка», «стена каменная» + лæгæт «пещера») «Сложенная (искусственно) пещера»,

Тæгæррагъ (из тæгæр «клен» + рагъ «гребень горы», «хребет») «Кленовый хребет»,

Теуадур (из теуа «верблюд» + дур «камень») «Верблюд-камень», «Верблюжий камень»,

Уистаг (из уис «хворостина» + таг «полоса») «Хвороста полоса»,

Хъæузæд (из хъæу «селение» + зæд «ангел», «патрон») «Ангел (патрон, покровитель) селения»,

Чъыррагъ (из чъыр «известь» + рагъ «гребень горы», «хребет») «Известковый гребень» и т. д.

Примечание. В топониме Лæгтæмарæн дзыхъхъ первая часть сложного слова лæгтæ имеет форму им. п. множественного числа. Другие случаи числового оформления первой части топонимов — сложных слов мною не зафиксированы.

Часто первая часть топонимов — сложных слов, где имя существительное выполняет функцию определения по отношению ко второй части, представлена в родительном падеже. Например:

Барзыхъæу (из барзы «кочки», «возвышения» + хъæу «селение») «Селение на возвышении»,

Донифарс (из дони «реки», «воды» + фарс «сторона») «Донифарс» (селение в Дигорском ущелье) букв. «С той стороны реки», «Со стороны реки»,

Донысæр (из доны «реки», «воды» + сæр «начало», «истоки»; «голова») «Донисар» (селение в Алагирском ущелье), букв. «Истоки реки»,

Мадымайрæм (из мады «матери» + Майрæм «Майрам», «Мария») «Святая Мария», букв. «Матери Мария»,

Сæрызæд (из сæры «головы» + зæд «патрон», «ангел») «Патрон носителей рода», «Покровитель головы»,

Фурисион (из фури «барана», «бараний» + сиу (æ) «рог» + суф. -он) «Из бараньего рога», «Из местности, как бараний рог»,

Цадывæз (из цады «озера» + фæз «равнина») «Озерная равнина» и т. д.

В двух топонимах — сложных словах имя существительное в первой части имеет форму уподобительного падежа. Это топонимы Тынаугъæд (из тын «домотканое сукно» + окончание уподобит. п. -ау + гъæд «лес») «Лес похожий на кусок домотканого сукна» и Цыхтаувæндаджы къахыр (из цыхт «сыр» + ау + фæндаджы «дороги») «Щербина дороги похожей на сыр».

Первая часть топонимов — сложных слов может иметь не только форму именительного, родительного и уподобительного падежа единственного числа, но она может быть осложнена и суффиксами. Например:

Æрхонгом (из æрх «балка» + суф. -он + ком «ущелье») «Балок ущелье», «Ущелье с балками»,

Сойнæгвæз (из сойн (æ) «жир» + суф. -æg + фæз «площадка») «Жирная (в смысле: с тучной растительностью) площадка»,

Мухызгом (из груз. муха «дуб» + суф. -ис + ком «ущелье») «Дубовое ущелье», «Дубняка ущелье»,

Къолонгъæд (из къол (æ) «склон», «подъем» + суф. -он + гъæд «лес») «Лес на склоне» и т. д.

Кроме определительных отношений, имя существительное в первой части названия — сложного слова выполняет (по смыслу) и функцию прямого дополнения по отношению ко второй части композита. Вторая часть этих топонимов, как правило, представляет собой отглагольное имя на -æн. Но могут быть во второй части и другие имена. Например:

Æхсинбадæн (из æхсин «госпожа», «повелительница» + бадæн «резиденция», букв. «место сидения», «скамейка») «Резиденция госпожи», «Резиденция владыки»,

Æркѣдахæн (из æркѣ «обувь из сыромятной кожи» + тахæн «место, где надевают») «Место надевания арке»,

Гуылгувæн (из гуыл «пирожок» + кувæн «место моления») «Место моления с пироженками»,

Рæгъаударæн (из рæгъау «стадо» + дарæн «место содержания») «Место содержания стада»,

Донвæдтæ (из дон «вода», «река» + фæд «след») «Проточины», букв. «Воды следы»,

Хъæдгæрон (из хъæд «лес» + кæрон «окраина», «конец») «Леса окраина», «Опушка леса» и т. д.

Из рассмотренного выше следует, что широко представлены в топонимии Осетии сложные слова, в первой части которых имеем имена существительные в неформальном (именительном) падеже единственного числа. Наряду с этим нередко встречаются в рассматриваемом типе топонимов — сложных слов названия, в которых имя существительное в первой части имеет падежное оформление или осложнено суффиксами.

По отношению ко второй части сложного слова — названия, имя существительное первой части выполняет функцию определения или прямого дополнения.

2. В первой части имя прилагательное

В осетинском языке нет специальных морфологических показателей у имени прилагательного. Любое имя, в зависимости от контекста и падежного оформления, может выполнять основную функцию имени прилагательного — быть определением. А так как выше были рассмотрены топонимы — сложные слова, где имя существительное в первой части имело определительное значение, то здесь рассмотрим только те топонимы — сложные слова, в первой части которых встречаются имена прилагательные, обозначающие непосредственно воспринимаемый признак.

Как правило, в первой части топонимов — сложных слов имеем качественные имена прилагательные. Обычно они указывают на цвет, величину, форму, вкусовые свойства и другие качества. Например:

Æхсинварс (из æхсин «серый» + фарс «склон», «сторона», анат. «бок») «Серый склон»,

Борфæзгæнæн (из бор «желтый» + фæз(æ) «площадка» + кæнæн «место и орудие делания») «Место желтения», «Площадка где желтеет»,

Саухъæд (из сау «черный» + хъæд «лес») «Дремучий лес»,

Сауварс (из сау + фарс «склон», «сторона») «Черный склон»,

Саудзарæ (из сау + цъарæ «кожура», «кора») «Черноземный»,

Урсдонгом (из урс «белая»+дон «река», «вода»+ком «ущелье») «Белой реки ущелье»

Цъæхвæтæн (из цъæх «зеленый»+фæтæн «просторный», «широкий») «Зеленый простор» и т. д.

Нужно сказать, что излюбленным цветом в топонимии Осетии является сау «черный», обозначающий не только цвет, но употребляемый еще в значении «недобрый», «опасный». Поэтому и топонимы — сложные слова с именами прилагательными в первой части чаще всего встречаются с качественным прилагательным сау.

Кроме цвета, имя прилагательное в первой части топонимов — сложных слов указывает и на другие свойства или качества объекта. Например:

Мæстгæрон (из мæст «минеральный источник»+кæрон «возле», «конец») «У минерального источника»,

Дæргъæвс (из даргъ «длинная»+фæз «поляна», «площадка») «Даргавс» (селение в Даргавском ущелье), букв. «Длинная поляна»,

Ногир (из ног «новая»+Ир «Осетия») «Ногир» — селение в пригородном районе), букв. «Новая Осетия»,

Ногхъæу (из ног+хъæу «селение») «Ногкау» (селение в Алагирском районе), букв. «Новое селение»,

Нæухæдтæ (из нæу (æг), «новый»+хъæд «лес») «Молодые посадки»,

Стырварс (из стыр «большой»+фарс «склон», «сторона») «Большой склон»,

Тæггъæдтæ (из тæнæг (в композите усечено до тæн, где *n* подвергся регрессивной ассимиляции)+гъæд «лес») «Редколесье»,

Тъæбæгъæу (из тъæпæн «низкий», «приземистый»+гъæу «селение») «Тапанкау» (селение в Туалетии), букв. «Приземистое селение»,

Фæтæнвæндаг (из фæтæн «широкая»+фæндаг «дорога») «Широкая дорога» и т. д.

В первой части нескольких топонимов — сложных слов имеем имена прилагательные со значением бинарной оппозиции. Например:

Дæллагхъæдæ (из дæллаг «нижний», «ближний»+хъæдæ (вместо ожидаемого в диг. гъæдæ) «лес») «Ближний лес», «Нижний лес»,

Дæллагхъæу (из дæллаг+хъæу «селение») «Даллагкау», букв. «Нижнее (ближнее) селение»,

Уæллаггъæу (из уæллаг «верхнее», «дальнее»+гъæу «селение») «Верхнее селение»,

Фаллагхъæу (из фаллаг «на той стороне», «с той стороны»+хъæу «селение») «Дальнее селение», «На той стороне селение» и т. д.

3. В первой части имя числительное

Топонимы — сложные слова с именем числительным в первой части представлены в небольшом количестве. Например:

Иударыг (из иу «один» + дуар «дверь» + суф. -ыг) «С одной дверью», «С одним входом»,

Иуфæрсон (из иу + фарс «сторона» + суф. -он) «Односторонний», «Уединенный», «Лежащий в стороне»,

Додонастæу (из дыууæ «два» + дон «река», «вода» + астæу «между») «Между двумя реками», «Междуречье»,

Дууеххъала (из дууех (дууех образовано из дууæ «два» + дех «часть») «раздвоенная» + хъала «крепость») «Раздвоенная крепость»,

Сæддæгътæ (из сæдæ «сто» + дагъ «складка», «гора») «Сто складок», «Сто складок гор» и т. д.

Из примеров видно, что в первой части топонимов — сложных слов встречаются количественные числительные.

4. В первой части местоимение

Еще меньше среди географических названий — сложных слов встречаются топонимы с местоимением в первой части. Всего зафиксированы следующие четыре топонима указанного типа:

Ацырдыггаг згъар (из ацы «это» + 'рдыгæй «стороны» + суф. -аг) «По эту сторону лысина», «Ближняя лысина»,

Æндæргъæу (из æндæр «другое» + гъæу «селение») «Другое селение»,

Æндæрсæутæ (из æндæр + сæу «черный») «Другие черные», «Прочие недобрые»,

Хинайæн (из хи «себя» + найæн «купальня»; «брод») «Купальня», «Место купания для себя».

Из примеров видно, что в первой части топонимов — сложных слов встречаются указательные, определительные и неопределенно-личные местоимения, выполняющие роль определения по отношению ко второй части композита.

5. В первой части глагол

Ограниченное количество географических названий — сложных слов имеют в первой части глагол или различные формы глагола и отглагольные имена. Эти немногие образования в основном имеют в первой части причастия и деепричастия. Например:

Карствæд (из карст «скошенный» + фæд «след») «Скошенный», «Со следами кошения»;

Хилæгвæз (из хилæг «ползущий», «вьюнок» + фæз «площадка») «Площадка с вьюнком»;

Хуыдыварс (из хуыд «шов», «сшитый» + фарс «склон», «сторона») «Сшитого склон»;

Цымгæгæнæн (из цымгæ «похлебка», «то что кушается ложкой», «жидкая пища» + кæнæн «место делания») «Место, где делают (варят) похлебку» и др.

В топонимах Кæсæндур (из кæсæн (отглагольное имя от кæсын) «место обозрения» + дур «камень») «Наблюдательный камень», Бырæнгæнæн (из бырæн (отглагольное имя от бырын) «место скольжения» + кæнæн «место (предмет) делания») «Место для скольжения», Хъазæндзæгат (из хъазæн (отглагольное имя от хъазын) «игрушка», «место игр» + цæгат «север», «несолнечный») «Несолнечное место игр» в первой части имеем отглагольные имена кæсæн, бырæн, хъазæн.

В топонимах Хъахъхæдур (из хъахъхæ «охраняй», «стереги» и дур «камень») «Каккадур» (селение в Даргавском ущелье), букв. «Стереги камень» и Хъахъхæдуры фæндаг «Каккадурская дорога» имеем в первой части повелительную форму глагола.

6. В первой части предлоги или наречие

Сложные слова — топонимы с предлогами в первой части представлены широко среди географических названий Осетии. Наибольшее количество названий этого типа имеют в первой части старые предлоги дæл, уæл, фæс, которые обычно указывают на место расположения объекта по отношению к другому, более крупному объекту. Например:

а) В первой части топонима — сложного слова предлог дæл.

Дæлвæндаг (из дæл «ниже», «под» + фæндаг «дорога») «Ниже дороги»;

Дæлварс (из дæл + фарс «склон», «сторона») «Ниже склона», «У подножия склона»;

Дæлкæрт (из дæл + кæрт «двор») «Ниже двора»;

Дæлгъæу (из дæл + гъæу «селение») «Ниже селения»;

Дæлбылтæ (из дæл + был «берег», «обрыв») «Ниже обрывов», «Под кручами» и др.

б) В первой части топонима — сложного слова предлог уæл:

Уæлвындз (из уæл «над» + фындз «нос») «Над выступом», «Выше выступа»;

Уæлдæрхæг (из уæл + тæрхæг «полка») «Над полкой», «Выше полки»;

Уæлдагъ (из уæл + дагъ «гора», «складка горы») «Над горой», «Выше складок гор»;

Уæлних (из уæл + них «выступ», «угол») «Над выступом»;

Уæлцæндтæ (из уæл + цæнд «куча камней») «Выше каменных куч», «Над каменными кучами» и др.

в). В первой части топонима сложного слова предлог фæс:

Фæсæфцæг (из фæс «за», «позади» + æфцæг «перевал») «За перевалом», «Позади перевала»;

Фæсрагъ (из фæс + рагъ «гребень горы», «хребет») «За хребтом», «Позади гребня гор»;

Фæскъæй (из фæс + къæй «плита сланца, горного шифера») «Позади сланцев»;

Фæсхъæу (из фæс + хъæу «селение») «За селением»;

Фæскъахыр (из фæс + къахыр «выемка», «щербина») «Позади щербины», «За выемкой» и т. д.

Из других предлогов в первой части топонимов — сложных слов встречаются æд «с» и æнæ «без». Эти образования немногочисленны.

Более продуктивны (условно) образования с предлогом æнæ «без» в первой части; предлог æд встречается реже в топонимах — сложных словах. Например:

Æнæбын цæд (из æнæ «без» + бын «дно») «Бездонное озеро»;

Æнæнон æлхойнæ (из æнæ + нон «имя») «Безымянный пест»;

Æнæсæттаг дон (из æнæ + сæттаг «ломкий», «уступчивый») «Неукротимая река»;

Æнæхуыцауыхай ком (из æнæ + хуыцау «бог» + хай «доля») «Обездоленное богом ущелье», «Безбожника ущелье» и др.

В активной лексике осетинского языка довольно продуктивным является образование сложных слов с предлогом æнæ (а также с усечением его в æ) в первой части. В топонимии же образования с предлогом æнæ в первой части названий — сложных слов ограничены. А образования с æ (усечение предлога æнæ) в первой части вовсе отсутствуют.

С предлогом æд «с» в первой части географических названий — сложных слов зафиксировано всего два: Æдхъиу «Адкиу» и Æдбатон «Адбатон». Вторая часть приведенных с æд топонимов необъяснима.

Заметим, что сложные слова с предлогом æд «с» в первой части не очень широко представлены и в активной лексики современного осетинского языка.

Из других служебных частей речи только в первой части топонимов Нæмæрон (из нæ «не» + мæр «почва», «чернозем» + суф. -он) «Нечерноземный», Нæфæткаг (из нæ + фæтк(æ) «подобный», «правило», «обычай» + суф. -аг) «Недозволенный», «Запретный» можно выделить отрицательную частицу нæ «не». Возможно, эту же частицу имеем и в топонимах Нагъора (из на «не» + груз. гора «холм», «воз-

вышение») «Нагора» и Нәмәрәзтә, где можно выделить нә и раз «возле», «перед».

В нескольких топонимах — сложных словах рассматриваемого типа имеем наречия уәлә, дәлә. Например:

Дәләсых (из дәлә «внизу» + сых «квартал») «Нижний квартал»;

Дәләгъәугон (из дәлә + гъәу «селение» + суф. -гон) «У нижней скраины селения»;

Уәләсау (из уәлә «наверху» + сау «черный») «Выше черного»;

Уәләмәсыг (из уәлә + мәсыг «башня») «Над башней» и др.

Кроме наречий места, в первой части топонимов — сложных слов встречаются и другие наречия. Например:

Зыгъуыммәдзәгаты ком (из зыгъуыммә «наизнанку», «навыворот» + цәгат «север», «несолнечный») «Неправильного северного (места) ущелье», «Ущелье вывороченного несолнечного (места)»;

Раздзог (из раз (от разәй) «перед», «впереди» + цог (стяжение от цәуәг) «идуший») «Раздзог» (селение в Правобережном районе), букв. «Впереди идущий»;

Сыфцәйласән (из сыфцәй «буксиром», «волоком» + ласән «место, где тащат») «То место, где волокут буксиром»;

Хуәрзәмбес (из хуәрз «очень», «совершенно» + әмбес «половина») «Ровная половина», «Точная половина» и др.

Обращает на себя внимание то, что приведенных образований мало в топонимии. Из 196 географических названий — сложных слов с предлогами и наречиями 188 имеют в первой части предлоги места дәл, уәл, фәс и только 9 названий — наречия. Это лишний раз говорит о том, что появление топонимов — сложных слов с предлогами и наречиями места в первой части вызвано необходимостью дифференцировать, уточнить место расположения тех или других объектов. Уточнение происходит при этом путем ориентировки на более крупные объекты.

Таким образом, после имен существительных в первой части топонимов — сложных слов, самыми продуктивными следует считать образования с предлогами дәл, уәл, фәс в топонимии Осетии.

II. Вторая часть топонимов — сложных слов.

Вторая часть топонимов — сложных слов в основном представлена именами существительным (в том числе и отглагольными), прилагательными и глаголами. Другие части речи почти не встречаются во второй части географических названий — сложных слов. Рассмотрим их по-порядку.

1. Во второй части имя существительное

Имена существительные во второй части топонимов — сложных слов представлены в виде чистой основы, в падежном и числовом

оформлении, а иногда осложнены и суффиксами. И все же подавляющее большинство топонимов — сложных слов имеют во второй части имя существительное в неформленном падеже. Например:

Галваѣндаг (из гал «вол»+фѣндаг «дорога») «Воловьѣ дорога», т. е. «Колесная дорога»;

Дѣллагхѣу (из дѣллаг «ближнее», «нижнее»+хѣу «селение») «Даллагкау» (селение в Куртатинском ущелье), букв. «Нижнее селение»;

Каудуар (из кау «плетень»+дуар «дверь») «Двери из плетня», Нарѣггом (из нарѣг «узкое», «тесное»+ком «ущелье») «Тесное ущелье»;

Сагрынз (из саг «олень»+рынз «тропа») «Оленьѣ тропа»;

Тѣгѣрдзѣгат (из тѣгѣр «клен»+цѣгат «север», «несолнечный») «Кленовый северный (склон)»;

Тѣнхѣд (из тѣнѣг «тонкий», «редкий»+хѣд «лес») «Редко-лесье»;

Уѣлдагъ (из уѣл(е) «на», «наверху»+дагъ «гора», «складка») «Над горой», «Выше складки горы»;

Уѣлкѣубал (из уѣл+кѣубал «горло», «шея») «Над горловиной». «Выше горловины»;

Фѣснал (из фѣс «за», «позади»+нѣл «самец») «Фаснал» (селение в Дигорском ущелье), букв. «Позади самца», «Позади святилища чадородия»;

Цырагъуат (из цырагъ «лучина»+уат «место») «Место лучины», «То место, где добывали лучину»;

Хѣргутдор (из хѣргут(и) «ослов»+дор «камень») «Ослиный камень»;

Хусдон (из хус(къ) «сухой»+дон «вода», «река») «Пересыхающая вода» и т. д.

Однако не всегда имя существительное во второй части топонимов — сложных слов представлено в форме именительного падежа ед. ч. В сложных топонимах имя существ. во второй части имеет также форму родительного и уподобительного падежей.

Имя существительное в род. п. во второй части сложного слова (в составном топониме) встречается в форме единственного и множественного числа. Например:

Донгѣроны дон (из дон «вода», «река»+кѣрон «берег», «конец», «окраина»+окончание род. п. -ы) «Река с. Донгарон», букв. «Река берега реки»;

Каудуары кѣахыр (из кау «плетень»+дуар «дверь»+окончание род. п. -ы) «Плетневой двери щербина», «Щербина двери из плетня»;

Мѣстгомы дон (из мѣст «минеральный источник»+ком «ущелье»+окончание род. п. -ы) «Река ущелья минерального источника»;

Мусуæтты сæр (из мус «гумно» + уат «место» + показатель множественности -т- + окончание род. п. -ы) «Над местами гумен», «Выше места гумен»;

Уæлхъæуты дон (из уæл «над», «выше» + хъæу «селение» + показатель множественности -т- + окончание род. п. -ы) «Река (мест) выше селения»;

Хъилдуры къул (из хъил «вертикальностоящий» + дур «камень» + склонение род. п. -ы) «Вертикальностоящего камня склон», «Склон там, где вертикальностоящий камень» и т. д.

Как видно из примеров, имя существ. во второй части сложных слов в род. п. представлено только в составных топонимах, где первая часть сочетания является определением ко второй части. В однословных топонимах — сложных словах форма род. п. не зафиксирована.

В двух топонимах — сложных словах имя существительное во второй части имеет форму уподобительного падежа единственного числа. Вот они:

Æсхъæрходау (из æсхъæр «железный» + ход(æ) «шапка» + окончание уподобит. п. -ау) «Подобный железному шлему»;

Дзыбырвæйнагау (из дзыбыр/дзывыр «соха» + фæйнаг «доска» + окончание уподобит. п. -ау) «Подобная доске сохи», «Похожая на доску сохи».

В части топонимов — сложных слов имя существительное во второй части осложнено суффиксами. Этих образований немного. В них встречаются суффиксы -гин/-гун, -гон, -ин, -он, -уг, -ыг. Например:

Дæлæгъæугон (из дæлæ «внизу» + гъæу «селение» + суф. -гон) «У нижней окраины селения», «Внизу от селения»;

Иуфæрсон (из иу «один» + фарс «сторона» + суф. -он) «В стороне лежащий»;

Иударыг (из иу + дуар «дверь» + суф. -ыг) «С одной дверью», «С одним входом»;

Нæмæрон (из нæ «не» + мæр «чернозем», «почва» + суф. -он) «Нечерноземный»;

Тугулдоргун (из тугул «круглый» + дор «камень» + суф. -гун) «Обильный голышами»;

Фæскæруæггин (из фæс «за», «позади» + кæруæг(и) «свербега» + суф. -гин) «Позади обильного свербегой»;

Фæскъирин (из фæс + къир(æ) «известь» + суф. -ин) «Позади кладок (сложенного) на извести» и т. д.

В ряде топонимов — сложных слов во второй части имеем личные имена. В основном все эти названия закреплены за бывшими священными местами. Например:

Мыкалгабыр (из Мыкал (измененное Михаил) + Габыр (из Гавриил) «Мыкалгабыр», букв. «Михаил Гавриил»;

Мадымайрæм (из мады «матери» + Майрæм «Майрам», «Мария») «Святая Мария», букв. «Матери Мария»;

Уастырджийы кувæндон (из уас — культовое понятие¹, «святой» + тырджы² (измененное «Георгий»); кувæндон — сложное слово из кувæн «моления» + суф. -дон) «Святого Георгия молельня», «Покровителя мужчин молельня»;

Уацилла (из уац/уас+Илья) «Святой Илья», «Покровитель урожая Илья»;

Фидиуани дор (из фид(æ) «отец» + Иуан «Иоанн») «Отца Иоанна камень»;

Ос-Бæгъатыры цъай (из ос (груз. оси) «осетины» + Бæгъатыр «Богатар») «Ос-Багатара хутор» и т. д.

Имена существительные во второй части топонимов — сложных слов иногда имеют и числовое оформление. В основном в этом случае они представлены в форме именительного падежа мн. ч. (о случаях, имеющих форму род. п. мн. ч. см. выше). Например:

Дæлныхтæ (из дæл «ниже», «под» + ных «выступ», «угол» + показатель множественности -т-+окончание им. п. мн. ч. -æ³) «Ниже выступов»;

Дæлсæппытæ (из дæл + сапп «непригодный для сработки склон» + -т- + -æ) «Ниже непригодных склонов»;

Донвæдтæ (из дон «вода», «река» + фæд «след» + -т- + -æ) «Проточины»;

Къуырхуымтæ (и къуыр(ф) «лощина», «впадина» + хуым «пашня» + -т- + -æ) «Пашни в лощине»;

Листхалтæ (из (лист(æг) «мелкий», «тонкий» + хал «нить», «былинка» + -т- + -æ) «Мелкие (тонкие) былинки»;

Милвæндæгтæ (из мил «сажа»; «цель» + фæндаг «дорога» + -т- + -æ) «Темные дороги», «Дороги к мишениям»;

Скъæдуæттæ (из скъæт «хлев» + уат «место» + -т- + -æ) «Места хлебов»;

Уæлсындзтæ (из уæл «над», «выше» + сындз «колючка» + -т- + -æ) «Выше колючек»;

Саудзæгæттæ (из сау «черный» + цæгат «север», «несолнечный» + -т- + -æ) «Черные несолнечные (склоны)», «Недобрые несолнечные (склоны)»;

Фæсбæлæгътæ (из фæс «за», «позади» + бæлæгъ «желоб» + -т- + -æ) «Позади желобов» и т. д.

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 72.

² Там же, стр. 72.

³ Чтобы не повторяться, ниже просто буду писать -т-+ -æ.

В приведенных и подобных топонимах — сложных словах суф. -т- является топонимсобразующим формантом, утеравшим функцию множественности.

2. Во второй части имя прилагательное

Во второй части немногих топонимов — сложных слов встречаются качественные имена прилагательные. Как правило, они указывают на цвет, но могут указывать и на другие свойства объекта. Например:

Уалæсау (из уалæ «наверху» + сау «черный», «недобрый») «Выше черного», «Над черным»;

Фæссау (из фæс «за», «позади» + сау) «Позади черного»;

Цъæхватаен (из цъæх «зеленый», «серый» + фæтæн «широкий», «просторный») «Зеленый просторный (участок)» и др.

Рассматриваемый тип словообразования весьма непродуктивен в топонимии.

3. Во второй части глагол

Широко представлены в топонимии Осетии сложные слова с глаголом во второй части. При этом глагол может быть представлен в виде чистой основы, причастия прошедшего времени на -д, -ст, отглагольного имени на -æн.

Во второй части топонимов — сложных слов встречаются глагольные основы — гæс от кæсын «смотреть», «стеречь», дар от дарын «содержать» «иметь» дзау от цауын «идти», хор от хæрын «есть», «размывать» и др. Например:

Æхсырдартæ (из æхсыр «молоко» + дар (из дарын) «содержать», «иметь» + -т- + -æ) «Имеющие молоко»;

Бæхгæс (из бæх «конь» + гæс (из кæсын) «стеречь», «смотреть») «Табунщик», букв. «Смотрящий за конями»;

Былхор (из был «берег», «круча», анат. «губа» + хор (из хæрын) «кушать»; «размывать») «Размывающий берега»;

Цырагъдзаутæ (из цырагъ «лучина» + дзау (от цауын) «идти» + -т- + -æ) «Идущие за лучиной», «Куда приходили за лучиной» и т. д.

Эта группа топонимов, т. е. та группа, где во второй части сложных слов имеем глагольную основу, немногочисленная. Гораздо шире представлены образования, где во второй части топонимов — сложных слов имеем причастия прошедшего времени на -д, -т, -ст. Например:

Æрвдзавд (из арв «небо» + цавд «ударенный») «Пораженный молнией»;

Елмард (из Ел (усечение от Елиа) «Илья» + мард «убитый») «Убитый Ильей», «Убитый молнией»;

Донуагъд (из дон «вода», «река» + уагъд «пущенная») «Искусственный канал», букв. «Пущенная (по каналу) вода»;

Зиугарст (из зиу «безвозмездная коллективная помощь» + карст «скошенный») «Скашиваемый коллективно», «Скошенный зиу»;

Хурсаст (из хур «солнце» + саст «сломанный») «Выжженный солнцем» и т. д.

Самую большую группу составляют топонимы — сложные слова, во второй части которых имеются отглагольные имена на -æн. Эти образования многочисленны. Например:

Æхсинбадæн (из æхсин «госпожа», «владыка» + бадæн «место сидения») «Резиденция владыки, госпожи»;

Дурдзæвæн (из дур «камень» + цæвæн «место и орудие удара») «Камнепад», «Камнепада место»;

Сагхъазæн (из саг «олень» + хъазæн «место резвления») «Место резвления оленей»;

Уæсгæсæн (из уæс «теленоч» + кæсæн «место выглядывания») «Место наблюдения за телятами»;

Хурхæтæн (из хур «солнце» + хæтæн «место поворота») «Солнцеворот», «Место солнцеворота»;

Хъомхизæн (из хъом «крупный рогатый скот» + хизæн «пастбище») «Пастбище крупного рогатого скота»;

Цъеууасæн (из цъеу «птичка» + уасæн «место и орудие пения») «Место пения птиц», «Место свистулек» и т. д.

Некоторые топонимы — сложные слова с глаголами (глагольными формами или отглагольными именами) во второй части представлены в форме именительного падежа множественного числа. Например:

Бæрзбадæнтæ (из бæрз «береза» + бадæн «место сидения» + показатель множественности -т- + окончание им. п. мн. ч. -æ) «Место отдыха (скота) в березняке», «Место временного содержания скота в березняке»;

Донызгъæлæнтæ (из дон «вода» + згъæлæн «место россыпи», «осколок» + -т- + -æ) «Брызги воды»;

Нæусæстытæ (из нæуу «целина» + саст «сломанный» + -т- + -æ) «Вспаханная целина» и т. д.

4. Мимео-изобразительные слова в топонимии

Небольшую группу топонимов составляют образования так называемых звукоподражательных слов. Они представлены в форме им. п. ед. и мн. ч. Например:

Гъур-гъуртæ (из гъур-гъур «мурлыканье» + -т- + -æ) «Мурлыкающие»;

Хæл-хæлаг (из хæл-хæл «хохот», «журчание» + суф. -аг) «Журчащий»;

Хæл-хæл «Журчание»;

Лæпп-лæпгæнаг (из лæпп-лæпп «шлепанье», «хлюпанье» + основа глагола кæнын «делать» + суф. -аг) «Хлюпающий», «Чавкающий»;

Хæр-хæрæгтæ (из хæр-хæр «хрипение», «скрежет» + суф. -аг + -т- + -æ) «Скрипящие», «Скрежещущие» и др.

Из примеров видно, что некоторые топонимы, образованные от мимео-изобразительных слов осложнены суф. -аг. Последний указывает на наделенность объекта каким-то качеством, свойством. Образуются топонимы только от мимео-изобразительных слов с повторяющейся основой.

5. Сложные слова — гибридные образования

Значительную группу осетинских топонимов составляют сложные слова, где одна часть объяснима из самого осетинского языка, а другая непонятна, или же восходит к другим языкам. Сразу же оговорюсь, что здесь не будут рассматриваться те сложные названия, составные части которых полностью иноязычны.

Сложные слова — гибридные образования рассмотрим также в плане первой и второй части. В топонимах — гибридных образованиях объяснимые компоненты могут быть как в первой, так и во второй части. В первой части чаще всего встречаются предлоги дæл, уæл, фæс и реже имена. Например:

Дæлезал (из дæл «ниже», «под» + Езал (?) «Далезал», «Ниже Езал»;

Дæлкенаскæ (из дæл + Кенаскæ (?) «Далкенаска», «Ниже Кенаска»;

Уæлдри (из уæл «над», «выше» + Дри (?) «Уалдри», «Выше Дри»;

Уæлдзаби (из уæл + Дзаби (?) «Уалдзаби», «Над Дзаби»;

Уæлæхыгър (из уæлæ «вон», «наверху» + Хыгър (?) «Уалакигр», «Над Кигр»;

Уæлбæгъдис (из уæл + Бæгъдис (?) «Уалбагдис», «Выше Багдис»;

Фæсæрцахъо (из фæс «за», «позади» + Ёрцахъо (?) «Фасæрцако», «Позади Арцако»;

Фæсбæгац (из фæс + Бæгац (?) «Фасбагац», «Позади Багац»;

Фæсдзулыс (из фæс + Дзулыс (?) «Фасдзулыс», «Позади Дзулыс» и т. д.

Как было сказано, имена существительные и прилагательные тоже встречаются в первой части рассматриваемого типа топонимов. Например:

Æфцæггос (из æфцæг «перевал» + Гос (?) «Афцаггос»; «Перевал Гос»; возможно, в гос имеем измененное гъос «у» «возле»;

Багъæнкъуæл (из багъæн (от багънæг) «оголенный»; «без растительности» + Къуæл (?) «Баганкуал», «Оголенный Куал»;

Йехсывар (из йехс «плеть» + Вар (?) «Ехсивар», «Плети Вар»,

Сауджел (из сау «черный» + Джел (?) «Сауджел», «Черный (недобрый) Джел» и др.

Выше были рассмотрены топонимы — сложные слова, где первая часть объяснима из осетинского языка, а вторая не поддается этимологии. Другая же группа рассматриваемого типа топонимов как раз отличается тем, что необъяснима первая часть названий, а вторая объяснима из осетинского языка. Например:

Бабахъуадаг (из Бабахъу «Бабаку (?) + адаг «овраг») «Бабаку овраг»;

Годжыраттæ (из Годжы (?), возможно основа фамильного или личного имени + ран «место») «Годжи места»;

Госсагом (из Госса (?) + ком «ущелье») «Госсагом», «Госса ущелье»;

Гулидон (из Гули (?) + дон «вода», «река», или суф. -дон) «Гули место», «Гули река» (в приведенном примере имеем, видимо, суф. -дон) и др.

Во второй части данной группы топонимов преобладают имена существительные, в том числе и отглагольные и реже глагольные основы. Например:

Дæнилдзæгат (из Дæнил (?) + цæгат «север», «несолнечный») «Данил северный (склон, участок)»;

Джинатгом (из Джинат (?) + ком «ущелье») «Джинатское ущелье»;

Дзæгъедриндзæ (из Дзæгъед (?) + риндзæ «тропа») «Дзагедриндза», «Дзагед тропа»;

Къаурæгътæ (из Къау(?) + рагъ «хребет», «гребень горы») «Каурагта», «Кау хребты»;

Рудзæгъæдтæ (из Рудза (?) + гъæд «лес») «Рудза леса», «Рудза-гадта»;

Уцæстæ (из У (?) + цъас «дыра», «нора») «Уцаста», «У норы»;

Цанварстæ (из Цан (?) + фарс «сторона», «склон») «Цан (?) склоны»;

Цапдар (из Цап (?) + дар (из дарын) «содержать», «иметь») «Цап-дар», «Цап содержать», «Цап имеющий»;

Читтидарæн (из Читти (?) + дарæн «место временного содержания скота») «Читти урочище» и др.

Из приведенных примеров видно, что некоторые топонимы рассматриваемой группы имеют форму им. п. мн. ч.

Для полноты картины нужно еще сказать несколько слов о тех то-

понимах-гибридных образованиях, обе части которых объяснимы, но объяснимы не только из осетинского, а восходят к разным языкам. Количество их немного. И, как правило, они составлены из сочетаний осетинских, кавказских и тюркских слов¹. Например:

Дууххъала (из осет. дуух «раздвоенный» + тюрк. хъала «крепость») «Раздвоенное укрепление», «Раздвоенная крепость»;

Калахтæдтæ (из груз. калак «город», а в Туалетии Калак — название селения + хъæд «лес») «Леса с. Калак»;

Мухызгом (из груз. муха «дуб» и суф. -ис + осет. ком «ущелье») «Дубовое ущелье»;

Псигом (из адыг. псы «вода» + осет. ком) «Речное ущелье»;

Саладонгон (из ногайск. сала «ручеек» + осет. дон «вода», «река» и суф. -гон) «На берегу ручейка»;

Тмныхтæу (из тюрк. тебе, тюбе, тубе «холм», «верхний» + осет. хъæу «селение») «Тменикау», букв. «Верхнее селение», «Селение на холме»;

Фæсбасматæ (из осет. фæс «за», «позади» + тюрк. башми «верхушка», «голова» и тау «гора») «Позади вершин гор» и т. д.

7. Звуковые изменения в топонимах — сложных словах

В топонимах — сложных словах наблюдаются более или менее последовательно некоторые звуковые изменения. Наиболее распространенными из них следует считать озвончение глухих согласных в начале второй части сложного слова. Например:

Балвæндаг (из бал + фæндаг) «Дорога стаи», «Группы дорога»;

Æрчъигæнæн (из æрчъи + кæнæн) «Сыромятной обуви место надевания»;

Нарæггом (из нарæг + ком) «Тесное ущелье»;

Уæлдæрхæг (из уæл + тæрхæг) «Над полкой»;

Хъæдгæрон (из хъæд + кæрон) «Лесная опушка»;

Цырагъдаутæ (из цырагъ + цæу(ын) + -т- + -æ) «Места, куда шли за лучиной», «Идущие за лучиной» и т. д.

Однако этот переход глухого в звонкий в начале второй части композита не всегда наблюдается в топонимах. Например:

Æфсæнфæндаг (из æфсæн + фæндаг) «Железный путь»;

Галцад (из гал + цад) «Воловье озеро»;

Фæсфидар (из фæс + фидар) «Позади укрепления» и др.

В топонимах — сложных словах наблюдается подъем слабых гласных в сильные как в первой, так и во второй части композита. Причем,

¹ Здесь речь не идет о тех топонимах — сложных словах, составные части которых полностью иноязычны, т. к. они будут рассмотрены в соответствующих разделах II-й главы настоящей работы.

чаще это явление наблюдается во второй части композита. Например:
 Ахсардзавд (из ахсар «сила», «доблесть», личное имя «Ахсар» + цавд (из цавын) «пораженный», «ударенный») «Пораженный силой»;
 Былхор (из был «берег», «обрыв», анат. «губа» + хор (из хэрын) «размывающий», «кусающий») «Размывающий берега»;
 Залдэгътæ (из зæлд(æ) «дерн» + дагъ «гора», «складка горы» + -т- + -æ) «Дерновые горы», в смысле: «горы (складки гор), покрытые дерном».

Примечание. В первой части топонима Залдэгътæ сохранилось старое зæлд/зæлдæ. В современном иронском диалекте осет. яз. зæлд заменено словом нæуу, но оно сохраняется в некоторых топонимах и сложных словах (зæлдгæрдæн, Залдэгътæ).

Зиугарст (из зиу «безвозмездная коллективная помощь» + карст (из кæрдын) «скошенный») «Скашиваемый коллективно»;

Цахирагъ (из цæха «мелкий белый гравий» + рагъ «гребень горы», «хребет», «возвышение») «Гравия хребет», в смысле: «кряж (хребет), где почва с большим содержанием мелкого белого гравия» и т. д.

В топонимах — сложных словах наблюдается и явление ослабления сильного гласного как в первой, так и во второй части композита. Например:

Æрвдзавд (из арв + цавд (из цавын) «Пораженный молнией»;

Æрсбадæн (из арс + бадæн) «Место обитания медведей»; букв. «Место сидения медведей»;

Æвзæндæг (из æвзонг + дуаг, дауæг) «Покровитель молодых»;

Примечание. В обеих частях топонима Æвзæндæг наблюдаем значительные фонетические изменения. Кроме ослабления гласного основы о в æ (в æвзонг), в первой части наблюдается еще и выпадение конечного согласного г. Во второй части (дауæг, дуаг) наблюдается выпадение ау. Возможно, здесь не выпадение, а несколько необычное стяжение ауæ в уа по аналогии с трифтонгами в словах нæуæг — лог «новый», рауæг — рог «легкий», рауæд — род «теленок», цæуæт — цот «дети», «потомство» и т. д.

Ставддортæ (из ставд + дор + -т- + -æ) «Ставддорт» — селение в Кировском районе, букв. «Крупные камни»;

Хъармæдон (из хъарм + дон) «Кармадон» — санаторий в ущелье р. Геналдон, букв. «Теплая вода», «Термальная вода»;

Уæрхæйттæ (из уæд + хай + -тт- + -æ) «Доли для ягнят», т. е. «пастбище, где каждому выделялся участок для пастбы ягнят» и т. д.

В отдельных топонимах наблюдаются явления ассимиляции, перестановки, выпадения звуков и т. д., но они не имеют характера закона, поэтому здесь и не останавливаюсь на них. В каждом отдельном случае на все эти изменения указывается во II-й части настоящего исследования.

И все же здесь хочется обратить внимание на одно фонетическое явление, скорее на непоследовательность перехода дигорского *гъ* в *хъ* в иронском.

В топонимии наблюдаем нарушение этой закономерности в сложных словах в обоих диалектах осетинского языка. Так, наряду с закономерными *Дæллагхъæу* (*дæллаг* + *хъæу*), *Дæлхъæу* (*дæл* + *хъæу*), *Саухъæд* (*сау* + *хъæд*), *Сæрыхъæд* (*сæр* + *хъæд*), *Тыфхъæдтæ* (из *тæф* + *хъæд*), *Ногхъæу* (*ног* + *хъæу*) и др. в Туалетии, Алагирском и Куртатинском ущельях, т. е. на территории расселения носителей иронского диалекта, встречаем топонимы типа *Саугъæд* (*сау* + *гъæд*) «Черный лес», *Дæлгъæу* (*дæл* + *гъæу*) «Ниже селения», *Уæлгъæу* (*уæл* + *гъæу*) «Выше селения», «Над селением», *Тъæбæгъæу* (*тъæпæн* + *гъæу*) «Тапанкау» — селение в Туалетии, букв. «Приземистое селение», *Куыдзыгъæдон* (*куыдз* + *гъæд* + суф. -дон) «Места собачьих лесов», *Тынауыгъæд* (*тынау* + *гъæд*) «Лес подобный куску домотканого сукна» и т. д., т. е., названия — сложные слова, где вместо ожидаемого согласного *хъ* имеем в иронском *гъ*. Точно также и в Дигорском ущелье наблюдается в топонимах появление согласного *хъ* в начале второй части топонима — сложного слова вместо ожидаемого *гъ*. Например: *Дæллагхъæдæ* (*дæллаг* + *хъæдæ*) «Нижний (ближний участок) леса», *Нæуæгхъæу* (*нæуæг* + *хъæу*) «Науагкау» — селение в Дигорском ущелье, букв. «Новое селение», *Нæухъæдтæ* (*нæу* (усечение от *нæуæг*) + *хъæд* + -т- + -æ) «Молодые поросли», букв. «Новые леса», *Тæрсхъæдæ* (*тæрс* (æ) + *хъæдæ*) «Чинаровый лес», «Буковый лес» и т. д.

8. Составные топонимы

Большое количество осетинских топонимов представляют собой составные названия. В основном эти названия состоят из двух, реже из трех слов. Например:

Бур хох «Желтая гора»,
Даргъ хуссар «Длинный солнечный (южный склон)»,
Дæллаг суары фæз «Нижнего минерального источника площадка»,
Цыбыр къуылдым «Короткий пригорок»,
Фаллаг Бодзо «Дальний (с той стороны) Бодзо» и т. д.

Появление составных географических названий вызывается реально возникающей необходимостью дифференцировать, уточнить, выделить из ряда однородных объектов те или иные из них. Дифференциация это происходит путем добавления определений. При этом преобладают определения бинарной оппозиции: *дæллаг* «нижний» — *уæллаг*

«верхний», ацырдыггаг «с этой стороны» — фаллаг «с той стороны», стыр «большой» — чысыл «маленький» и др. Например:

Уæллаг суар «Верхний (дальний) минеральный источник»,
Дæллаг суар «Нижний (ближний) минеральный источник»;
Ацырдыггаг згъар «По эту сторону лысина»,
Фаллаг хуыры ком «Дальнее (с той стороны) каменистое ущелье»;
Стыр холыгом «Большое ущелье падали»,
Чысыл холыгом «Маленькое ущелье падали»;
Даргъ къуылдым «Длинный (продолговатый) пригорок»,
Цыбыр къуылдым «Короткий пригорок» и т. д.

Кроме определений бинарной оппозиции, составные топонимы образуются путем добавления определений, указывающих на один из превалярующих признаков, как-то на цвет, форму, вкус и т. д. Например:

Арф адагæ «Глубокая балка»,
Бур фидар «Желтое укрепление», «Желтое недоступное место»,
Цъыфты ком «Топей ущелье»,
Тымбыл хъæд «Круглый лес»,
Хæмпæл нокти адагæ «Овраг с лощинами заросшими бурьяном»,
Мæсты фæз «Минерального (букв. горького) источника площадка»,
Цæхджын суар «Соленый источник»,
Цъæх цæдтæ «Зеленые (синие) озера» и т. д.

Широко представлены в топонимии Осетии составные географические названия, представляющие собой сочетание имени с послелогом. Наиболее употребительны в составных названиях послелоги бын «ниже», «под», сæр «над», хъус/гъос «у», «возле», раз «возле», «около» и др. Отношения между составными частями топонима в указанных сочетаниях определительные. Здесь послелог как бы указывает на местоположение топонима. Например:

Ауæдзы сæр «Выше борозды», «Выше границы»,
Ауæдзы бын «Ниже борозды», «Ниже границы»,
Доны хъус «У реки», «Возле реки», «На берегу реки»,
Хъæвдыны хауæны раз «Возле места падения Кавдина»,
Хъæуы фæстæ «За селением», «Позади селения» и т. д.

Некоторые из послелогов в составных названиях имеют форму именительного падежа единственного и множественного числа: Например:

Æфцæджы бын «У подножия перевала»,
Вышкæйы раз «Возле вышки»,

Суары сæр «Выше (над) минерального источника»;
Алардийы бынтæ «Ниже святилища Аларды»,
Хъæуы рæзтæ «Перед селением»,
Суары сæртæ «Над минеральным источником» и др.

Из сказанного видно, что составные топонимы представляют собой определительные словосочетания¹. Если определение в составном топониме выражено именем прилагательным, то оно имеет форму именительного падежа ед. числа. В тех же сочетаниях, где функцию определения выполняют имена существительные, определения представлены в родительном падеже. Например:

Арф адагæ «Глубокая балка»,	Астани къубус «Астана холм»,
Даргъ хуссар «Длинный южный»,	Дзуары хъæд «Святилища лес»,
Бур хæрæн «Желтый солончак»,	«Запретный лес»,
Урс къæдзæх «Белый утес»;	Рувасы хуынкъ «Лисья нора»
Абырæджы æрдызт «Абрека пустырь» и т. д.	

Однако следует заметить, что в части составных топонимов имена существительные неоформленны, т. е. они имеют форму им. п. хотя это и определительное сочетание. Например:

Бæх уыгæрдæн «Конский луг», букв. «Конь луг»,
Æхсар æфцæг «Орешниковый перевал», букв. «Орех перевал»,
Дабонæ гъæдæ «Черемшовый лес», букв. «Черемша лес»,
Къæрта суар «Ведерный источник», т. е. источник, где воду зачерпывают ведрами, букв. «Ведро источник»,
Муркъæ тагæ «Калиновая полоса», букв. «Калина полоса»,
Теуа дур «Верблюжий камень», букв. «Верблюд камень»,
Къоппа сауæдонæ «Родник похожий на чашку», букв. «Чашка родник»,

Цъуй лæгæт «Рябиновая пещера», букв. «Рябина пещера» и др.

В результате проведенного выше структурно-лингвистического анализа географических названий Северной Осетии следует отметить, что в топонимии действуют те же два продуктивных способа образования слов, что и в активной лексике современного осетинского языка, а именно: словообразование с помощью аффиксов и словообразование путем словосложения.

В географических названиях встречаются и словоизменительные, и словообразовательные аффиксы.

¹ Так как в соответствующих местах данной главы было достаточно сказано о синтаксических функциях между частями составных топонимов, здесь уже нет никакой необходимости повторять это еще раз.

Здесь зафиксированы суффиксы -аг, -аг, -бын, -джын (-гин/-гун), -он, -аг, -дон, -ын, -ыг (-уг), -гон, -дэ, форманты неспрягаемых форм глагола -д, -т, -ст и в ограниченном количестве названий старый уменьшительный суффикс -л. В нескольких топонимах — отглагольных именах встречаются глагольные превербы а-, а-, а-, а-, ба-, с- (ис-).

Из словоизменительных формантов наиболее продуктивным в образовании топонимов следует считать показатель множественности -т-, затем окончания родительного и уподобительного падежей.

Не все словообразовательные и словоизменительные аффиксы одинаково продуктивны. Наиболее продуктивными топоформантами являются суффиксы -аг, -аг, -аг, -джын (-гин/-гун), показатель множественности -т-, форманты родительного и уподобительного падежей.

Примечательно, что образования с суф. -он наиболее характерны для топонимии Алагирского ущелья.

По сравнению с активной лексикой языка, значения суффиксов в топонимии имеют тенденцию к сужению. И только для суф. -аг обнаруживается в топонимии совершенно новое значение — значение обладания какого-то качества, наделенности чем-то.

Одинаково продуктивными следует считать в топонимии словообразование с помощью аффиксов и путем словосложения. Только в топонимах — сложных словах тоже замечается некоторое сужение, если образование их рассматривать в плане первой и второй части композита.

В топонимах — сложных словах отсутствуют образования, где бы в первой части были а-, мид, хад (ср. композиты типа а-а-а «сотрудничество», миддуне «внутренний мир», хадт-а-а «самолет»); ограничены топонимы с фид и хадз в первой части, а также образования с числительными и глаголами.

Во второй части топонимов — сложных слов имеем только имена (в основном имена существительные и прилагательные) и глаголы. Имена во второй части топонимов — сложных слов в основном представлены в неформальном падеже в виде чистой основы, но они могут быть нередко осложнены и суффиксами. В ограниченном количестве встречаются также топонимы — сложные слова с чистой глагольной основой (а-, дар, дзау, хор и др.) во второй части. В основном здесь имеем неспрягаемые формы глагола на -д, -ст, т. е. причастия прошедшего времени и отглагольные имена на -аг.

Среди топонимов — сложных слов выделяются, так называемые, гибридные образования. Это такие образования, в которых сочетаются разноязычные элементы. Чаще всего в них имеем сочетания осетинских с кавказскими или тюрко-монгольскими словами. Но встречаются и такие, где одна часть необъяснима, а другая восходит к осетинскому, кавказскому или тюркским языкам.

Значительное количество составляют в топонимии Осетин назва-

ния — словосочетания, возникающие из реальной необходимости дифференциации, уточнения, выделения из ряда однородных объектов те или иные из них. Как правило, между компонентами составных топонимов имеются определительные отношения.

И, наконец, имеются целые ряды топонимов с исходом на элементы -а, -о, -и, -ск, -цях, -гъат, (-муз)-моз и т. д. Эти названия почти необъяснимы пока.

ЯЗЫКОВЫЕ ПЛАСТЫ (СЛОИ) В ТОПОНИМИИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

1. Необъясненные названия и древнейший топонимический пласт (слой)

Топонимия Северной Осетии, как и топонимия многих других природных и административных регионов в языковом отношении представляет собой пеструю картину. Наряду с осетинским, который, кстати, составляет основной пласт, в топонимии рассматриваемой административной единицы, мы находим значительное количество названий, происходящих из кавказских, тюрко-монгольских, славянских языков. Кроме того, обнаруживается здесь мощный пласт, так называемых, необъясненных названий.

Объяснение такому явлению (разнообразию языковых пластов в топонимии Северной Осетии) следует искать в древней истории осетин.

Как было сказано, осетины являются единственным ираноязычным народом на Кавказе. Живут они в данное время на северных и южных склонах Центрального Кавказа. Как свидетельствуют данные языка, в частности топонимии, в прошлом осетинская речь звучала на гораздо большем пространстве к востоку и западу от теперешних границ Северной Осетии¹. На Кавказе следы предков современных осетин прослеживаются более двух с половиной тысяч лет². Отсюда становится понятным, почему основное количество географических названий Осетии является осетинским по происхождению и образуются они по законам осетинского словообразования.

Однако нужно думать, что предки осетин, скифо-сарматские, и позднее сармато-аланские племена пришли на Кавказ не на совершенно свободную, не занятую никем территорию, так сказать они пришли на

¹ См. работы: проф. Алборов Б. А. «Осетинские названия местностей к востоку от Осетии», в сб. НОЭЯЛ. Владикавказ, 1929, стр. 87—99; В. И. Абаев. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 248—337; В. Б. Виноградов. «Жизнь и гибель аланского города». Г-та «Соц. Осетия», от 27/XII, № 301 и др.

² См. История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 15—31.

специальные, отведенные для них, свободные (не заселенные) земли. Так не бывает, Так не было и с ираноязычными предками осетин.

До появления скифо-сарматских, затем сармато-аланских племен, на Кавказе жили племена, отличающиеся довольно развитой производственной культурой, известной в науке под названием Кобанская культура¹. Предметы материальной культуры кобанцев, относящихся к концу II и началу I тысячелетия до н. э., свидетельствуют о высоком уровне техники обработки металла (бронзы), о развитом скотоводстве и знакомстве с земледелием носителей Кобанской культуры.

Надо полагать, что древние кобанцы не жили изолированной, замкнутой жизнью. Это подтверждается и археологическими памятниками. Начиная с VIII—VII вв. до н. э. в археологических памятниках Северной Осетии, как и всего Северного Кавказа, прослеживаются элементы степных культур², т. е. элементы культуры киммерийцев, скифов, сармат, обитавших в те далекие времена в степях Юго-Востока нашей страны.

Наличие элементов степной культуры среди археологических памятников Северной Осетии времен Кобанской культуры говорит не о временном пребывании скифов и сармат в районе Центрального Кавказа, а о том, что часть племен скифов и сармат оседала здесь, смешиваясь с кобанцами. «С VII—VI вв. до н. э. регистрируется первое проникновение на Северный Кавказ скифских племен»³. Оседая в горах и предгорьях Кавказа скифо-сармато-аланские племена, ассимилировали местное население⁴, носителей Кобанской культуры. «Включение с VII в. до н. э. в местную кавказскую среду скифо-сарматских, а позднее сармато-аланских элементов предопределило собою начало процесса языковой ассимиляции местных поздне-кобанских племен и формирования в центральной части Северного Кавказа сперва аланского союза племен, а затем алано-осетинской народности»⁵. Таким образом, пришедшие на Кавказ и осевшие здесь предки осетин подверглись культурному влиянию местных кавказских племен. Это влияние кавказской среды прослеживается не только в суевериях осетин, в их одежде, материальной культуре, но и в их языке. И, пожалуй, самый ощутимый след влияния местной кавказской среды чувствуется, прежде всего, в языке осетин. По меткому определению проф. В. И. Абаева «... осетинский язык — это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате»⁶.

Влияние местных кавказских языков на осетинский обнаруживает-

¹ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 15—31.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 11.

ся в области фонетики (это наличие смычно-гортанных звуков в осетинском), морфологии (агглютинативное склонение имен при флективном спряжении глагола) и лексики. Очевидно самый большой след кавказские языки оставили в лексике осетинского языка. Эти следы следует искать не только в активной части лексики осетинского языка (заимствования из различных кавказских языков, затем общие элементы (лексические) в осетинском и различных кавказских языках), но и в так называемой пассивной ее части, в частности, в топонимии Осетии. В самом деле, чем объяснить факт наличия более 721 необъяснимых географических названий (из числа 8326 записанных на территории СО АССР топонимов) в топонимии Северной Осетии, как не принадлежностью их языкам племен доиранских насельников Кавказа. Об этом справедливо говорят и историки: «Древнейшая, топонимика современной территории осетин не поддается расшифровке из данных иранского языка: она является, несомненно, наследием доиранского населения»¹. Слов нет, не все трудно поддающиеся объяснению географические названия Северной Осетии принадлежат языкам племен аборигенов Кавказа. Многие из них (из необъясненных топонимов) возможно, принадлежавшие языкам скифов, сармат, алан, или (в более позднее время) языкам тюрко-монгольских народов, очевидно подверглись значительным фонетическим изменениям при передаче их из уст в уста в течение сотен и тысяч лет и стали непонятными, неузнаваемыми.

Могло быть и другое: те нарицательные имена, которые стали топонимами, вышли из употребления в связи с уходом из жизни обозначаемых ими реалий. Следовательно, значения их забылись, а сами слова сохранились в топонимии в качестве собственных имен. В результате и они вошли в число необъяснимых названий. Так думать заставляют два обстоятельства.

Во-первых, наличие в топонимии Северной Осетии отапеллятивных топонимов, значение которых в данное время понятно уже не всем осетинам, хотя они и типично осетинские по происхождению. Например, топонимы *Æрчыгæнæн* (из *æрчы* «обувь из сыромятной кожи» + *кæнæн* «место надевания») «То место, где надевали арчи», *Æсхъæрходау* (из *æсхъæр* «железный» + *ход (æ)* «шапка», «шлем» + окончание уподоб. п. -ау) «Похожий на железный шлем», *Уартау* «Щитовидный» и др. непонятны уже части осетин потому, что обозначаемые ими реалии (*æрчы*, *æсхъæрходæ*, *уарт*) уходят из обыденной жизни осетин. Современный воин не одевается в доспехи (*æсхъæрходæ*, *уарт*), а граждане носят фабричную обувь, а не обувь из сыромятной кожи — *æрчы*.

Во-вторых, факт наличия совершенно одинаковых необъяснимых ге-

¹ История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 33.

ографических названий на территории Северной Осетии. При этом объекты, за которыми закреплены одинаковые названия, иногда расположены на значительном расстоянии друг от друга. Такие, например, топонимы как:

Даппаг горы в ущелье р. Геналдон (на востоке Осетии) и в верховьях р. Ираф (в западной Осетии) в районе пастбищ Харес;

Гагуыта/Гагуца горы возле с. Кани (восточная Осетия) и возле с. Задалеск (западная Осетия);

Скъандæг горы в Алагирском и Дигорском ущельях;

Атын обау в Алагирском ущелье и на левом берегу р. Терек;

Æхсауы дон река в Куртатинском ущелье, **Æхсауæ** (селение) в Дигорском ущелье и **Аксаут** (селение) в Карачаево-Черкесии;

Гобыца в Алагирском ущелье и **Гобыса** в Туалетии;

Гонца в Алагирском ущелье и **Гонцайы фæз** в Туалетии;

Зæрæмæг (селение) в Туалетии и **Зæрæмæг** (пастбище и участок леса) в Дигорском ущелье.

Хайрау в Алагирском ущелье и **Херау** в Дигорском ущелье и т. д.

Наргъ названия — словосочетания со словом наргъ встречаются на территории нагорной полосы всей Северной Осетии, но основная масса их зафиксирована в Дигорском ущелье и т. д.

Очевидно не будет ошибкой, если к древнейшему топонимическому пласту будут отнесены и те географические названия, в которых обнаруживаются объясняемые и необъясняемые с помощью современного осетинского языка общие элементы (корни, слово- и формообразовательные форманты), а также специфические кавказские звуки (смычно-горланые). Например, элемент **быз** встречаем в топонимах Гæмбыз в Даргавском ущелье и в Быз (селение в Алагирском ущелье). Видимо, этот же элемент имеем в топонимах Быжы и Без, зафиксированных на территории КБ АССР¹.

дзæгъи(д)/дзæгъеп в Дзæгъидон в Куртатинском ущелье, Дзæгъедриндзæ в Дигорском ущелье и Дзæгъеппарз на правом берегу р. Ираф;

арау в Арауджын хох в Алагирском ущелье и в Арау хох на левом берегу р. Терек;

ел (ер) ил в Елхо, Елгона в Туалетии; Елбатты цъити в Алагирском ущелье; Ил, Елхъабантæ на левом берегу р. Терек; Елхот на правом берегу р. Терек; Ерхот, Ерæто в Казбекском районе Грузинской ССР и в других местах;

къадах в Сау къадах в Даргавском ущелье; и в Къадахна в Куртатинском ущелье;

къама в Къамагъæдтæ в Туалетии и в Къаматæ (селение) в Дигорском ущелье;

¹ Коков Дж. Н. и Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, стр. 49.

цѡн в Цѡныгъса в Алагирском ущелье, в Усцѡнтѣ в Туалетии и в Цѡн (селение) в Юго-Осетии и т. д.

По-видимому, для объяснения приведенных выше явлений следует обратиться к работе В. И. Абаева, предполагающего, что «... иранская (аланская) иммиграция на Центральный Кавказ, положившая начало оформлению осетинского племени, шла, возможно, двумя последовательными волнами: первой — «дигорской» и второй — «иронской»¹... Исходя из приведенного, следует сказать, что некоторое время так называемая «дигорская волна» занимала территорию намного восточнее теперешнего своего местоположения. Она занимала, по-видимому, территорию современной восточной Осетии и далее к востоку — часть территории современной Чечено-Ингушской АССР, о чем свидетельствует топонимия указанных мест². Эта первая — «дигорская» волна имела «непосредственный контакт с чечено-ингушским или близким к нему местными языками»³.

Исходя из того, что приведенные выше названия в основном закреплены за крупными объектами и, учитывая тот факт, что «Могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия, как своего рода имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться в течение тысяч лет»⁴, можно спорить, что совершенно одинаковые географические названия на территории Северной Осетии, причисляемых к необъясненному пласту, принадлежали не скифо-сарматскому языку, а языкам аборигенов. Кроме логических рассуждений, в моем распоряжении нет никаких доказательств, против такого положения. Логически же можно рассудить так, что предки осетин, или по Абаеву В. И. первая — «дигорская» волна, не сразу заняла всю территорию современной Осетии. Они очевидно, постепенно и долгое время продвигались с запада на восток и при этом часть своих географических названий тоже переносили с собой, закрепляя их за объектами, чем-то сходными с географическими объектами их прежнего местожительства. Возможно, эти сходные названия были какими-то нарицательными именами в лексике скифо-сармат, как-то характеризовали объект и поэтому и давались они.

К древнейшему слою топонимии Осетии следует, видимо, относить

¹ Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы, т. I, в. II. Языкознание. Грозный, 1959, стр. 115.

² См. цит. соч. проф. Алборова Б. А. в сб. НОЭЯЛ, стр. стр. 87—99; работу В. Б. Виноградова и К. З. Чокаева. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии, в Сб. статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный, 1966, стр. 75—95.

³ Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы, т. I, в. II. Языкознание. Грозный, 1959, стр. 115.

⁴ Журн. «ВЯ», № 6, 1952, стр. 37.

и те названия, в составе которых встречаем такие древние социальные термины, как æлдар «господин», «князь», æфсин «хозяйка», «владыка», æхсин «госпожа», «повелитель» (Æхсины бадæн, Æфсины бадæн, Æлдайраг и др.). Сюда же относятся названия культовых мест, связанных с дохристианской и субстратной религией алан (такие топонимы, как Идауæг, Æвриагъд, Тухуæстаг, Тхост, Авд дзуары, Авды рагъ и т. д.) и часть топонимов, восходящих к этнонимам отдельных иранских племен (Нар, Сирнад, Сиры дзыхъхъ, Джимара, Сонайы къахыр и т. д.), некоторые иранские аркаизмы (Ирæф, Уæргæt). Перечисленные составляют значительную часть древнейшего слоя топонимии Осетии.

И все же можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство необъясненных географических названий Осетии относится не только к древнейшему слою лексики осетинского языка, но и к языкам племен доиранских насельников Кавказа. И вместе они составляют необъяснимый на данном этапе развития лингвистической науки пласт в топонимии Северной Осетии. Ниже я полностью привожу все необъясненные географические названия, сохраняя и здесь (при их подаче) принцип природных регионов.

В Даргавском, Санибанском, Кобанском ущельях:

Анах	Карсадон	Хамана
Асух	Кæто	Хæбал
Æбуантæ	Коста	Хæлхон
Æдхъиу	Къамты зæнг	Хиах
Æндыра	Къуарийы дон	Хъапара
Бæгхъус	Мæхъхъæрæх (Мыхъ-хъырых) ¹	Хъæни
Бæрхиу	Мысхъхъ	Хъидо бадæн
Бердек	Мысат	Хъолхъа
Гагуыта	Пурт	Хъосий
Гæмбыз	Пуруттæ	Хърохъ адаг
Гæналдон	Саувар	Хъурадждина
Дæнил	Сау къадах	Хъысон нарæг
Джизи	Тарриутæ	Цъата дон
Джызау	Тæгуыр	Чиаш.
Джысджу	Тæрхацъыф	
Зæриу	Уæлдри	

¹ Здесь и далее в скобках приводятся те названия, которые встречаются в разном фонетическом оформлении.

В Куртатинском ущелье:

Акарийы рæбынтæ	Æрцахъо	Быттыри
Алацци	Æхсаби	Газана
Анах	Æхсауы дон	Гачъын
Астъа	Æхси зæнг	Гæрынды къултæ
Ацонæга	Бабахъуадаг	Гохавдæн
Æвгард	Базана	Гули
Æвцæртæ	Бакъотæ	Гуysi
Æндæрхæн	Бурадз	Гуысыра
Дарак/Дарахъхъ	Микусалтæ	Гуыты
Дзамарас	Мыси	Халлон
Дзæгъидоны рагъ	Пакъотæ	Харх
Дзывгъис	Пигълитæ	Хæкъуына
Зæгъарискъ	Рахцау	Хæлгъоны хъугом
Зариноных	Скъурф	Хæныггом
Зухъдонгом	Смары къул	Хилакъ
Ирон уæрых	Сыныху	Хинцы дур
Карца	Табыры рындз	Хомтур
Къадахна	Татхара	Хоска
Къасагом	Тмидагъ	Хуретæ
Къора	Тъынауы хъæу	Хæдуска
Лаппæрцытæ	Уазана	Хъæриу
Лæц	Уæлдзаби	Хъæрхъа
Лымæна	Уæргъæфтæ	Цъæззиу
Мæгъæрæджы	Фæхсæнтæ	Цъуныха.

В Алагирском ущелье:

Адæлмон	Æрхоны Тъæра	Габылегом
Ануса	Æхсаск	Гадæджын
Арауджын	Бад	Гобыца
Ара хох	Баутæ	Гонца
Арбизæн	Бацъиттæ	Гордыхътæ
Астым	Бæгъит	Госса
Атын обау	Бæрк	Гуымалау
Агуымышъу	Буллахъхъ хуссар	Дадасау
Æддаджы наргъ	Булгахы Уастырджы	Дæлаæци
Æмзорыхъ	Бурон	Дæсны
Æрсæндон	Быз	Дыджисар
Æрдзигомы сæр	Быхнар	Джецъах
Джигут	При	Убеца
Джими	Псони	Урдыз

Дзремдзет	Пысыл	Учыиатæ
Дзури	Ранкете	Уынал
Дзымыкъа	Рæтиатæ	Уырыст
Ел (Уел)	Рæцауы сæр	Фæсбæгац
Елбатты (Уелбатты)	Реком	Хазиаг
цъити	Сагъаца	Халацъин
Зæлму	Сагъи	Хæйрау
Збежечы	Сауджел	Холыст
Здарон	Сахсале	Хопи
Зджыд	Сæлдагъы ком	Хуæзбер
Индомуз	Симпыри	Хуæсемтæ
Калтпер	Сомиг	Хызæн
Кæфтæрæзтон	Стох	Хуыкъали
Кодасы суадон	Суби	Хъаппитæ
Ксуртæ	Суппæры фæз	Хъаска
Куымтæ	Сухс	Хъивон
Кыасцентæ	Схъас	Хъигър
Къаламонæг	Тамаци	Хъорса
Къандзæгат	Танастæ	Хъосæг
Къацха	Тапсаст	Хъуацхъец
Къохца	Тæмискъ	Хъуццатæ
Лапса	Тхамо	Хъуырми
Ликъо	Тхогортæ	Хъырыгътæ
Луар	Тыберных	Цахасен
Мадзар	Тырсийы къахыр	Цборсчени фæтæн
Мæцъарауджын	Тырфоны дон	Цнехездже
Меском	Тъæра	Цулæгон
Минорыхътæ	Тъепле	Цхелцъах
Мызур	Уанехъба	Цыдæрæджы ком
Мыхца	Уæлæци	Цъамад
Нудтæ	Уæлбæгъдис	Цъессатæ
Пиллæгътæ	Уæлфаизæн адаг	Цъоныгъса
Цъутгæ	Уæсæг	Цъисон
Цъырру	Цъыхлæгæт	Цъус
	Чанчахи	Чъиуа дзуар

В Туалети:

Алгъаты дон	Гончитæ	Зенцъына
Æрчъынес	Госса	Злеси дзуар
Æхæндæгтæ	Гуламос	Зригæттæ
Бабиат	Гунеди	Зруггом
Байыком	Гуцъерестæ	Зыриса

Бамоз	Данбадели	Иуæрмоз
Бæкуйаргъы хуым	Дæлезал	Кабагъ
Бебеты ком	Додына	Камах
Берау	Дреттæ	Касхърет
Боран	Дуалдер	Колар
Ботыхъæу	Джебетъа	Кусана
Боцъах (Буцъах)	Джентæ	Къамагъæдтæ
Бубы ком	Джинат	Къамцхо
Бындатыи	Джисы хуыртæ	Къарамсентæ
Газат	Джиуынатæ	Къасарагом
Гакъури	Дзомагъы æфцæг	Къаурæгътæ
Гæккæ	Езал	Къодзы ком
Гæнахъо	Елгона	Къойы хуымтæ
Гæнæби	Елхо	Къосгоргом
Глуры æфцæг	Еспе	Лабагом
Гобæдзыбез	Есс	Лисри
Гoble	Есрехен	Магъуритæ
Гоборзубер	Ецъына	Мандикъ
Гобыса	Ечъылах	Месы ком
Годжыраттæ	Загонау	Моццан
Гомгъаты ком	Зараза	Нагъора
Гонцайы фæз	Засæх (Засых)	Наргъ
Нухкъотæ	Захъхъа	Нарсара
Орозба	Зæрæмæг	Нарыкъатæ
Питъ	Згъелах	Фæстагъуриты хуым
Потыфæз	Згъил	Фæсчърех
Пуриат	Схъреса	Фреули
Пурсуха	Сылас	Хазырагътæ
Пус	Сылон (Слон)	Халацъа
Пъенсартæ	хъæд	Халмантæ
Ракъадаг	Твилса (Тыбилса)	Хелайы къахыр
Рæцау адæгтæ	Тебетохы хуым	Хецъы дзуар
Регах	Тербæттæ	Хиа
Реком	Тиб	Хсеппез
Ресы (Рецъы) хох	Тимцъына	Хуцъайы дон
Ручъы æфцæг	Тли	Хуцъурийы фæрсты
Сагол	Тырсийы ком	хуым
Сайбат	Тъехса	Хуыдзрийы хуымтæ
Салдора	Тъойы ком	Хуыкъади
Самтхосы (Сант-хосы) дзуар	Тъорбиадаг	Хшеу
Самур	Уалты адаг	Хыбыли
Санат	Уанели	Хъалдеры ком
	Уантæ (Уелтæ)	Хъатамогъ

Сарахсер (Сарах-сен)	Уаракъуырайы дон	Хъауырбег
Сатъат	Уары Уастырджи	Хъæдыргъ
Сахсаты ком	Уарцъе	Хъегъейы цъупп
Семса	Уасы уыгæрдæн	Хъеты къултæ
Сенкъо	Уæлæт	Хълиат
Скъор	Уæсæг	Хъоломоз
Сода	Убеттæ	Хъоозджын
Сохс	Убрагантæ	Хъорхъора
Суагърийы адаг	Угъабедж	Хъосса
Схеппез	Уелы фæз	Хъру
Схубегъ	Уилца	Хърут
Схуджердиадаг	Уремысентæ	Хъуаты дон
Схъанат	Урсерсеры къул	Хъуламос
Царгас	Фæссараза	Хъурта
Цеджетæ	Цъаргъат (Чар-гъат)	Цанвæрстæ
Цми	Цъарусонг	Цъур
Цодайы хуымтæ	Цъасемы дон	Цъура
Цхуберы цъити	Цъасс	Цъыбало
Цхъанат (Схъанат)	Цъебат	Цъгу (Цъыгъ-уйы) рагъ
Цъама	Цъесы дон	Цъыхы хъæу
Уарабах	Цъисалгъат	Чырманитæ.

В Дигорском ущелье:

Агинаскæ	Борба	Дзираскæ
Ауарæн	Габонæ	Дзорæ
Ахуа	Гагуца	Енкас
Æдбатонтæ	Гарнискæ	Задæлескæ
Æнхуа	Гæбæлдзий ком	Зæрæмæг
Æппатон	Гæлиат	Игонгутæ
Æрæфмæти хонх	Гелискæ	Илогонтæ
Æрбутхæ	Гиндæути лæгæт	Иноггæгтæ
Æргайнати бæр-зонд	Гита	Искæ
Æскартæ (Скар-тæ)	Гурæм	Итæнæ
Æскъæндæг	Гъевонæ	Казат хонх
Æхсæуæ	Гъоби	Кæмарти
Æхсиагæ	Гъулайатæ	Кело
Æхсунгæ	Гъурмаскæ	Къаматæ
Базигон	Даппагъ	Къаханон

Байбон игуæрдæн	Мусæргтæ	Уæхъæцæ
Байради	Муцъутæ	Уцъи
Бакалæг	Дарибун	Фæлсос
Бæкъуна	Даси	Фæсборук
Бæрту	Дæлкенаскæ	Фæсуйтæ
Бæфон	Долæгъ	Къæбода
Бæхъан (Бехъан)	Думтæ (Дымтæ/ Дынтæ)	Къæлæрда
Биркъис	Дзæбоди	Къæмынтæ
Къуæрехма	Дзæгæраскæ	Къæрийы æфцæг
Къуæрион	Дзæгъедриндзæ	Къелде
Къунскæ	Дзиласкæ	Къолца
Къуссу	Наргъæ	Къопалетæ
Къухынаргъ	Насакæ	Къороскæ
Лабийы æфцæг	Наскараг	Къуæзæнон
Лакскæ	Науастæ	Фæсхедарон
Лæбода	Науойнагтæ	Хацъуг
Лæгъума	Нæмæрæзтæ	Хекъорæ
Лæзотъи	Нæхасбийтæ	Херау
Лæхуме	Орскена	Хизала
Лелай дор	Одола	Хотъора
Лоски тегъæ	Паро	Хумес
Мадзаскæ	Посион	Хуппара
Мамалескæ	Пъерæни дон	Худро
Матъаон	Сатуме	Хъаздан
Мæкъуæр	Сæтум	Хъæлеуæттæ
Мæрсти-фæрсти	Седдарæн	Хъандар
сауæдона	Скъолма	Хъогъуз
Мæхческæ	Сонгути ком	Хъодзæстонæ
Мæцутæ	Стули	Хъозилатæ
Мекъела	Стъона	Цапдар
Месенай хонх	Тæторс	Цæубаба
Метъеласкæ	Толоскæ	Цецхинай рæбун
Мийнуги бун	Толохон	Цуккæрдон (Дзук- кæрдон)
Минкъий зæруæг	Тулдæ	Цъиа
Мисигон	Тъурускæ	Цъилескæ
Миугин	Уаза	Цъимухскæ
Моргæ	Уæлæзе	Цъинараскæ
Москæ	Уæлвиз	Цъинтæ
Мулæр	Уæлтæр	Цъонгъуз.
Мурхуаскæ		

На левом берегу р. Терек:

Агуымышху	Енхуыдзаты ком	Сыбцæ (Сыпсæ/ Сыпцæ)
Арау хох	Захъхъа	Тæрадзини сæр
Арац	Зикгæстæ	Тæторс
Аргун	Зилахар	Терк
Атын обау	Зиуагъæд	Тылын
Ауыстыры цъай	Ил	Тимилварс
Æпхæз	Кæларцы ком	Тыркуыбын
Æркъа	Кæлух	Тырмаон
Æрсакæ	Кет (Кетæ)	Уæлтæр
Æхсинтæ	Коппыгъалы цъай	Фыдхуыз (Фетху- ыз)
Байындур	Къæндæл	Хæбал
Бекко	Къæнеппи мæрæ	Хæзнæ
Бехъан	Къилла	Хæтгар
Бирытæ	Ларс	Херау
Гæлгуырты тигъ	Лескен	Хусфæрæк
Гæма	Мæгæсхæрæны рагъ	Хъазыбег
Гæтар	Мозур	Хъуырмасхай
Гæха	Мысхат	Цат
Гогылдон	Ныгъ	Цæвæджыхъо
Гуладон	Сæмугъи хонх	Цегира
Дехуырæ	Секер	Цми (Чми)
Дур-Дур	Скумей дон	Чата
Дзæбнагъ	Соппæр	Чиуалтас
Дзæгъеппарз	Сухон	
Егирай ком		

На правом берегу р. Терек:

Бихъуырауы цæгат	Зорыхъо	Сунжи-Басо
Гессæ	Искап	Тарская
Дæллаг Мамасфæн- даг	Мысака	Хапæ
Зехъо	Парстаг	Хъырмыз
	Сунжæ	

В Трусовском ущелье:

Аруан	Есд	Тот
Арзау	Езыба	Тъхъарсет
Ацыхот	Зига	Тъорнис
Асахъет	Зерчъентæ	Тъеп
Анто	Захъагур	Тъепха
Алазан	Къараукъа	Ухат
Бери	Ломис	Хæтгар
Бодо	Лекуымтæ	Хеладур
Гнугъ	Лилатæ	Хеуатур
Ганис	Мæргълен	Хергъума
Гордзле	Милон	Хъуд
Гудаури	Наруан	Хъеуты фæз
Декъанауритæ	Рес	Хъеуа
Десхуа (Децхуа)	Сакъохе	Хъыргъай
Дес	Санеули	Цедис
Дзамарас	Сердила	Цахаткъар
Ерæто	Сабурта	Цъли
Езерна	Тырсыгом	Четрыс
	Толгоз	

Итак, из 8326 географических названий Северной Осетии к необъяснимым пока названиям и древнейшему топонимическому пласту я отнесла 721 топоним, а из 1512 топонимов Трусовского ущелья 55. Нужно заметить, что в отдельных топонимах (из числа необъясненных) встречаются понятные элементы.

Нетрудно заметить, что большинство необъясненных названий приходится на долю горной полосы Осетии.

Трудно категорически утверждать, что все приведенные выше необъяснимые географические названия безоговорочно следует относить к древнейшему слою лексики. Часть из них, видимо, имеют значительно меньший возраст. Так думать заставляют те географические названия, в которых обнаруживаются целые слова и некоторые словообразовательные элементы современного осетинского языка, а также показатель множественности -т-. Например:

Гуладон из Гула (?) +суф. -дон,

Тыркубын из Тыркуы (?) +суф. -бын,

Куымтæ из Куым (?) +показатель множественности -т- +окончание им. п. мн. ч. -æ,

Нудтæ из Нуд (?) +те же элементы -т- и -æ,

Посион из Поси (?) +суф. -он,

Фæсборук из фæс «за», «позади» +Борук (?) и т. д.

С этой же оговоркой нужно относить к древнейшему топонимичес-

кому пласту Осетии и те названия, в составе которых обнаруживаются элементы, восходящие к тюркским или кавказским языкам. Такие, например, как:

Тмидагъ из Тми (?) + тюрк. дагъ «гора»,

Бæрхиу из Бæр (?) + груз. хеви «ущелье»,

Чиуалтас из Чиуал (?) + тюрк. тас «камень» и др.

Конечно, если бы в природе существовали топонимические словари таких больших природных регионов, как скажем Топонимический словарь Северного Кавказа, Дагестана, Закавказья, или хотя бы более или менее полные Топонимические словари Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР и т. д., тогда бы можно было более определенно сказать о языковом составе древнейшего топонимического пласта, Осетии. И не только это, можно было бы увидеть реально какую-то часть лексики осетинского языка, восходящую, к так называемому, кавказскому субстрату.

Не обследована также пока и топонимия районов бывшего расселения алан. Если бы были изучены следы алан в топонимии Крыма, Кубани, Дона, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Венгрии, Испании, Франции, Китая, Туркестана, Румынии и т. д., тогда бы можно было очевидно значительно сократить число необъяснимых географических названий Осетии.

Пока же я могу только предполагать, что значительное большинство приведенных выше списков необъяснимых географических названий восходит к языкам тех насельников Кавказа, носителей Кобанской культуры, которые были ассимилированы предками современных осетин.

Не располагая конкретными данными о словарном составе и грамматическом строе языка (или языков) доскифских племен Кавказа, понятно, что не можем проводить и структурно-лингвистический анализ рассматриваемого топонимического пласта. Правда, в каждом отдельном случае выделяются мною те или иные, с точки зрения современного осетинского языка, словообразовательные или формообразовательные элементы.

Какими бы необъяснимыми и непонятными не казались приведенные выше списки топонимов, все же при внимательном рассмотрении их можно сгруппировать по каким-то формантам. Так, в них можно выделить топонимы, имеющие форму им. п. мн. ч. современного осетинского языка. Например:

Æвцæртæ
Гуцъерестæ
Зерчъентæ
Къаматæ
Къæмынтæ

Лаппæрцытæ
Магъуритæ
Мæцутæ
Нудтæ
Пигълитæ

Пуруттæ
Тарриутæ
Цъессатæ и т. д.

Кроме того, названия рассматриваемого топонимического пласта можно сгруппировать по исходным гласным и некоторым повторяющимся в них формантам. Здесь я выделила топонимы с исходом на **-а-, -и-, -о-, -е-, -иу-, -ау-, -гъат-, -гъуз-, -вар-, -муз/-моз-, -ск-, -цъах** и рассмотрела ряды топонимов с названными формантами в главе I настоящего исследования¹. Проведение более детального анализа необъясненных названий и древнейшего топонимического пласта Осетии на данном этапе развития осетиноведения и состояния изученности топонимии Кавказа не представляется возможным.

II. Кавказский слой

Кроме рассмотренных в предыдущем разделе географических названий, в топонимии Осетии имеется значительное количество географических названий легко объясняемых из окружающих осетин кавказских языков. Это объясняется не только простым заимствованием из одного языка в другой, а длительными и интенсивными связями в области хозяйства, быта, материальной и культурной жизни осетинского народа с окружающими его кавказскими народами.

В результате опустошительных и разорительных походов монгол в XIII—XV вв. остатки некогда могущественной Алании оказались загнанными в четыре ущелья Центрального Кавказа, расположенными между бассейнами р.р. Терек на востоке и Ираф на западе.

На первый взгляд может показаться, что потомки алан, загнанные в ущелья Центрального Кавказа, оказались отрезанными от внешнего мира. Частично это имело место. Но только частично. Это потому, что перевальные дороги, проходящие по Дарьяльскому, Алагирскому, Куртатинскому и Дигорскому ущельям, с древнейших времен были известны и связывали Северный Кавказ с Закавказьем. Дороги эти связывали не только население северных склонов Кавказа с народами Закавказья, но они являлись и основными выходами из гор на плоскость. Стало быть они связывали осетин и со своими северными соседями на плоскости. Таким образом, благодаря этим дорогам, осетины имели возможность для тесных контактов со своим южным соседом — Грузией. Такие же тесные контакты они имели и со своими северными соседями — кабардинцами, чьи земли начинались от предгорной равнины. (С XVI в. земельные владения кабардинских феодалов охватывали почти всю Владикавказскую наклонную равнину). На востоке осетины граничили с вейнахскими народами.

Со всеми перечисленными народами осетины имели тесные эконо-

¹ Чтобы не повторяться и не увеличивать объем работы, см. соответствующие места в главе I настоящего издания.

мические и политические контакты. Свидетельства тесных связей осетин с окружающими кавказскими народами рельефнее всего отражены в языке осетин и особенно в их лексике. Нет ни одной области в лексике осетинского языка, где бы не нашли мы общие элементы между осетинским и тем или другим кавказским языком. На эту сторону лексики осетинского языка из дореволюционных ученых обратили внимание Г. Гюбшманн и особенно проф. Вс. Ф. Миллер¹. Этому вопросу посвящены многочисленные работы проф. В. И. Абаева². Алано-(осетинско)-грузинским языковым связям посвящена серия статей проф. Г. С. Ахвледиани³. Изучению адыгских элементов в лексике осетинского языка посвятил свое исследование Б. Х. Балкаров⁴, а проф. М. К. Андроникашвили — ирано-грузинским языковым взаимоотношениям⁵, где широко привлекается осетинский лексический материал. Как видно из простого перечисления, изучением осетино-кавказских лексических связей занимались и занимаются серьезные ученые.

В мою задачу не входит анализ названных выше исследований. Скажу только одно, все указанные авторы, за исключением Вс. Ф. Миллера и В. И. Абаева, свои работы строят на основании анализа активной части лексики исследуемых языков и никто из них не обращается к данным топонимии. Видимо, в известной степени это объясняется и отсутствием необходимых работ по данной отрасли знания. Между тем связи осетинского народа и его языка с окружающими кавказскими народами и их языками неплохо отражены в топонимии Осетии. Здесь насчитывается более 120 географических названий (на территории СО АССР), которые могут быть объяснены с помощью картвельских, кабардино-черкесских и вейнахских языков. При этом следует заметить, что значительное количество географических названий Осетии, объясняемых из кавказских языков, восходит к картвельским языкам. Это объясняется тем, что «... взаимоотношения грузинского (картвельского) и осетинского (аланского) языков можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, нежели взаимовлиянием. Что же касается давности, то надо полагать, что картвельские и аланские (будущие («овские» грузинских источников) племена с каких-то давних времен жили общей жизнью, тесно взаимодействуя друг с другом»⁶.

¹ Вс. Миллер. Язык осетин. М.—Л., 1962.

² В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 9—94, 109—122; 271—331; 271—348, 526—528 и др.; его же. Осетино-вейнахские лексические параллели в кн.: Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы, т. 1, в. II. Грозный, 1959, стр. 89—119 и др.

³ Г. Ахвледиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку, т. 1, Тбилиси. 1960, стр. 167—210.

⁴ Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.

⁵ М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, т. 1. Тбилиси, 1966.

⁶ Г. Ахвледиани, цит. соч., стр. 170.

Понятно, что такое длительное взаимодействие языков, должно находить свое отражение прежде всего на различных сторонах лексики. Оно и находит отражение. Не касаясь активной части лексики осетинского языка, ограничиваясь только анализом кавказского слоя топонимических названий Осетии, можно заметить насколько разносторонне это влияние. Среди географических названий Осетии в качестве топонимов мы находим слова выражающие различные общественные понятия, культовые термины, термины материальной культуры, растительного и животного мира, географические и прочие термины, восходящие к кавказским языкам. Рассмотрим их:

а). Термины, выражающие общественные отношения

Глехертæ «Глехерта», букв. «Крестьяне»;

Дарваз «Дарваз», букв. «Большой зал», «Большое помещение», т. е. «место сбора людей, место собирания людей»;

Дедабери «Дедабери», букв. «Старуха»;

Калак «Калак», букв. «Город». В осетинском это одно из названий селения Мамисон.

Это же слово калак встречается в сложном топониме Калак-хъæдтæ (калак+хъæд «лес») букв. «Калака леса», «Леса, принадлежащие жителям с. Калак».

б). Ботанические термины

Къозоты æфцæг «Козоти перевал», букв. «Грибной перевал» (где от груз. сокъо с перестановкой слогов имеем къозо «гриб»);

Лырцы ком (из груз. лерцъами, сван. лерцъ «камыш») «Камыша ущелье», «Ущелье, где растет камыш»;

Мухыз (из груз. муха «дуб» и оконч. род. п. -ис) «Дубовый»;

Мухызгом (из груз. муха+ис+осет. ком «ущелье», с закономерным озвончением согласного в начале второй части композита) «Дубовое ущелье»;

Мухкъул (из груз. муха+осет. къул «склон») «Дубовый склон»;

Мых «Дуб»;

Мыхкъо (из груз. муха+груз. уменьшительно-ласкательный суффикс -къо) «Дуб», «Дубок».

Примечание 1. Названия, имеющие в своем составе грузинское муха «дуб», в топонимии Осетии представлены в двух фонетических вариантах: с сильным гласным -у- и со слабым гласным -ы- в основе.

2. Заметим, что суф. -къо (в топониме Мыхкъо) в современном грузинском встречается только в личных именах, придавая последним уменьшительно-ласкательный оттенок. В топонимии же Осетии суф. -къо встречается в необычном употреблении.

Тибайы цъыфтæ «Тиба топи», букв. «Травы топи», в знач. «те топи, где густой травостой».

Примечание. Возможно, слово тибайы (форма род. п. ед. ч.) в рассматриваемом топониме являлось когда-то личным именем в осетинском, которое происходило от нарицательного грузинского тибæ «травы».

Уртгъели «Негной»,

Цъала (из груз. чъала) букв. «Прибрежные заросли».

в). Зоологические термины

Батъи уыгæрдæн «Бати луг», букв. «Гуся луг», «Гусиный луг».

Примечание. В топониме Батъи уыгæрдæн слово батъи (букв. груз. «гусь») хотя и восходит к нарицательному грузинскому имени существительному, но в осетинском оно очевидно являлось личным именем.

Дзагъæли «Дзагали», букв. «Собака».

Примечание. Топонимы, восходящие к нарицательному груз. дзагъли «с.-бака», в осетинском представлены в следующих фонетических вариантах: Дзагъæли «Собака», Дзуагълиы æрдуз «Собачья поляна», Загъæли «Собака», Загъли бæрзонд «Собачья высота».

Дзинагъа «Дзинага» (селение в Дигорском ущелье). Название это я возвожу к сван. жинагъ «барашек», в знач. «место барашек»;

Хари «Хари», букв. «Вол», «Бык». Недалеко от участка Хари расположены еще участки Дæллаг хари «Ближний бык» и Уæллаг хари «Дальний бык».

г). Термины материальной культуры

Абана «Абана» (один из кварталов с. Нар в Туалетии), Абано—селение в Трсовском ущелье, букв. груз. «баня».

Примечание. Очевидно, названия эти даны по наличию в этих местах минеральных (целебных, горячих) источников.

Годорты хъæд «Корзин лес», «Лес для корзин»;

Зикъара «Зикара» (название перевала. Оно представляет собой сложное слово из груз. земо (в топониме усечено до зи) «верхний» + къари «ворота», «двери»), букв. «Верхние ворота»;

Къада «Маленькая речка», «Ручей»; «Маленькая горская мельница».

Названия Къада/Къадатæ в топонимии Осетии встречаются в

форме им. п. ед. и мн. ч. Оно восходит к общекартвельскому къад, къод «речка», «ручей». От этой основы в осетинском образованы топонимы Къадат «Кадат» (селение в Куртатинском ущелье), Къадай дон «Маленькой горской мельницы речка», Къадай адагæ «Маленькой горской мельницы овраг», «Ручейка овраг», Къадатæ «Маленькие горские мельницы», Уаскъада «Священный ручеек» и др.

Къартæ «Ворота», букв. «Двери», «Входы». Этот же грузинский корень къар/къарæ находим в топонимах Сунти къарæ «Вороньи ворота», Къари хæрд «Подъем у ворот», Цахаткъар «Цахат (?) ворота», Зикъара (см. выше);

Уремысентæ «Уремисента» (из груз. уреми «арба» + Сен (?); топоним имеет форму им. п. мн. ч.);

Чъеуритæ «Молотильные доски». В основе названия имеем груз. къеври «молотильная доска». Топоним имеет форму им. п. мн. ч.;

Чъырынтæ «Сложенные на извести» (сооружения). В основе названия имеем груз. къири «известь». С этой основой чъыр/къыр (æ) в осетинском имеем множество топонимов. Это — Чъырадаг/Къырадагæ «Известняков овраг», Къирнок «Известняка лощина», Къирихæра (один из кварталов с. Ханаз) «Известняк», Фæскъирин «Позади сложенного на извести», Чъырамад «Сложенный на извести», Чъырдон «Место извести», Чъыры хидтæ «Известняковые мосты» и т. д.

д). Культовые термины

Чаще всего из культовых терминов в топонимии Осетии встречаются названия, имеющие в своем составе дзуар, восходящий к груз. джвари, означающий «церковь», «святой», «священный», «святилище», «запретный». Это топонимы Уæлæсыхы авд дзуары букв. «Верхнего квартала семь святых», Дзуарыхъæу «Дзуарикау» (селения в Куртатинском ущелье, на левом берегу р. Терек и в Казбекском районе Грузинской ССР), букв. «Священное селение», Дзуары бын «Ниже святилища», Дзирийы дзуар «Дзири святилище», Сау дзуар «Черное святилище», «Недоброе святилище», возможно, «Черной оспы святилище» и многие другие.

К картвельским языкам восходят и названия культовых и других мест: Зариноных (из груз. зари «колокол» + Ноных (?), Фæсзариноных «Позади Зариноных», Касуты зæнг «Касуты полоса» (где касуты восходит к груз. Квашвети — названию почитаемого в старину храма в честь богородицы¹), затем Саниба «Саниба» (название селения в Санибан-

¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1. М. — Л., 1958, стр. 573.

ском ущелье и ряда святилищ в Осетии), букв. из груз. самаба «троица», Таранджелоз «Таранджелоз» (название нескольких святилищ в Северной Осетии и Казбекском районе Грузинской ССР, букв. груз. мтавари «главный» + ангелози «ангел»), Аларды/Алаурди (названия многочисленных святилищ в честь покровителя оспы и кори) «Аларды». Название Аларды восходит к грузинскому топониму Алаверды¹; Хутисобели (из груз. гвтисмшобели) «Богородица» и др.

е). Географические термины

Географические термины, имеющие картвельское происхождение, в топонимии Осетии представлены не очень обильно. Здесь мы встречаем гора «гора», «холм», хеви «ущелье», вакъе «площадка», цъити «ледник, къаей «плита горного шифера» в следующих топонимах: Гори «Гори» (селение в Туалетин), букв. «Холм», «Горка», «Пригород»;

Гордыхътае (из груз. гор(а) «холм» + осет. дзыхъхъ «лощина» букв. «Холмы и лощины», «Холмистые лощины»;

Гордзле «Гордзле (из груз. гор(а) + Дзле (?);

Гориау «Похожий на холм», «Холмоподобный» (из груз. гор(а) + -ау — окончание уподобит. п. ед. ч. в осет.);

Дитхеу (из груз. дид(и) «большой» + хеви «ущелье») букв. «Большое ущелье»;

Дитхеуы рабын «Возле большого ущелья», «У большого ущелья»;

Магали «Магали» (селение в Туалетин), букв. «Высокий»;

Уачъе «Ваке» (название селения в Туалетин, в Джинатском ущелье) букв. «Площадка», «Ровное», «На ровном месте»; Сау цъити «Черный (недобрый) ледник»; Къаейджын «Обильный сланцами» и т. д.

ж). Апеллятивы в топонимии

Несколько топонимов восходят к апеллятивам, имеющим грузинское происхождение. Вот они:

Къаэрæугом «Караугом» (название перевала), букв. «Глухое, замкнутое ущелье» (из груз. хъру «глухое» + осет. ком «ущелье»);

Къаэрæу адагæ «Глухой овраг»;

Къелде «Келде» (из груз. кълде «скала»), букв. «Скала»;

Лезгорæ «Лезгор» (селение в Дигорском ущелье), букв. «Безбокий».

Название это восходит к сванскому лесгур, лесгар «безбокий»;

Лйа/Лйатæ «Топи», «Заболоченные»;

Самситæ «Полные»;

¹ В. И. Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, М.—Л., 1958, стр. 43—44.

Тибсыли «Тибсли» (селение в Туалетии), букв. «Теплое»;

Хъру/Хърут «Глухой», «Замкнутый»;

Цода (из груз. цодва) «жалкий»; «грешный»; Цуди «Плохой».

В топонимах Туар (из груз. мтваре «луна») «Луна», «Лунный» и Циликѡа «Цилика» (название мальчишеской игры в чижики, игра из чурки и палки) имеем космический и спортивный термины.

Из рассмотренного выше видно, что географические названия Осетии, имеющие грузинское происхождение, восходят к самым разным областям лексики. Привлекает внимание их оформление. Как правило, в топонимии мы находим грузинские корни (или основы) в сочетании с осетинскими формантами, или сложные слова — гибридные образования. Чаще всего имеем грузинские слова (топонимы) в сочетании с осетинским показателем множественности -т-. При этом топонимы могут иметь форму им. или род. п. мн. ч. (Глехертѡ, Къадатѡ, Къодитѡ, Лиатѡ, Чъеуритѡ, Годорты хъѡд, Къозоты ѡцѡг и др.). Только один топоним Гориау представлен в форме уподобит. п. ед. ч.

На основании анализа осетинских топонимов, происходящих из картвельских языков, можно заключить, что словообразовательные форманты не заимствовались из грузинского в осетинский. Исключение составляет единственный топоним Мыхкѡ, где в необычном употреблении имеем грузинский уменьшительно-ласкательный суф. -кѡ.

Обычным, или нормальным является наличие в осетинской топонимии сложных слов — гибридных образований, где один из компонентов восходит к грузинскому, а другой к осетинскому или является непонятным. Например: Калакхъѡдтѡ (из груз. калак «город»+осет. хъѡд «лес»; топоним имеет форму им. п. мн. ч.), Мухызгом (из груз. мух(а) «дуб»+окончание род. п. ед. ч. -ис в грузинском+осет. ком «ущелье»), Фѡсзариноных (из осет. фѡс «за», «позади»+груз. зари «колокол»+Ноных (?), Дзуарыхъѡу (из груз. джвари «святой», «крест», «святылище»+осет. хъѡу «селение»), Къирихѡра (из груз. къири «известь»+старое осет. хѡра «камень», «каменистый») и т. д.

Займствования из других кавказских языков представлены слабее в топонимии Северной Осетии. Поэтому ниже приведем их подряд, без подразделения.

Топонимы адыгского происхождения

Если топонимы, происходящие из картвельских языков концентрируются в нагорной полосе Осетии, то топонимы, происходящие из кабардино-черкесских языков локализуются в основном в плоскостной ее части. Это очевидно связано с тем фактом, что, начиная с XVI и до начала XIX в., земли так называемой Владикавказской наклонной равнины

находились в руках кабардинских феодалов. Еще в XVIII в. в предгорной зоне теперешней территории Северной Осетии, непосредственно у выходов из осетинских ущелий было некоторое количество кабардинских поселений.

Кроме исторических документов о времени кабардинского владычества на рассматриваемой территории, свидетельствуют топонимические названия не только типа Кæсæджы уæлмæрдтæ «Кабардинские кладбища», закрепленные за многими участками земли плоскостной Осетии, но и ряд других названий. Приведем их:

Мæздæг «Моздок» — название города в СО АССР. В этом названии имеем кабардинские мæз «лес» + дæгу «глухой», букв. «глухой, темный лес»;

Псигом (из каб. псы «вода», «река» + осет. ком «ущелье») «Псигом», букв. «Речное ущелье», «Ущелье, где река»;

Туацъæ (из каб. ТiацIæ «двойной», «междуречье») букв. «Междуречье»;

Доммæйтæ букв. «Зубры» (из общекавказского доммай, домбей «зубр»). Топоним имеет форму им. п. мн. ч.;

Енхъуыдзаты ком «Потомственное ущелье», «Ущелье древних потомков» (из каб. е — показатель 3 л., или же суффикс принадлежности) + къуэ «сын»);

Сыпцæ/Сыбцæ «Конская река», «Река, где поят коней» (из каб. шы «конь» + псы «река»);

Хæлгъоны хъугом «Халгона ровная пашня»; «Ровная пашня возле развалин». В данном топониме слово хæлгъоны может быть объяснено двояко: а) хæлгъоны — из каб. хъэлү «чурек» + гъуанэ «дырка», «дырявый»¹, т. е. «бублик». В осетинском нарицательное хæлгъон, возможно, стало личным именем; б) хæлгъоны — производное слово из осет. хæлд «обвал», «оползень», «развалившийся», «разрушенный» + суф. -гон (из ком) со значением «у», «возле», т. е. «возле оползня, разрушенного».

Хъонгъур адагæ «Сухая балка» (из каб. къуэ «овраг» + гъур «сухой»), букв. «Сухая балка балка»;

Хъусхæмайхуæ «День счастья горцев» (из каб. къущхъæ «горцы» + махуэ «день», «добро», «счастье»);

Хърупс «Крупс» — один из кварталов г. Алагир.

В названии Хърупс имеем каб. -черк. кърү «журавль» + псы «вода», букв. «Журавлиная вода»;

Хърупсы дон «Крупса река», т. е. речка, протекающая по кварталу Хърупс.

Займствованными из кабардино-черкесских языков являются и топонимы, оканчивающиеся на -ыхъ, -хъо, -хъу. Это географические назва-

¹ Б. Х. Балкаров, цит. соч., стр. 28—29.

ния Агуымышхъу, Дзæллыхъо, Зехъо, Зорыхъо, Силтанухъ, Сопырыхъо, Цæвæджыхъо, Цехъо и др.

Большая часть указанных названий, видимо, восходит к личным и фамильным именам. Сюда же относится и Хъуынызоны суадон «Куни-зона родник», где в основе слова хъуынызоны имеем кабардинское фамильное имя Хъуыныз «Куниж», «Кунижев».

Топонимы вейнахского происхождения

Аланбоз «Алан склон», «Алана склон» (из этнонима или личного имени Алан+ингуш. босе «склон»);

Алханчурт «Алханчурт» — название оросительного канала и полей вокруг него. В топониме Алханчурт имеем личное имя Алхан, Алихан и чечен. чурт «могила», «памятник»;

Арчхышк «Арчхышк» (из вейнахских Iаьржа «черная»+хи «вода», «река»+формант мн. ч. -ш-+формант направит. п. -к-), букв. «К черным водам»;

Æрчхи «Арчхи» (из вейнах Iаьржа+хи), букв. «Черная река»;

Борзгу «Волчий бугор» (из ингуш. борз «волк»+гу «бугор»);

Буанхи «Буанхи» (из Буан (?) +вейнах. хи «вода»);

Вагайдук «Вагайдук (?)». Во второй части данного названия имеем: а) ингушское дукъа «густой», или дукъ «горный перевал», «хребет»; б) осетинское дзыхъхъ «лощина», что менее вероятно;

Вагайчоч «Вагай (?) ущелье» (из Вагай (?) +ингуш. чӕж «ущелье»);

Гъалгъайюрт «Галгаюрт», букв. «Ингушей селение» (из гӕлгӕ «ингуш»+тюрк. юрт «балаган», «юрт», «кош»). Гъалгъайюрт называлось раньше с. Камбилеевское;

Гъуорчоч «Гуор (?) ущелье». Во второй части названия имеем ингуш. чӕж «ущелье»;

Гъæлмчоч «Галм (?) ущелье». И здесь во второй части имеем тот же чӕж;

Дагъчох букв. «Длинная долина». В названии Дагъчох имеем сочетание измененного осетинского даргъ (в первой части дагъ) с ингушским чӕж «ущелье», букв. «Длинная долина». Длинная долина было прежним названием с. Терк;

Ламардон «Ламардон» — селение в Даргавском ущелье. В рассматриваемом названии имеем ингуш. лоамаро, чеч. ламаро «горец» и осет. суффикс вместилища -дон, букв. «Место горцев», «Место поселения горцев»;

Тбау «Тбау» — гора в Даргавском ущелье. Это название восходит к ингуш. таба «притаиться»;

Орсуаг/Орсуау Тбау «Опасная балка», «Балка, где притаились» (из ингуш. орцах «прогон», «балка» и таба);

Шалхи «Шалхи» — прежнее название с. Октябрьское. Название Шалхи представляет собой сложное слово, где: а) шал, возможно, из ингушского шалки «название диких ягод» + вейнах. хи «вода», «река»; б) шал из осет. салд «мерзлая» + вейнах. хи, т. е. «замерзшая река». Ср. также Шалдон — название восточной окраины г. Орджоникидзе, где тот же шал (из салд) и осет. дон «вода», «река».

Итак, из рассмотренного выше перечня осетинских географических названий, происходящих из разных кавказских языков (адыгских, вейнахских, картвельских) видно, что не маленьким является вклад их в топонимию Осетии. Наличие такого значительного кавказского слоя в нашей топонимии является еще одним доказательством длительного взаимовлияния и взаимодействия кавказских языков с осетинским, граничащий кое-где, по выражению проф. Г. С. Ахвледиани «... с двуязычием, нежели взаимовлиянием»¹ в процессе исторического развития осетинского народа. Такие топонимы, как Туар (из груз. мтваре «луна»), «Луна», Хари букв. груз. «бык», «вол», Дзинагъа (из сван. жинагъ «барашек», «агнец») «Дзинага», Зикъара (из груз. зи (земо) «верхний» + къари «ворота») «Зикара», букв. «Верхние ворота», Къари хард «Ворот подъем», Дедабери букв. груз. «Старуха» и др. говорят не о простом заимствовании, а о более глубоких и тесных связях, о какой-то поре двуязычия, причем двуязычия длительного предков осетин и картвельских народов. Ведь приведенные топонимы восходят не к периферийной части лексики, а к нарицательным именам из наименее проницаемой части лексики картвельских языков.

Следовательно, и здесь подтверждается еще раз тезис В. И. Абаева о том, что осетинский язык, являющийся иранским по происхождению, сформировался на кавказском субстрате.

III. Осетинский слой

Хотя выше было сказано, что топонимия Осетии представляет собой напластование разноречных по происхождению, и разновременных по времени образования географических названий, основное ядро ее составляют осетинские названия. При внимательном анализе в пестрой, на первый взгляд, топонимии Осетии выделяется наиболее значительный пласт (слой), включающий в свой состав названия, имеющие прозрачное осетинское происхождение.

¹ Г. Ахвледиани, цит. соч., стр. 170; В. И. Абаев, ОЯФ, т. I. М.—Л., 1949, стр. 75—94, 109—122.

В этом пласте насчитывается до 7012 топонимов (из 8326 зафиксированных на территории Северной Осетии географических названий), или $\frac{5}{6}$ всех географических названий Осетии. И только $\frac{1}{6}$ часть составляют необъяснимые названия и названия других языковых пластов (кавказский слой, византийско-римские вкрапления, тюрко-монгольский слой, славянский слой). Такое соотношение различных языковых пластов в топонимии Осетии станет понятным, если вспомнить немного историю.

Начиная с VII—III вв. до н. э. скифо-сарматские племена живут на равнинах Южной России и Северного Кавказа. Появление скифо-сарматских племен на Северном Кавказе регистрируется с VII—VI вв. до н. э.¹ Скифо-сарматские, а позднее сармато-аланские племена рассматриваются в науке как предки современных осетин². Следовательно, ираноязычные осетины живут на Кавказе более двух с половиной тысяч лет. Здесь сформировалась алано-осетинская народность.

В формировании алано-осетинской народности приняли участие две этнические группы — скифо-ирано-аланская, или северноиранская этническая группа (среда), с одной стороны, и местная, кавказская группа — с другой стороны. Образование осетинской народности следует представлять себе как длительный и сложный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения названных двух этнических групп. В процессе этого сложного и длительного пути развития иранский язык скифо-сармато-алан оказался победителем. Победив язык аборигенов Кавказа, т. е. язык тех насельников Кавказа, которые являются составной частью осетинского этноса, иранский язык предков осетин сохранил свой грамматический строй и основной словарный фонд, пополнив значительно свой словарный запас за счет лексики аборигенов.

Влияние местных кавказских языков ощущается не только в лексике осетинского языка, но и в фонетике и даже в грамматическом строе (наличие смычно-гортанных фонем, агглютинативное склонение имен, система послелогов и др.). Но во всем основном (основной словарный фонд, типы словообразования, система глагола) осетинский сохранил особенности иранских языков. Вот поэтому считают, что здесь, на Кавказе, за длительный период времени иранский в своей основе осетинский язык сформировался на кавказском субстрате³. Отсюда становится понятным, почему основная масса топонимов Осетии объясняется из осетинского языка. Подавляющее большинство географических названий Осетии имеет прозрачный морфологический состав, они этимологируются легко, хорошо укладываются в различные семантические классы лексики осетинского языка. Названия эти образуются по словообра-

¹ История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 26.

² Там же, стр. 31.

³ В. И. Абаев. ОЯФ, т. I, М.—Л., 1949, стр. 11.

зовательным нормам современного осетинского языка. Топоформантами здесь являются живые словообразовательные и словоизменительные аффиксы осетинского языка.

Осетинскому языку, как уже было сказано, свойственны два способа именного словообразования:

а) образование слов с помощью аффиксов и б) образование слов путем словосложения. Эти два типа словообразования четко прослеживаются и в топонимии нашей.

(Так как 1-я глава посвящена подробному анализу в основном морфологии осетинских топонимов, то здесь только повторим общие положения, не вдаваясь еще раз в подробный структурный их анализ).

Современный осетинский язык располагает развитой системой словообразовательных суффиксов и небольшим количеством приставок. Собственно, в осетинском имеем приставки **æд** «с» и **æнæ** «без», служащие одновременно и предлогами. Чистыми же приставками следует считать глагольные превербы. Глагольных превербов (приставок) в осетинском всего девять, из которых пять (превербы **а-**, **ба-**, **æр-** **æрба-**, **с-** (диг. **ис-**) встречаются и в топонимии (в отглагольных образованиях). Причем, превербы сохраняют и здесь свою специфическую функцию — указывать направление движения по отношению к месту наблюдателя. В топонимии же превербы указывают (обозначают) на направление в сторону расположения объекта. Но нужно отметить, что с помощью глагольных превербов образуется ограниченное количество топонимов. Продуктивным следует считать образование топонимов с помощью суффиксов. Из живых словообразовательных суффиксов в топонимии обнаруживаются **-аг**, **-æг**, **-æн**, **-бын**, **-гæ**, **-гон**, **-д**, **-дæр**, **-дон**, **-джын** (диг. **-гин/-гун**), **-он**, **-ст**, **-ын**, **-ыг(-уг)**. Конечно, не все эти суффиксы одинаково продуктивны в образовании топонимов. Наиболее продуктивными топонимообразующими суффиксами следует считать суффиксы **-аг**, **-æг**, **-æн**, **-дон**, **-джын** (**-гин/-гун**).

Говоря о суффиксальном словообразовании, следует заметить, что в топонимии, по сравнению с активной лексикой современного осетинского языка, происходит сужение значения многих суффиксов. Исключения здесь составляет суф. **-æг** сохранивший в топонимии значение надежности, преобладания какого-то качества. В активной лексике современного осетинского языка это значение не вносит суф. **-æг** в производные слова.

В образовании топонимов, кроме словообразовательных суффиксов, принимают участие и словоизменительные аффиксы осетинского языка.

Излюбленными и продуктивными топонимообразующими аффиксами следует считать показатель множественности **-т-** и окончание уподобительного падежа **-ау**. При этом показатель множественности **-т-** в топонимии теряет реальное значение множества. Он служит простым

топоформантом. В самом деле названия Гуыркъуымтæ «Гуркумта» (селение, ущелье), букв. «Слепые углы», Уанелитæ «Уанелита (?)», Аппарæнтæ «Аппаранта», букв. «Места сбрасывания», Къæйттæ «Пары», Адагтæ «Овраги», Зæнгтæ «Полосы», Мустæ «Гумна» и т. д. закреплены не за множеством одинаковых объектов, а за единичными. Этого нельзя сказать об окончании уподобительного падежа -ау, ставшего наиболее продуктивным топоформантом. Этот формант как раз указывает на сходство топонима с чем-то, с каким-то предметом материальной культуры, или же растительного и животного мира. Так, например, географические названия Лæгау «Похожий на человека», Аъзагау «Похожий на язык», Кæвдæсаутæ «Похожие на ясли (для скота)», Аълхойнау «Подобный песту», Уартау «Щитообразный», Саргъау «Седловидный», Зæрбатыккау «Похожий на ласточку» и др. даны по внешнему сходству с теми или другими предметами материального мира.

Из других словоизменительных аффиксов в качестве топоформантов встречаются окончания родительного (в составных топонимах), дательного, местного-внешнего, местного-внутреннего падежей. Но они (за исключением формы род. п. в составных топонимах) не очень продуктивны. А в тех немногих топонимах указанные форманты сохраняют локативное значение (ср. топонимы Хуырæн дæле «Ниже каменистого», Уæлмæрдты хуым «Пашня на кладбище», Риуыл хуым «Пашня на груди» и др.).

Из сказанного следует, что продуктивным является образование топонимов с помощью аффиксов. Не менее продуктивным является в осетинском также и образование топонимов путем словосложения.

Следуя традиционному анализу морфологии сложных слов в плане их первой и второй части, следует заметить, что в топонимах — сложных словах замечается некоторое сужение словообразовательных возможностей, по сравнению с таковыми в активной лексике осетинского языка.

Если в активной части лексики современного осетинского языка широко представлены сложные слова, где в первой части предлоги æд «с», æнæ «без», предложная частица æм «с», «со-», наречия (старые) мид «в», «внутри», фыд «зло», хорз «хорошо», местоимение хæд «сам», числительные, то в топонимии этого нет. В первой части топонимов — сложных слов широко представлены только имена (имена существительные и имена прилагательные) и наречия. И лишь у ограниченного количества топонимов находим в первой части имена числительные, местоимения, глаголы (и то отглагольные имена и неспрягаемые формы глагола) и очень редко предлоги и частицы. Ограничен также состав второй части топонимов — сложных слов.

Вторую часть топонимов — сложных слов составляют имена существ-

вительные (в том числе и отглагольные), имена прилагательные и глаголы.

Имена существительные в первой и второй части топонимов — сложных слов в основном встречаются в неоформленном падеже, т. е. в виде чистой основы: Сагрындз (саг+рындз), Бонгæстæ (бон+гæс+т) показатель множественности -т-+окончание им. п. мн. ч. -æ), Галвæндаг (гал+фæндаг), Бæхтулæн (бæх+тулæн). Иногда они бывают осложнены суффиксами Куыдзыгъæддон (куыдз+окончание род. п. -ы+гъæд+суф. -дон), Хурымад (хур+окончание род. п. -ы+мад), Фурисион (фур+окончание род. п. -и (в диг.)+си (из сиуæ)+суф. -он), Донызгъæлæнтæ (дон+окончание род. п. -ы+отглагольное имя згъæлæн+показатель множественности -т-+окончание им. п. мн. ч. -æ и т. д.).

Из имен прилагательных в первой и второй части топонимов — сложных слов встречаются качественные прилагательные. Причем, во второй части они бывают редко.

Глаголы же как раз в топонимах — сложных словах представлены наоборот: в первой части они встречаются редко и то неспрягаемые его формы (причастия и деепричастия). Зато широко представлены они во второй части топонимов — сложных слов. И здесь у глагола есть свои особенности: а). Глагол во второй части топонимов — сложных слов встречается в виде чистой основы не очень часто (и то от ограниченного количества глаголов). Из чистых глагольных основ в топонимии (точнее в сложных топонимах) имеем только дар (от дарын «содержать», «иметь»), дзау (от цæуын «идти», «передвигаться»), хор (от хæрын «есть», «кушать», «размывать»), гæс (от кæсын «смотреть», «стеречь»); б). Шире во второй части топонимов — сложных слов представлены неспрягаемые формы глагола — причастия прошедшего времени на -д, -ст; в). Самую же большую группу составляют топонимы — сложные слова, где во второй части имеется отглагольное имя на -æн.

Среди топонимов — сложных слов встречаются образования из звукоподражательных слов. Часть же топонимов — сложных слов составляют гибридные образования. Это такие названия, где одна часть объяснима из самого осетинского языка, а другая — или вовсе необъяснима, или восходит к кавказским или тюрко-монгольским языкам. Такое же явление наблюдается и в топонимах — производных словах, где порою к необъяснимым основам или основам кавказского и тюрко-монгольского или византийско-римского происхождения присоединяются осетинские топоформанты. Ср. Сулартаæ (су+лар+показатель множественности -т-+окончание им. п. мн. ч. -æ), Цæкъеон (балк. ечки+осет. суф. -он), Загонау (Загон (?) +окончание уподоб. п. -ау), Айгомуг др. греч. ай «святой»+осет. ком и суф. -уг), Скъæндæг «Скъæнд (?) +суф. -æг) и т. д.).

Итак, в топонимии Осетии действуют те же законы словообразова-

ния, что и в лексике вообще современного осетинского языка. Эти два способа словообразования имели место и в древних иранских языках. Осетинский полностью унаследовал традиции словообразования иранских языков.

Если взглянуть на природу словообразовательных и словоизменятельных формантов (превербы, суффиксы, падежные окончания), ставшими и топоформантами в осетинском, то нетрудно заметить, что они унаследованы им от иранских языков, особенно от древнеиранского¹. Так, например, из глагольных превербов, встречающихся в топонимах к иранским языкам восходят: осет. а-, который соответствует др. иран. а, др. инд. а, перс. а; ос. æp- = др. иран. абга; ос. ра- = др. иран. рга, др. инд. рга и т. д.².

К иранским языкам восходит также значительное количество словообразовательных суффиксов, а также словоизменятельные аффиксы осетинского языка. Например: осет. суф. -æg = др. иран. ака; осет. -ag = др. иран. ака; осет. -æn = др. иран. ана; осет. -он = др. иран. ана; осет. -ын/диг. -ин = др. иран. аіпа³ и т. д. Выше уже было сказано, что эти и другие осетинские суффиксы являются и топоформантами.

Следовательно, материально осетинские топоформанты восходят к иранским языкам. Традициям иранских языков соответствуют и нормы образования топонимов — производных слов. Эта же традиция сохраняется и, как видели, широко подтверждается примерами и в образовании топонимов — сложных слов.

Тот факт, что в нашей топонимии встречаются названия — гибридные образования, где четко выделяются осетинские элементы (аффиксы, корни) в сочетании с иноязычными или необъясненными элементами, тоже свидетельствует, кроме всего прочего, об иранском характере способов словообразования в осетинской топонимии.

Возникает вопрос. Только ли словообразованием подтверждается мысль о том, что основное в топонимии Осетии — это названия, составляющие осетинский (иранский) слой? Для человека, знакомого с иранскими языками, очевидно будет достаточным, если он просмотрит словообразовательные аффиксы и способы словообразования осетинских топонимов, чтобы убедиться в том, что здесь основное иранское. Еще убедительнее это будет, если взглянуть на топонимы с точки зрения лексико-семантической классификации слов. Здесь, прежде всего, следует сказать о том, что все географические названия Осетии восходят в принципе к собственным и нарицательным именам. При этом подавляющее большинство географических названий, разумеется, восходит к апелля-

¹ См. В. И. Абаев, ОЯФ, т. I. М. — Л., 1949, стр. 25—29.

² Там же, стр. 27—28.

³ Там же, стр. 28—29.

тивной лексике осетинского языка. И если проанализировать эту отопел-
лятивную топонимию, то увидим, что в основном она восходит к той
части лексики осетинского языка, которая наследуется им из иранских
языков. Так, среди осетинских топонимов находим слова самых разных
семантических классов лексики иранского происхождения. Например,
осетинские:

ком „ущелье“, „рот“ = перс. *kām*;
дон „вода“, „река“ = др. иран. *dānu*, др. инд. *dānu* „роса“;
фад „нога“ (сохраняется в композитах) = др. иран. *paḍa*, др.
инд. *pāda*;
хур „солнце“ др. иран. *hvar*, перс. *xor*, *xwar*;
арв „небо“ = др. иран. *abra awra*, др. инд. *abhra*;
стъалы „звезда“ = др. иран. *star*, др. инд. *star*;
фынк „пена“ = др. инд. *phena*;
нæл „самец“ = др. иран. *paḡ*, инд. *paḡ*;
нæуæг (ног) „новый“ = др. иран. *nava*, др. инд. *nava*, перс. *nau*;
бæрзонд „высокий“ = др. иран. *barzant*, др. инд. *brhant*;
даргъ „длинный“ = др. иран. *dargha*, др. инд. *dirgha*;
фæтæн „широкий“ = др. иран. *pathana*;

сау „черный“ = др. иран. *syāva*, др. инд. *śyāva*;
фæндаг „дорога“, „путь“ = др. иран. *panta*, др. инд. *pantha*;
хид „мост“ = др. иран. *haitu*, др. инд. *setu*;
йефс „кобыла“ = др. иран. *aspa*, перс. *asp*;
жалм „змея“ = др. иран. *karmi*, др. инд. *kṛmi*;

арс „медведь“ = др. иран. *arsa*, др. инд. *rksa*;
дарын „иметь“ „содержать“ = др. иран. *dār*, др. инд. *dhār*;
хæрын „кушать“ = др. иран. *hvar*, перс. *xwardan*;

хсидын „кипятить“ = др. иран. *xsait*;

кæсын „смотреть“ = др. иран. *kas*, др. инд. *kās*;
мизын „мочиться“ = др. иран. *maiz*, перс. *mizidan*;
бæрзæ „береза“ = др. инд. *bhuṛja*, литов. *bėrzas*;
дарæн „место временного содержания скота“ = др. иран. *da-*
ḡana и т. д.¹

Списки эти (т. е. слов иранского происхождения в осетинской топо-
нимии) можно продолжить и это займет (приведенные и многие не-

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 17—25, 48, 49, 57.

привиденные слова служат топоосновами для множества осетинских топонимов; они встречаются в производных и непроизводных географических названиях, в топонимах — сложных словах и в составных топонимах) немало страниц. Но я не делаю этого только потому, что вся третья глава настоящего исследования посвящена семантической классификации осетинских топонимов и читатель сам увидит, какое место занимает осетинский (иранский) слой в топонимии Северной Осетии. Здесь еще замечу, что большинство топонимов из осетинского слоя восходит к основному словарному фонду осетинского языка.

Наряду с этим мы уже видели и увидим, что в топонимии Осетии немалое место отводится географическим названиям кавказского, тюрко-монгольского, славянского происхождения. И все же основное в топонимии Северной Осетии — это осетинский (иранский) слой.

IV. Византийско-римский слой (вкрапления)

Географические названия византийско-римского слоя очень условно можно назвать самостоятельным языковым пластом в топонимии Северной Осетии. Скорее это небольшие вкрапления в осетинскую топонимию, но не самостоятельный языковой слой. Это не только потому, что названий византийско-римского происхождения очень мало, что, несомненно имеет значение, но и потому, что здесь очень мало убедительных корней слов, а имеющиеся восходят к личным именам и этнонимам. Нет в этих названиях и словообразовательных формантов иноязычных. Названия византийско-римского происхождения вкраплены в основном только в топонимию западной части Осетии (в топонимию Алагирского, Дигорского ущелий). Нет также в распоряжении исследователя бесспорных исторических свидетельств о пребывании (о каких-то походах) римлян и греков непосредственно на той территории Центрального Кавказа, которую занимают осетины. Правда, в устном народном творчестве осетин очень многое связывается с именем греков. С именем греков часто связывают осетины и сооружение средневековых оборонительных и сторожевых башен, склепов и других памятников старины. Это, очевидно, является отзвуком бывшего близкого соседства предков осетин — скифо-сармато-аланских племен с греческими колониями в районе Северного Причерноморья. И не только того времени, но и периода раннего средневековья (V—X вв. н. э.), т. е. периода ирано-византийских войн, когда Византия была заинтересована не только иметь мирные отношения с Аланией, но иметь и возможность использовать военные силы аланских племен, а также пользоваться основными перевальными путями через Кавказ, расположенными на территории Алании. Для упрочения своего положения и распространения еще больше своего влия-

ния на алан, Византия упорно и последовательно занимается христианизацией алан начиная с VI в. н. э. (а по некоторым источникам с IV—V в. н. э.).

Так, у В. И. Абаева читаем: «Уже с V в. у них (подразумеваются аланы А. Ц.) велась широкая миссионерская пропаганда, шедшая из Византии и Грузии, завершившаяся в X в. христианизацией алан и созданием аланской епархии»¹. Вообще в VI в. при императорах Юстиниане I и Юстиниане II греческие миссионеры особенно интенсивно занимались распространением христианства на Кавказе, особенно же в западном Кавказе, который был ближе и доступнее для миссионерской деятельности. Этим последним обстоятельством, видимо, частично следует объяснить и то, что Абхазия оказалась одной из тех стран Кавказа, где раньше других распространилось христианство. Христианство в Абхазию начало проникать еще в I в. н. э. Но как доказывает Ш. Д. Инал-Ипа «Утверждение христианства в Абхазии связано с именем известного византийского императора Юстиниана»². Абхазское государство способствовало принятию христианства народами Северного Кавказа, в частности, своими ближайшими соседями — западными аланами.

Усилия Византии и ее посредника — Абхазского государства в распространении христианства среди алан не оказались бесплодными. Как свидетельствуют исторические факты и данные археологии, к X в. западная Алалия была христианизирована. Но проникновение христианства в Алалию нужно относить к более раннему времени, к VI в. н. э. (а может и еще раньше). Мне кажется, к этому вопросу правильно подходит историк русской церкви — преосвященный Макарий, который начало распространения христианства у прикавказских алан возводит к IV в., хотя и не соглашается с ним Ю. Кулаковский³. И все же нужно думать, что с христианством аланы (часть алан, именно западные аланы) познакомились задолго до X в., еще во времена царствования императоров Юстиниана I и Юстиниана II и до них. Конечно, христианством тогда была охвачена небольшая часть алан и у них оно не укоренилось.

Отзвуком большого знакомства предков осетин — алан с христианством являются и некоторые топонимические названия Осетии. То, что эти названия локализируются в основном в топонимии Алагирского и Дигорского ущелий, т. е. в топонимии самых западных районов Осетии, служит косвенным подтверждением того, что у алан распространение христианства шло из Византии через Абхазию и охвачены им были только западные аланы. Таким образом, в первый период (или в начальный

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 42.

² Ш. Д. Инал-Ипа, цит. соч., стр. 566.

³ См. работу Ю. Кулаковского. Христианство у алан. В кн.: Византийский временник, т. V, в. 1—2. Спб., 1898 г.

период) христианством была охвачена небольшая группа (часть) алан и оно не очень у них укоренилось, как оно не укоренилось позже и у их потомков — осетин. Более ощутимые результаты дали деяния по христианизации алан позже, именно в начале X в., когда христианство приняло более массовый характер у алан, о котором говорит уже К. Порфирородный. Об этом свидетельствует и письмо 133 патриарха Николы Мистика к архиепископу Алалии Петру, где последних он называет «... народом вновь призванным к благочестию»¹. Но нас в данном разделе интересует не столько распространение христианства у алан, сколько анализ некоторых топонимов, появление которых вызвано, или связано с христианством. Сюда относятся топонимы Узи дзиуарæ «Узи святилище», Узунаг «Узунаг», Бузуни/Узуни хумæ «Бузуни/Узуни пашня», Уырымæн «Принадлежащий римлянину», Ёрджы нарæг «Аргов теснина» и др.

В топониме Узи дзиуарæ «Уза церковь, святилище» (это небольшое каменное сооружение с христианским знаком возле с. Галиат) еще в прошлом веке увидел В. Б. Пфафф измененное имя императора Юстиниана². Только трудно согласиться с Пфаффом в том, что сооружение Галиатской церкви он приписывает Юстиниану. Историей не засвидетельствованы походы Юстиниана в тех районах Центрального Кавказа, которые занимают осетины. Но, что в топониме Узи дзиуарæ в слове Уз (Узи — форма род. п. ед. ч.) следует видеть имя Юстиниана, это не вызывает возражение. Причем, Юстиниан сам непосредственно мог не принимать участие в сооружении этой церкви. Ее соорудила, очевидно, та часть западных алан, которая некогда соседила с абхазами. Нужно допустить, что имя Юстиниана было довольно известным и у алан, как строителя церквей в Абхазии и Лазике, т. е. там, где христианство было признано официальной государственной религией. Не исключено, что и у алан первоначально распространение христианства полностью связывалось с именем Юстиниана. И, перебравшиеся в горы Центрального Кавказа аланы, воздвигли здесь свою христианскую молельню, назвав ее именем Юстиниана, популярного строителя церквей в Абхазии в VI в.

Инал-Ипа Ш. Д. пишет, что «... Юстиниан в VI в. воздвиг у абазгов на месте их древнего лдзаавского святилища храм богородицы»³. Интересно отметить, что и Галиатская церковь Узи дзиуарæ тоже была воздвигнута на месте почитаемого дохристианского святилища алан — Авд дзуары «Семь святых (святилищ)».

Археолог Кузнецов В. А. Галиатскую церковь Узи дзиуарæ, святилище Зæппадзæ букв. «Склеп» в с. Фараскат и Нузальскую часовню относит к одной эпохе и считает их памятниками XII в.

¹ См. цит. соч. Ю. Кулаковского, стр. 5.

² См. Сборник сведений о кавказских горцах, в. V. Тифлис, 1871, стр. 8.

³ Ш. Д. Инал-Ипа, цит. соч. стр. 566.

В. А. Кузнецов датирует их XII—XIII вв., вслед за А. А. Иессеном, Г. А. Кокиевым, Л. П. Семеновым, Вс. Миллером, которые так же датировали Нузальскую церковь XI—XV вв. (А. А. Иессен), XII—XIII вв. (Л. П. Семенов, Г. А. Кокиев, Вс. Ф. Миллер)¹. В основном все исследователи Нузальской церкви до Кузнецова связывали этот памятник с эпохой грузинской царицы Тамары. И только В. А. Кузнецов, на основании анализа архитектуры этих памятников, выделяет Нузальскую и подобные ей памятники, а именно: Зæппадзæ букв. «Склеп» в с. Фараскат, Узи дзиуарæ «Узи святилище (церковь)» в с. Галиат, Грекии ковæндонæ «Греческая моленная» над с. Лезгор (Осетия), святилище Галиерды (ЧИ АССР), святилище в с. Курноят (Балкария) в самостоятельную группу христианских памятников «... отличающихся простотой конструкции и строительной техники, а во многом и нарушением канонов церковного зодчества»².

Как было указано выше, больше всех посчастливилось в изучении этой группы памятников Нузальской церкви. И все же можно сказать, что и он изучен пока очень недостаточно. Об изученности (архитектуры, археологии и прочих сторон) названных выше памятников не приходится и говорить: ими просто никто еще по-настоящему не занимался. Более того, некоторые даже неизвестны исследователям, как например, святилище Зариноных в ущелье Хилак. Нузальской церкви повезло потому, что она расположена на большой дороге и еще потому, что здесь в интерьере на штукатурке сохранились интересные фрески. Эти фрески изучила искусствовед Берладина К. А. и пришла к выводу, что они грузинского происхождения и датируются XIII в. Опираясь на исследование (неопубликованное) К. А. Берладиной фресок Нузальской церкви, Кузнецов В. А. считает, что «... мы можем определить предварительную дату Нузальской церкви как XII—XIII вв. и считать эту церковь хронологическим эталоном для недатированных церквей данного типа»³. Следовательно, сооружение Галиатской церкви Узи дзиуарæ следует относить к XII—XIII вв., т. е. оно было сооружено до прихода татаро-монгольских орд (или при них).

Допустимо и другое объяснение возникновению церкви и топонима Узи дзиуарæ. Известно то, что несмотря на старания византийских миссионеров, христианство не пустило глубокие корни в аланской среде. Аланы не расстались со своей прежней языческой религией, когда обру-

¹ Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 57; Л. П. Семенов. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа, в кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, т. 23. М. — Л., 1951, стр. 302—306.

² См.: В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII веках. Докт. дисс., рукопись. Орджоникидзе, 1970, стр. 738.

³ Там же, стр. 750.

шились на них монголы. В результате монгольского нашествия остатки алан оказались загнанными в ущелья Центрального Кавказа, где некоренными оставалась часть их соплеменников¹. Можно допустить, что остатки разгромленных монголами алан принесли в горы с собой и элементы христианства и стали воздвигать здесь культовые места в честь тех или других христианских святых или распространителей христианства. Так возникла и Узи дзиуарæ в с. Галиат.

Кроме названия святилища Узи дзиуарæ, в Дигорском ущелье к имени Юстиниана восходят топонимы Узунæг (из Узун — трансформация имени Юстиниана на осетинской (аланской) почве + осет. суф. принадлежности -æг) «Узунаг», букв. «Принадлежащий Узуну», Узун /Бузуни хумæ «Узуна/Бузуна пашня», Узи мæсуг «Уза башня» и др.

Название Узунæг закреплено за святилищем (святилище расположено в небольшой пещере в горах над с. Вакац). Предание гласит, что в этом святилище имеется чудодейственная цепь небесного происхождения, обладающая даром регулировать погоду.

Название Узун/Бузуни хумæ закреплено за старинным кладбищем на возвышении над с.с. Махческ и Вакац. На этом кладбище очевидно хоронили чем-то отличившихся людей. Иначе почему в устном народном творчестве осетин (в колыбельной песне) высказывалось пожелание младенцу, чтобы он стал достойным получить место могилы в местности Узун/Бузуни хумæ². К этому же периоду и источнику относится название святилища Никкола, Уасниккола «Николай», «Святой Николай» над с. Лезгор.

К византийско-римским вкраплениям в топонимии Северной Осетии, кроме тех географических названий, которые восходят к личным именам, следует отнести топонимы Айгомуг (где ай — тюркизованная форма греч. агнос³ «святое» + осет. ком «ущелье» и суф. -уг) «Айгомуг», букв. «Священноущельский», Айгомуги дон «Священного ущелья река» и Йази бæрзонд «Язи высота». В последнем слово Йази — форма род. п. ед. ч. личного имени Йаз «Яз», восходящего, видимо, к греческому ономастикону.

Не исключено, что в топониме Йази бæрзонд слово йази восходит к самоназванию осетин — ас, яс. Этот этноним ас/яс находим далеко за пределами Осетии. Ср. топонимы Яссы — город в Молдавии, Eszlâr, Oszlâr, Jasz-bereny, Jasz-faby в Венгрии⁴.

¹ История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 82.

² См. Устное народное творчество осетин, т. II. Орджоникидзе, 1961, стр. 360—361. На осет. яз.

³ Т. А. Короткова. Заметки о топонимии Крыма, в кн.: Изучение географических названий. Москва, 1966, стр. 147.

⁴ Ю. Немет. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960, стр 4—5.

В топонимии других районов Осетии к византийско-римским вкраплениям следует отнести название Уырымæн (из собирательного уырым «римляне» + суф. -æн) «Принадлежащий римлянам». Название это закреплено за пашней в Алагирском ущелье. Этот же элемент уырым, рым/рум находим в осетинских фамильных именах Уырымтæ «Урумовы» и Уруймæгтæ «Уруймаговы». Сюда отношу я и географические названия Аерджы бынтæ «Ниже аргов» (в Куртатинском ущелье) и Аерджы нарæг диг. Аерги унгæг «Аргов теснина» (в Кировском районе), возводимых И. Собиевым к названию греческого города-государства — Аргоса¹. Действительно сохранившиеся в устном народном творчестве осетин поговорки, в которых упоминается æрг, свидетельствуют о том, что арги были народом, притом народом, занимающимся коневодством. Этот же элемент арг находим в топонимии западных и восточных соседей осетин — река и селение Аргудан в КБ АССР, р. Аргунь — в ЧИ АССР.

Рассмотренным выше небольшим перечнем географических названий исчерпываются византийско-римские вкрапления в топонимии Северной Осетии.

V. Тюрко-монгольский слой

Выше уже говорилось о том, что топонимия Осетии представляет собой напластование разновременных по возрасту и разноязычных по происхождению топонимических пластов. Эта разновременность и разноязычность наблюдается иногда даже внутри одного топонимического пласта. Характерным в этом отношении является тюрко-монгольский слой в топонимии Осетии.

Предки осетин, скифо-сармато-аланские племена, жили продолжительное время в близком соседстве с тюркоязычными народами еще в южно-русских степях.

Потомки скифо-сармато-алан — осетины до наших дней также живут в близком соседстве с тюркоязычными балкарами, называя последних своим собственным этнонимом — асси. Проникнув в район Центрального Кавказа, ираноязычные предки осетин стали здесь оседать, ассимилируясь и смешиваясь с аборигенными племенами. Но вот в IV в. в Предкавказье и на Северном Кавказе появились грабительские орды гуннов, основное ядро которых составляли тюркские и монгольские племена². Они разгромили аланские поселения Придонья и Северо-Кавказских степей, истребив их население. Остатки же населения этих мест вынуждены были частично укрыться от грабителей в районе Терека и восточнее него, частично же смешались, очевидно, с покорителями.

Следы пребывания отдельных гуннских племен в районе Централь-

¹ ОРФ СОНИИ, история. ф. 4, оп. 1, ед. хр. 58 6, л. 56.

² См. Очерки Истории СССР, III—IX вв. Москва 1958, стр. 154.

ного Кавказа сохранились до наших дней в топонимии Северной Осетии. Так, на востоке Осетии, в ущелье р. Геналдон, возле с. Тменикау, находим топоним Сапыры ком «Сапира ущелье». Это название закреплено за пахотным участком. Это же название Сафири ком «Сафира ущелье» обнаруживаем в прежнем названии самого западного в Осетии Дигорского ущелья. Фонетически оба топонима идеально соответствуют друг другу. Нет никакого сомнения и в том, что в обоих топонимах законсервировался этноним гуннского племени сабиров. Очевидно, к этому далекому времени относятся не только названные топонимы, но и значительная еще часть географических названий Осетии тюрко-монгольского происхождения, такие, как: Тумæнтæ «Туманта», Тоборæхътæ (тюрк. тобо, тюбе+осет. рагъ) «Тобо гребни», «Холмистые гребни», Тменыхъæу «Тменикау» и др.

Окрепшие после нашествия гуннов, скифо-сармато-аланские племена снова выходят на арену истории. Они уже известны по средневековым византийским источникам как могущественная Аланская держава, или Алания. Но недолго просуществовала Алания. Начиная с самого начала XIII в. и вплоть до XIV в. обрушиваются на алан монголо-татарские орды и предают огню и смерти население Аланской державы.

В результате опустошительных и разорительных походов татаро-монгол остатки населения некогда могущественной Алании оказались запертыми в ущельях Центрального Кавказа, расположенных между р.р. Терек на востоке и Ираф на западе.

Татаро-монгольские орды тоже, конечно, не были, как и гунны, однородными в этническом и языковом отношении, как красноречиво говорит об этом и название их объединения.

Загнанные в ущелья Центрального Кавказа, остатки разгромленной Алании в течение трех столетий испытывали на себе влияние татаро-монгольских завоевателей. Это влияние хорошо видно в осетинском устном народном творчестве, где имеем цикл сказаний под общим названием Ахсахъ-Темури тауэрæхътæ «Ахсак-Тимура сказания». Но не только в фольклоре осетин сохранились следы длительного пребывания тюрко-монгольских народностей на территории Северного Кавказа, в том числе и современной Северной Осетии. Эти следы четко прослеживаются и в лексике осетинского языка. И не только в активной лексике осетин, но и в самом значительном разделе пассивной лексики осетинского языка — в топонимии. Иначе и не может быть. Начиная с IV в. н. э. предки осетин неоднократно соприкасались с различными тюркскими и монгольскими народностями от гуннов до ногайцев. Последним тюркоязычным народом на рассматриваемой территории были ногайцы, с которыми и сейчас граничит Осетия в Моздокском районе. Таким образом, мы видим, что наличие значительного тюрко-монгольского пласта в топонимии Осетии объясняется длительным пребыванием на данной тер-

ритории тюркских и монгольских народов, а также соседством, имеющим не менее почтенный возраст, осетин с последними. Начиная с IV в. н. э. и до XIII—XV в.в. земли Предкавказья и Кавказа «... топтали опустошительные орды тюркоязычных народов периодически появлявшихся из глубин Центральной Азии: гуннов, аваров, половцев и, наконец, татаро-монголов»¹. Отсюда понятно, почему я говорю, что тюрко-монгольский слой в топонимии Осетии разновременен и разноязычен по происхождению.

В топонимии Осетии насчитывается более ста пятидесяти географических названий, объясняемых из тюркских и монгольских языков. Они приблизительно равномерно распределяются в нагорной и плоскостной частях территории республики. Названия, относимые к тюрко-монгольскому топонимическому пласту, закреплены за большими и малыми географическими объектами. Они восходят к различным разделам апеллятивной лексики и личным именам тюркских и монгольских языков. Здесь мы находим слова, выражающие понятия общественной жизни, личные имена, ботанические, географические и прочие термины. Рассмотрим их ниже:

а). Термины, выражающие общественные отношения

Байыком «Байком» — развалины селения в Туалетии, букв. «Бая ущелье», «Богача ущелье»;

Байындур «Богача камень». Название представляет собой сложное слово из монг. байын/байан «богатство», «богач» + осет. дур «камень»; Мадизæн «Мадизан», букв. «Мать-матушка» (из осет. мад «мать» + тюрк. изæн «матушка»). Название это закреплено за почитаемым святыщем в Алагирском ущелье. На площадке возле Мадизæн решались все вопросы внутренней и внешней жизни не только Алагирского, но и других осетинских обществ и даже Балкарии². Это же тюркское слово изæн находим в топонимах Арбизæн «Арбизан» и Уæлфаизæн адаг «Уалфаизан овраг».

Нузал «Нузал» — селение в Алагирском ущелье. Название его восходит к монг. нузл, нузул «место расположения эмира со свитой; форма повинности крестьян монгольским ханам»;

Ханч «Ханч», «Ханша» (из тюрко-татарского хан). Название Ханч закреплено за участком земли в с. Балта. На этом участке некогда была разгонная станция, принадлежащая одной ханше.

¹ Е. И. Крупнов. К истории Моздокской степи и западного Прикаспия. В кн.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1969, стр. 54.

² Вс. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. II, Ленинград, 1929, стр. 784.

Сюда же следует, видимо, отнести топонимы Огъыла «Благочестивый», Хъонагъи «Место приюта», «Место для гостя» и Хъарагъулы обау «Караула (караульный) курган».

б). Этнонимы в топонимии

Несколько географических названий Осетии представляют собой этнонимы отдельных племен тюркоязычных народов. Сюда относятся топонимы:

Сафири ком «Сафиров ущелье», букв. «Сабилов ущелье». Это прежнее название Дигорского ущелья. Заметим, что последнее тоже восходит к этнониму;

Сапыры ком «Сапира ущелье», «Сабилов ущелье». Это название закреплено за пашней возле с. Тменикау. В обоих названиях — Сафири ком, Сапыры ком законсервировался этноним гуннского племени сабилов.

Тәтәртупп «Татартуп» — название очень почитаемого в Осетии святилища на высоком холме в районе Эльхотовских ворот. Название представляет собой сложное слово из этнонима тәтәр «татары» и тюрк. тубе, тубе «холм», букв. «Татарский холм».

Станным кажется, что самому почитаемому святилищу своему осетины дали имя своих покорителей. Это название, конечно, не первоначальное. Тәтәртупп последующее название этого святилища. Нужно допустить, что до татаро-монгольского нашествия на месте Тәтәртупп было какое-то почитаемое святилище предков осетин, возможно, и христианское (точнее, в честь какого-то христианского божества культовое место), название которого было забыто в период почти трехвекового татаро-монгольского насилия. У подножья высокого холма, где было расположено святилище Тәтәртупп, раскинулось золотоордынское городище Верхний Джулат. Поэтому правомерно допустить, что Тәтәртупп — это последующее название святилища.

Ногъай уәлмәрдтә «Ногайские кладбища». Это название (Ногъай уәлмәрдта) закреплено за десятком пахотных и покосных участков земли в нагорной и плоскостной Осетии. Названные участки все действительно со следами захоронений, но т. к. они археологически не обследованы, то трудно утверждать, действительно ли они оставлены ногайцами. Кто бы ни был захоронен на этих участках, а названия их восходят к этнониму тюркоязычного народа — ногайцев.

Хъобан «Кобан» — селение в одноименном Кобанском ущелье. Название это, очевидно, восходит к этнониму куманов.

В своем докладе на Всесоюзной конференции по топонимике СССР к этому же этнониму возводил название р. Кубань А. А. Абдрахманов.

Из истории же известно, что некогда на Кубани, в районе Зеленчука и дальше жили предки современных осетин в соседстве с тюркоязычными племенами и позаимствовали у них этот этноним. Могло быть и так, что с татаро-монгольскими покорителями были частично и остатки племени куманов, которые потом осели в данном районе и дали поселению и ущелью свой этноним. Или же остатки племени куманов вместе с аланами оказались здесь, спасаясь от татаро-монгольских орд. В этом нет ничего неожиданного. Как справедливо замечает В. И. Абаев «Тесное соседство и межплеменное содружество между кипчаками-куманами-половцами и аланами-ясами началось с самого появления половцев на юге России и продолжалось на Северном Кавказе, в Молдавии и, наконец, в Венгрии»¹. Даже некоторые фамилии из с. Кобан носят явно тюркский отпечаток. Такие, как Апатæ «Апаевы», Бечмырзатæ «Бекмурзаевы», Татратæ «Татраевы», Хъантемыратæ «Кантемировы» и др.

Возможно, названия Хъобан, Хъобангом (селение и ущелье) дали предки осетин по аналогии с бурной рекой Кубань, т. к. здесь они оказались на берегу не менее бурной горной реки.

К этой группе возможно, следует еще отнести топоним Сауалдар «Сауалдар», в котором, может быть, скрывается этноним туркменского племени Шаульдыр². Заметим, что этот топоним можно осмыслить и на осетинской почве, как сложное слово из сау «черный», «недобрый» + алдар «властелин».

в). Ботанические термины

Атагъа «Прибрежный лес», «Лесистая речная долина», «Пуща». Это название закреплено за тремя участками земли на берегах р. Терек;

Балта «Балта» — селение у южных окрестностей г. Орджоникидзе. Название Балта означает в ногайском «роща»; «топор»;

Бахцатæ «Бахчи». Название это заимствовано, очевидно, осетинским из тюркских языков через грузинский.

Табылдон «Табылдон», «Табыл река». Название это — сложное слово из тюрк. табылгъа «таволожник» + осет. дон «река», «вода», т. е. «Река у таволожника», «Река, на берегах которой растет таволожник».

Хъæрагъæс «Карагас» (из тюрк. карагач) — название селения (вернее одного из кварталов с. Урсдон) в Дигорском районе.

¹ См. Примечания к кн. Ю. Немет. Список слов на языке ясов, венгерский, алан. Орджоникидзе, 1960, стр. 17.

² Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Ленинград, 1965, стр. 189.

Басматæ «Вершины». Здесь имеем измененные тюркские башми+тау. Название это закреплено за лесистыми вершинами гор в окрестностях с. Дур-Дур. Этот же тюркский баш (башми) имеем в топонимах Басмати тегъæ «Выступ (угол) вершин гор» и Ахъмаз (из ахъ+баш) «Акмаз», букв. «Белая вершина».

Галаузи дон «Река ущелья с крепостью», «Река того ущелья, где укрепление, крепость» (из тюрк кала (хъала) «крепость», «укрепление»+ус (из ауз) «рот, отверстие, ущелье», или, может быть, монгольское ус «вода», «река»). Кроме топонима Галаузи дон, тут же имеем еще следующие составные топонимы со словом галауз: Галаузи ком «Ущелье крепости», «Недоступное ущелье», Галаузи адагæ «Овраг укрепленного ущелья» и Галаузи билæ «Берег (обрыв) возле укрепленного ущелья».

Слово галаузи можно разложить и иначе: осет. гал «вол», «бык»+тюрк. ауз, т. е. «Ущелье волон», в смысле: ущелье с пастбищами для волон но физико-географические особенности местности заставляют дать предпочтение первому варианту этимологии.

Дагъ «Гора», «Складка горы». С тюрк. дагъ образуется множество осетинских топонимов — производных слов, сложных слов и составных названий. Например: Дагъ «Гора», Дагътæ «Горы», Дæлдагъ (дæл+дагъ) «Ниже складки горы», Уæлдагъ (уæл+дагъ) «Над горой», «Выше складки горы», Суандагъ (суанг+дагъ) «Сплошная складка горы», Мысты дагъ (монг. мосн+дагъ) «Ледяная гора» и т. д.

Арса (монг. аршан) «Теплый, или минеральный источник». Этот монг. арса (аршан) встречается в ряде топонимов Северной Осетии и Трусковского ущелья.

Къоб «Коби» — селение в Казбекском районе Грузинской ССР. Название это восходит к тюрк. кобы «горная долина», «сухое русло».

Рутхæ «Рутха» (монг. урт-уха «длинный, продолговатый холм»), букв. «Продолговатый холм». Название это дано, исходя из физико-географических особенностей местности.

Суларта «Водянистые», «Топа» (тюрк. су+суф. -лар+осет. показатель множественности -т- и окончание им. п. ми. ч. -æ). Со словом су (монг. ус) встречаем ряд топонимов в Осетии, кроме Суларта. Это названия Къуссу «Куусу», Сура дон «Сура вода», Суарх, Усцъонтæ «Усцонта».

Суарх «Суарх» — название селения (теперь здесь только развалины) в Туалетии. Название Суарх в тюркском означает «высохшее русло реки». Этот топоним можно осмыслить и на осетинской почве как сложное слово из сау «черная», «недобрая»+тюрко-монг. арх «канал», «ров», т. е. «Черная (недобрая) балка».

Сала «Ручеек». Название это ногойское. С этим ногойским сала, кроме приведенного, зафиксированы мною топонимы Салагом (сала + осет. ком «ущелье») «Ущелье с ручейком», Саладонгон (сала + осет. дон «вода», «река» + суф. -гон) «Возле ручейка», «На берегу ручейка», Салыгæрдæн (сала + осет. уыгæрдæн «луг») «Луг с ручейком». Салыгæрдæн «Салугардан» — часть г. Алагир.

Тенгирцау (тюрк. тенгри + тау) «Тенгирцау», букв. «Небесная гора».

Хорхуари будур (где хорхуари из монг. хонхор «вымоина», «лог», «ложбина», «впадина») «Хорхуари поле», букв. «Во впадине (ложбине) поле». Названия Хорхуари будур закреплены за пахотными полями возле с.с. Ахсарисар и Кора. Кроме рассматриваемого топонима, монг. хонхор (в осет. хорхуар) зафиксирован в топонимах Хорхуари тъæпæн «Хорхуари равнина», букв. «Равнина в ложбине», Хорхуари сæр «Над впадиной», «Выше впадины», «Начало ложбины», Хорхуари думæг «В конце ложбины».

Множество осетинских топонимов образуются от тюрк. географических терминов тубе, тубе, тупе «холм», «возвышение», «верхний» и кол, гёль «озеро». Это топонимы: Тумæн/Тумæнтæ «Туман», «Туманта», букв. «Холм»/«Холмы», Тумени мæрæ «Холмистая поляна», «Верхняя поляна», Тоборæхътæ (тюрк. тебе, тубе + осет. рагъ «гребень горы»), букв. «Холмистые гряды», Тменыхъæу «Тменикау» — селение в ущелье р. Геналдон, букв. «Верхнее селение», «Селение наверху (на возвышении)», Тæтæртупп «Татарский холм (стан)», Колæ букв. «Озеро», Коли дон «Озерная вода», Кулсун (куль + сун) «Озерная вода», Заманхъул «Заманкул» — селение в Кировском районе. Название Заманкул букв. означает «Временное, или плохое озеро» и т. д.

д). Зоологические и ботанические термины

Многие осетинские топонимы образованы от тюркских названий животных и растений. Например:

Бирæгъы æрдуз «Волчья поляна». В этом составном топониме первое слово восходит к тюрк. бёрю. Этот тюрк. апеллятив находим во многих составных и сложных осетинских топонимах. Это названия Бирæгъ-зæнг (бирæгъ + зæнг «полоса») «Бирагзанг» — селение в Алагирском ущелье, букв. «Волчья полоса», Бирæгъвæндаг (бирæгъ + фæндаг «дорога») «Волчья дорога», Бирæгъы уасæнтæ «Места, где воет волк», Берæгъи æфцæг «Волчий перевал», Бирæгъы хуынчътæ «Волчьи норы» и т. д.

Дзæбидыры сы «Турий рог». В этом названии слово дзæбидыр восходит к балк. джугутур «тур».

Теуадур (тюрк. тую + осет. дур «камень») «Верблюд-камень»; Цæкъеон (балк. эчки «коза» + осет. суф. -он) «Принадлежащий козам, косулям»; Цæучъынон (балк. эчки + осет. суф. суф. -ын и -он) «Принадлежащий козулям, козам»; Тæгæррагъ (балк. текер, «клеи» + осет. рагъ «гребень горы», «крязь») «Кленовый гребень», Тагæри тъæпæн «Кленовая равнина» и т. д.

е). Личные имена

В ряде осетинских топонимов имеем личные имена, восходящие к тюркскому ономастикону или к апеллятивной лексике тюркских языков. Например:

Ачанайы обау «Ачана курган». Очевидно, в слове ачана имеем тюрк. ачы «горький»; Гæналдон (из тюрк. личного имени Гюнал + осет. дон «вода», «река») «Геналдон».

Кроме гидронима Геналдон, личное имя Гюнал имеем в топонимах Гæналы/Гæналдоны ком «Ганала/Ганалдона (Геналдона) ущелье» и Авд Гæналы «Семь Ганалов» — развалины селений в ущелье р. Геналдон.

Личные имена тюркского происхождения имеем и в топонимах Елбердийы обау «Елберди курган», Дзаубатыры цъай «Дзаубатыра хутор», Хъанцахъ обау «Канчака курган». Это последнее название восходит, очевидно, к половецким личным именам. Ср. имя половецкого хана Кончак в «Слове о полку Игореве».

Сюда же (т. е. к этой группе топонимов), видимо, следует отнести и название горы Хъауырбег «Каурбек» в Туалетии и Бæгъатæри цада «Багатара озеро» в Ирафском районе.

В топонимах Солагъыр и Дзанхъæлыц имеем космические термины. Название Солагъыр восходит к тюрк. солангыр «радуга»¹, а Дзанхъæлыц — к карач.-балк. джангкъылыц «радуга»².

Заметим, что тюрк. нарицательные джангкъылыц, батыр (монг. батор), как и многие другие апеллятивы, стали в осетинском не только собственными (топонимами), но и личными именами.

По своей структуре топонимы тюрко-монгольского пласта подразделяются на две группы:

- а) состоящие из чисто тюркских основ,
- б) гибридные образования.

В первой группе обнаруживаем топонимы одноосновные и двусосновные. Например: Арса, Дагъ, Къоб, Сала, Хъала, Ахъмаз, Елхот, Заманхъул, Тæтæртупп и др.

¹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893—1911, стр. 551.

² Русско-карачаево-балкарский словарь. Москва, 1965, стр. 511.

Как правило, односложные топонимы представляют собой имена существительные. Иногда они осложнены осетинским формантом множественности -т- или суффиксами и представлены в форме им. п. мн. ч., а в составных топонимах и в форме род. п. ед. и мн. ч. Например: Дагъ, Дæгътæ; Тумæн, Тумæнтæ; Хъанцахъы обау, Мысты дагъ; Цакъеон и т. д.

Двуосновные топонимы образуются из сочетаний имен существительных с именами прилагательными или числительными. Например: Ахъмаз (из ахъ «белый» + баш «вершина», «голова») «Акмаз», букв. «Белая вершина»; Хъарасу (из хъара «черная» + су «вода») «Карасу» — простонародное название хут. Комарово в Моздокском районе, букв. «Черная (родниковая) вода»; Чикола «Чикола» — селение в Ирафском районе. Название его объясняется из ногайского уч «три» + тюрк. колаз «озеро», букв. «Три озера». Трудно согласиться с этимологией Дж. Н. Кокова, что «В основе формы «Чикола» лежит груз. чъика «стекло»¹. Воды в с. Чикола не было до Октябрьской революции. Только в период весенне-осенних дождей у них появлялась вода (сточные воды из лесных балок), в остальное время года жители пользовались привозной водой из р. Ираф, где не всегда вода бывает прозрачной. Так что не с чем было иметь «ассоциативную связь между названием стекла и воды»², на основании которой строит свою этимологию Дж. Н. Коков. Ямантау (из яман «плохая» + тау «гора») «Ямантау» — хутор (теперь его нет) в Моздокском районе, букв. «Плохая гора» и др.

Еще больше среди названий рассматриваемого пласта двуосновных топонимов — гибридных образований. Как правило, в этих топонимах осетинские основы сочетаются с тюркскими. Например: Дууххъала (осет. дуух «раздвоенная» + тюрк. хъала «крепость») «Раздвоенная крепость»; Залдæгътæ (осет. зæлдæ «дерн» + тюрк. дагъ «гора», «складка горы»; топоним имеет форму им. п. мн. ч.) «Горы, покрытые дерном»; «Складки гор, покрытые дерном»; Салагом (ногайск. сала «ручеек» + осет. ком «ущелье») «Ручейка ущелье», «Ущелье с ручейком»; Хъæд-дагъ (осет. хъæд «лес» + тюрк. дагъ «гора», «складка горы») «Гора покрытая лесом» и т. д.

Как видно из примеров, тюркские основы в топонимах — гибридных образованиях могут быть как в первой, так и во второй части композита. При этом сложное слово образуется согласно законам осетинского словообразования и претерпевает свойственные осетинским композитам фонетические изменения (чаще всего наблюдается озвончение глухого согласного в начале второй части композита). Иногда в первой части топонимов — гибридных образований встречаются личные или фамильные

¹ Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966, стр. 127.

² Там же, стр. 127.

имена. Например: Батакоюрт (из личного имени Бәтәхьо «Батако» и тюрк. юрт «юрт», «кош», «балаган»). Название Батакоюрт—это официальное название осетинских селений—Бәтәхьойыхъæу. Есть два селения: Заеронд Бәтәхьойыхъæу и Ног Бәтәхьойыхъæу «Старый Батакоюрт» и «Новый Батакоюрт»; Цуруюрт (в первой части основа ингушского фамильного имени Цуровых, а во второй — юрт) «Цуруюрт», букв. «Цуровых кош». Цуруюрт называлось прежде с. Донгарон в Пригородном районе.

В нескольких топонимах — гибридных образованиях одна часть необъяснима. Например: Арбизæн (из Арб (?) + тюрк. изæн «матушка») «Арбизан», «Арб матушка». Может в первой части топонима Арбизæн имеем иранское abra (осет. арв) с перестановкой согласных. Тогда топоним можно осмыслить: «Мать неба». Сюда же относятся топонимы Чиуалтас (из Чиуал (?) + тюрк. таш «камень») «Чиуалтас», «Чиуал (?) камень», Бешни (из тюрк. беш «пять» + Ни (?) «Бешни», «Пять Ни (?)» и т. д.

В основном топонимы — гибридные образования имеют форму им. п. ед. ч. Но несколько топонимов этого типа представлены в форме им. п. мн. ч. Например: Дæлдæгътæ, Залдæгътæ, Тоборахътæ и др.

Из изложенного видно, что в названиях рассматриваемого топонимического пласта очень редко встречаются аффиксы словообразования и словоизменения тюрко-монгольских языков. Исключение составляют топонимы Ацылыхъ и Суларта. В топониме Суларта имеем сочетание (сращение) тюркского и осетинского показателей множественности (-лар и -т-). В Ацылыхъ «Ачалуки» (селение в ЧИ АССР и пахотные поля в СО АССР) имеем балк.-карач. ачы «горький» и суф. места -лыхъ, т. е. Ацылыхъ букв. означает «Горькое место». Такое название, очевидно, было дано из-за наличия здесь теплых источников с горьковато-соленой водой.

Заканчивая обзор топонимов тюрко-монгольского происхождения, отметим еще, что среди них имеются названия-тезки, т. е. такие названия, которые встречаются еще и за пределами Осетии. Это названия: Ахсауæ «Ахсау» — селение в Дигорском ущелье, Ахсауы дон «Ахсауа река» — река в Куртатинском ущелье и Аксаут — река; Схауат — селение в Карачаево-Черкесии. Не вызывает сомнения, что во всех четырех топонимах имеем один корень. К этому еще добавим, что в народе, когда речь заходит о с. Ахсау, то повторяют формулу Ахсауæ Ахсауат адтагъæ — «с. Ахсау (или жители) были местом Ахса». Этот же уат «место» находим в Карачаево-Черкеском топониме Схауат. Топоним Дермецыкк/Гермецыкк (так называли и называют осетины ст. Николаевскую и земли вокруг него) имеет тезки в Кабардино-Балкарии и на Днестре. В Кабардино-Балкарии есть селение Керменчик/Герменчик и казачья станица Кременчук-Константиновская, а на Днестре — г. Кремен-

чук. Все эти названия представляют собой сложные слова и восходят к тюрк. кермен «крепость» + кучук «маленький». Такие же тезки находит осетинский топоним Мадзар — луг возле развалин с. Луар в Алагирском ущелье. За пределами Осетии мне известны селение Маджарэ ууашхъэ в КБ АССР, поселение Бургун-Маджары в Ставропольском крае, развалины золотоордынского города Маджары на Куме и селение Маджарев юрт на Украине. Сюда же можно отнести названия Терек — река в Осетии, Терек — город районного подчинения в КБ АССР и Терсай — река в Средней Азии.

Ахъмаз «Акмаз» (измененное тюрк. ахъбаш) — курган в Кировском районе СО АССР и Акбаш — речка и селение (Верхний Акбаш) в Терском районе КБ АССР; Хъæрæгъæс «Карагас» (измененное тюркское карагач) — селение в Дигорском районе (точнее, теперь один из кварталов с. Урсдон) и Карагач — селение в Прохладненском районе КБ АССР и др.

Итак, осетинские географические названия тюрко-монгольского топонимического пласта образуются от собственных (личных и фамильных) и нарицательных имен. Причем, отапеллятивные топонимы рассматриваемого языкового пласта восходят к разным отраслям лексики тюркских и монгольских языков. Наряду с собственными именами и этнонимами, осетинские топонимические названия тюрко-монгольского происхождения восходят к ботаническому, зоологическому, географическим и другим терминам названных языков.

Из всего сказанного выше следует, что вклад тюрко-монгольских языков в осетинскую топонимию значительный. Наличие значительного тюрко-монгольского топонимического пласта является еще одним свидетельством долгих и тесных контактов осетин с тюркскими и монгольскими народностями. О давности бытования топонимов тюрко-монгольского происхождения в составе географических названий Осетии говорит и наличие названий — гибридных образований, затем производных названий, представляющих собой сращения тюркских основ с осетинскими словообразовательными и словоизменительными аффиксами и т. д. Многие топоосновы тюрко-монгольского происхождения стали настолько своими в осетинской среде, что язык с ними обращается как со своим материалом и образует от них названия по нормам своего словообразования, снабжает их излюбленным топоформантом — показателем множественности -т-, присоединяет к ним характерные для осетинской топонимии падежные флексии (в составных топонимах и топонимах в форме им. п. мн. ч.). Такое освоение чужого, несомненно, является результатом длительных и тесных контактов осетинского и тюрко-монгольских народностей и влияния их языков друг на друга.

VI. Славянский слой

Связи осетин со славянскими народами уходят вглубь веков, ко времени, предшествующему татаро-монгольскому нашествию¹.

В. И. Абаев считает, что контакты скифо-сармато-аланских племен со славянским миром имеют весьма почтенный возраст и начинаются они с IV в. н. э.².

Еще к более раннему периоду эти связи относит А. А. Зализняк. Он считает, что контакт скифов и славян «...начался не позже третьей четверти I тысячелетия до н. э.»³. О тесных и дружественных связях предков осетин со славянским миром, в частности с Русью, свидетельствуют и династические браки, имевшие место в основном в X—XII вв.⁴ Конечно, эти контакты не всегда были непрерывными и одинаково интенсивными. Прерывались связи предков осетин со славянским миром часто из-за непоседливости первых. Прерывались они надолго и из-за вторжения других племен и народов. Так, связи предков осетин с Русью были прерваны надолго в начале XII в. в связи с вторжением татаро-монгольских завоевателей в пределы Северного Кавказа. И только в конце XV в. Русское государство начинает проводить активную внешнюю политику на Северном Кавказе. И сами осетины тоже тянулись к России, т. к. «Экспансия иноземных захватчиков усиливало стремление осетинского народа встать под защиту могущественного русского государства»⁵. Но из тех далеких времен, по вполне понятным причинам, не сохранились свидетельства в топонимии Осетии. Эти свидетельства относятся к более позднему времени, ко второй половине XVIII и XIX вв. Как справедливо заметил В. И. Абаев, «Со второй половины XVIII века возобладал на севере новый культурный фактор, влияние которого стало отныне решающим и отодвинуло на второй план все другие воздействия и влияния. Мы имеем в виду Россию и русскую культуру»⁶. Начиная с 60-х г. XVIII в. царское правительство приближает свою пограничную линию к Осетии. Военный форпост Моздок в 1765 г. преобразуется в крепость. Шаг за шагом продвигается вглубь Кавказская линия. Создаются военные укрепления, посты, крепости. Окончательно же Северная Осетия при-

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1. М.—Л., 1949, стр. 69, 84 и др.; Ю. Немец, цит. соч.

² В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. Москва, 1965, стр. 134—136.

³ А. А. Зализняк. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами, в кн.: Краткие сообщения института славяноведения. Москва, 1963, № 38, стр. 3.

⁴ М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, стр. 33—34;

⁵ История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 125.

⁶ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 94.

соединяется к России в конце 1774 г.¹ С этого времени (с 70—80-х гг. XVIII в.) появляются и на территории Осетии военные форпосты и крепости, т. е. продвигается вглубь страны и укрепляется Кавказская военная линия. Уже в 1784 г. были построены Владикавказское и Камбилеевское укрепления, где с казаками поселились и осетины. Нужно заметить, что эти и другие укрепления не раз разрушались, а потом опять восстанавливались. Была разрушена в свое время и крепость Владикавказ и только в 1803 г. она была снова восстановлена. Тогда же было основано и укрепление в Ларсе (в Дарьяльском ущелье). По Военно-Грузинской дороге (в отрезке между крепостью Владикавказ и укреплением Ларс) были устроены редуты. Для большей безопасности дорога была перенесена на левый берег р. Терек от ст. Екатериноградской до Дарьяла.

По территории Осетии она теперь проходила через укрепления Дурдурское, Ардонское и Архонское. Эти укрепления и другие посты в дальнейшем были превращены в военные поселения и казачьи станицы.

В конце XVIII в. начинают, правда, пока еще очень медленно, переселяться из горной полосы на равнину и осетины. Более интенсивно это переселение стало осуществляться в начале XIX в., когда ослабилось влияние кабардинских феодалов в предгорных районах Владикавказской равнины и укрепилась здесь русская власть. Так, в 30—60 гг. XIX в. на плоскости были основаны осетинские с. с. Заманкул, Эльхотово, Батакюрт, Беслан (теперь г. Беслан), Дарг-Кох, Гизель, Суадаг и др.

Царскому правительству нужно было укреплять свои позиции в Центре Кавказской линии и упрочить свою власть в Осетии. С этой целью создавались военные поселения и поселялись казачьи станицы на Тереке, в частности в Осетии. Только в 1838—1839 гг. на левом берегу р. Терек были поселены станицы Николаевская (первоначально военное поселение), Ардонская, Архонская. Эти станицы были заселены казаками Владикавказского полка, а Николаевское поселение первоначально было заселено отставными солдатами². Тогда же было учреждено и поселение при Владикавказской крепости на левом берегу Терека из женатых нижних чинов Кавказских линейных батальонов³. Позднее, в 1849 г. была поселена ст. Змейская. Одновременно принимаются меры по воздвижению казачьих станиц на Левом крыле Кавказской линии, по рекам Сунжа и Камбилеевка. Так, в 1859 г. было предложено строящимся на Левом Крыле Кавказской линии станицам дать наименования Сунженская и Камбилеевская, причисленных к Владикавказским казачьим полкам⁴.

¹ М. М. Блиев, цит. соч., стр. 88.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 843, д. 14, л. л. 199—204 и об.

³ Там же, л. л. 225—230.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, д. 14, св. 868, л. 15.

В 1860г. было принято решение построить в Терской области еще пять новых станиц, в том числе и ст. Тарская¹. Все эти станицы заселялись казачьими семьями из Войска Донского, затем женатыми казаками Малороссийских полков и семьями государственных крестьян из внутренних губерний².

Станицы в Моздокском районе и г. Моздок были основаны значительно раньше. И здесь также поселялись казаки с Дона и Волги.

Казачьи станицы на Северном Кавказе щедро наделялись землей. Так, например, ст. Николаевской в 1838 г. было отмежевано 12 576 десятин земли, ... «в числе которой четвертая часть лесной, а три части для хлебопашества и сенокосного весьма удобной»³. Население станицы в то время состояло из 141 семейства⁴. Станице Ардонской было выделено 7460 десятин, а ст. Архонской — 6914 десятин⁵. В целом «Под казачьи поселения было отведено 52 тыс. десятин, что составляла одну треть всей плоскостной земли Осетии»⁶. Казачьи поселения были размещены попеременно с селениями осетин. Некоторые же селения осетин, после размежевания земли казачеству, пришлось перенести с левого на правый берег Терека.

Приток русского населения в Осетию способствовало и развитие горнодобывающей промышленности. Уже в 1850 г. вошли в казну Садонские рудники. А в 1853 г. вступил в эксплуатацию Алагирский серебро-свинцовый завод, который обслуживался рабочими с уральских и алтайских заводов. Охрану же завода несли донские казаки. И рабочие, и охрана были поселены здесь вокруг завода, а рядом за речкой было селение осетин — Салугардан.

Таким образом, мы видим, что заселение части территории Северной Осетии русским и украинским (Владикавказский полк (позднее корпус) был сформирован из Малороссийских воинских частей) населением происходило одновременно и планомерно. Отсюда и одновременность возникновения славянского топонимического пласта среди географических названий Осетии.

Нужно сказать, что в славянский топонимический слой я включила всю совокупность географических названий Осетии, оформленных с помощью славянских словообразовательных формантов, независимо от того, является ли основа топонима славянским по происхождению или нет.

Селения и станицы эти, как уже было сказано, наделялись огром-

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, д. 14, св. 868, л. 49—50.

² Там же, л. л. 49—50.

³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 843, д. 14, л. л. 193—195.

⁴ Там же, л. л. 193—195.

⁵ Там же, л. 162— и об.

⁶ История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 168.

ными земельными угодиями. Необходимо было как-то называть и свои поселения, и отдельные участки земли и называли их. Часть станиц и некоторые селения получили свои названия от названий близлежащих гидрообъектов. Это названия станиц Архонская, Ардонская, Змейская, Терская, с. Притеречное и др. Другим станицам и селениям давались мемориальные названия или же названия близлежащих географических объектов. Например: станицы Николаевская, Черноярская, с.с. Михайловское, Ольгинское, Предгорное и т. д.

Названия отдельным земельным участкам давались по каким-либо характерным физико-географическим особенностям местности, или же закреплялись за ними фамилии и личные имена их владельцев. Иногда же приспособлялись местные (осетинские или другие) названия путем снабжения их славянскими словообразовательными формантами.

Итак, среди географических названий Осетии самым молодым по времени образования и более или менее однородным по составу является славянский топонимический слой (пласт).

Славянский топонимический слой локализуется в Моздокском районе, на правом и левом берегах р. Терек в основном от Эльхотовских ворот до с. Редант, т. е. в той части плоскостной Северной Осетии, где были расселены казачьи станицы.

Среди географических названий Осетии насчитывается свыше трех сотен топонимов славянского происхождения. Так же, как и географические названия осетинского, кавказского, тюрко-монгольского происхождения, топонимы славянского происхождения подразделяются на простые (однословные) и составные. Но распределяются они неравномерно: $\frac{2}{3}$ всех названий славянского происхождения представляют собой составные топонимы и лишь $\frac{1}{3}$ падает на долю простых (производные и непроизводные) топонимов.

По своей структуре простые (однословные) топонимы представляют собой непроизводные, производные и сложные слова. Среди них преобладают топонимы — производные слова.

Топонимов — непроизводных слов очень мало. Здесь можно назвать топонимы Круг, Луг, Шлях и др. Гораздо больше среди непроизводных топонимов названия, представляющие собой имена прилагательные, точнее субстантивированные прилагательные. Например: Белое, Веселое, Теплая, Широкий и др.

Как видно из примеров, топонимы — непроизводные слова представляют собой бесформантные образования и имеют отапеллятивное происхождение, омонимичные нарицательным именам, т. е. апеллятивы без всяких изменений перенесены в топонимию.

К нарицательным именам восходят названия — производные слова, которые образуются с помощью словообразовательных формантов. Число словообразовательных формантов, с помощью которых образуются наз-

вания — производные слова, очень ограничено. Распределяются словообразовательные форманты в названиях тоже неравномерно. Если с помощью дорманта **-ка** образуется некоторое количество топонимов не только от основ имен существительных, но даже от основ имен числительных, то с помощью формантов **-уха -ашк, -ба** и др. образуются единичные топонимы.

Немного и топонимов — сложных слов.

Топонимы — производные слова

Как уже было сказано, из огромного числа словообразовательных формантов славянских языков в образовании топонимов Осетии участвует очень ограниченное количество их.

Названия славянского топонимического пласта с помощью различных формантов в основном образуются от именных основ и редко — от глагольных. Больше топонимов — производных слов от именных основ образуются с помощью суффиксов, реже — с помощью префиксов и суффиксов.

Наиболее продуктивными топоформантами являются суффиксы **-ка -ин, -ов (-ев), -ский (-ская, -ское)** и др. Рассмотрим их ниже.

Суффикс -ка. Это наиболее продуктивный топонимообразующий формант. С его помощью образуются топонимы и гидронимы от основ имен существительных, а иногда и от глаголов. Например, гидронимы Змейка (змея+суф. -ка), Каменка (камень+суф. -ка), Кизилка (кизил+суф. -ка), Кутанка (кутан+суф. -ка), топонимы Корчевка (основа глагола корчевать+суф. -ка), Мечетка (мечеть+суф. -ка) и т. д.

С помощью суф. -ка образуются топонимы и от основ осетинских имен. Например: Архонка (осет. архон «из балочных мест»+суф. -ка) — название реки и простонародное название ст. Архонской, расположенной на ее берегах, Тагаурка (от основы названия восточной части Осетии Тагаурия и суф. -ка) — речка в Дарьяльском ущелье.

Эти и другие топонимы свидетельствуют о том, что с помощью суф. -ка происходит славянизация нерусских названий.

В. А. Никонов отмечает, что «И в названиях населенных мест, и в гидропимии огромен вес форманта **-ка**»¹. Здесь же приходится отметить, что славянский топонимический пласт в Осетии как раз характеризуется отсутствием форманта **-ка** в названиях населенных пунктов. Если не считать простонародного Архонка (для ст. Архонская), то с помощью форманта **-ка** не образуются названия населенных мест в Осетии.

Отсутствуют образования с этим формантом и от личных имен.

¹ В. А. Никонов. Введение в топонимику. Москва, 1965, стр. 73.

Исключение составляет единственный топоним Самсонка (личное имя Самсон + суф. -ка).

В топонимии Осетии славянского происхождения нередко в образованиях с помощью форманта -ка ощущается первоначальное уменьшительное, а иногда даже пренебрежительное значение форманта, как в топонимах Архонка, Змейка, Мечетка, Слободка и др. Осетин, хотя и не различает, что формант -ка вносит уменьшительное или пренебрежительное значение в топонимы и гидронимы, но если сопоставить названия с формантом -ка с реалиями, то станет ясно, что с этим формантом образуются названия небольших объектов (рек, участков земель). Ведь р.р. Архонка и Кизилка представляют собой рукава значительного левого притока Терека — р. Гизельдон, по сравнению с которой, очевидно, и даны им названия с этим формантом.

Не будет, видимо, ошибкой, если скажем, что деминутивность форманта -ка в осетинских топонимах славянского происхождения диктуется самими реалиями. Действительно, Кизилка, Кутанка, Архонка, Тагаурка, Каменка — небольшие реки, притоки рек Терек, Гизельдон, Ардон, Дур-Дур.

В большинстве же топонимов формант -ка утратил свое уменьшительное значение и служит просто топоформантом, как в названиях Коноплянка, Корчевка, Неволька и т. д.

Этот же формант -ка находим в топонимах Десятки, Двадцатки, т. е. в топонимах, образованных от основ количественных числительных.

Деминутивное значение вносит и формант -енок в гидроним Тереченок. Другие названия с этим формантом не зафиксированы.

Суффикс -ин. Его можно считать непродуктивным топоформантом. С его помощью образованы топонимы Дубина, Падина, Сурчины. Как видим, приведенные названия образованы от зоологических, географических и ботанических терминов (дуб, падь, сурок) с помощью форманта -ин.

Этот же формант -ин зафиксирован в нескольких составных топонимах, где первый компонент восходит к личному имени и придает им значение принадлежности. Например: Савин кут (т. е. Савин угол¹), Савин Первый, Савин Второй, Ольгинское (здесь еще и формант -ск).

Суффиксы -ашк, -ба, -ник, -уха. Перечисленные форманты все очень непродуктивны.

В трех топонимах — Бирючатник (здесь он осложнен еще и формантом -ат), Капустник, Питомник названия образованы от основ нарицательных имен с помощью форманта -ник.

Топоним Кургашки образован от основы имени существительного с

¹ В. Даль. Толковый словарь, т. II. Москва, 1955, стр. 227.

помощью форманта -ашк, где сохраняется и значение форманта — выражать легкую пренебрежительность.

От именной основы образован и топоним Свинуха с помощью форманта -уха, где также сохраняется уничижительное значение форманта.

Значительно шире в славянском топонимическом слое представлены названия — производные имена прилагательные. Здесь преобладают топонимы с формантами -ский (-ская, -ское), -н, -ов, -ев.

Суффикс -н-. С помощью форманта -н- от основ имен существительных образуется несколько топонимов — производных прилагательных. Например: Лесная, Средняя, Мирный, Дачное, Каменное, Дальний, Виноградное. В некоторых топонимах формант -н- указывает на свойство, преобладание какого-то признака.

Суффикс -ский (-ская, -ское). Это наиболее употребительный формант. Как правило, с этим формантом образуются ойконимы славянского топонимического слоя. Среди них названия, данные при заселении станиц и названия, возникшие буквально в наши дни. Это ойконимы Комсомольское, Тарское, Сунженская, Терская, Октябрьское, Ардонская (бывшая станица, теперь часть г. Ардон), Архонская, Киевская, Сухотское, Минаретская, поселки Осетинский, Чернойарский и т. д.

Как видно из примеров, топонимы с формантом -ский (-ская, -ское) образуются не только от основ славянских собственных и нарицательных имен существительных, но и от основ осетинских собственных имен (гидронимов и ойконимов. Это названия станиц Архонская, Ардонская, Терская и др.).

Название ст. Ардонская было образовано от осетинского гидронима Ардон и славянского форманта -ская; Архонская — от гидронима Ерхоны дон «Архона река» + славян. формант -ская; Терская — от гидронима Терек + формант. -ская.

Часть топонимов производных прилагательных с формантом -ский (-ская, -ское) представляет собой отантропонимические (иногда составные) образования. Некоторые из них мемориальные, как, например, пос. Калининский, с. с. Михайловское, Ольгинское, ст. Николаевская, Потемкинский пост и др. Другие из них указывали на принадлежность. Например: Сафоновская балка, Чериковский участок, Макаровский курган, Соколовская балка, Третьяковский участок, Батезовский курган и т. д.

Суффиксы -ов, -ев. С помощью формантов -ов, -ев образуются ойконимы. В основе этих названий чаще имеем фамильные и личные имена (они обычно мемориальны), но могут быть и другие основы. Например: с.с. Кирово, Кусово, Михайловское, ст. Николаевская, с. Новогеоргиевское (в трех последних еще и формант -ская/ -ское), с.с. Стряпчево, Комарово (от комар), пос. Садовый и др.

С помощью указанных формантов образуются ойконимы и от основ нерусских фамильных имен, т. е. происходит славянизация иноязычных

антропонимов. Например: с. Кусово (в основе топонима имеем осетинское фамильное имя Хъуысатæ «Кусата», «Кусовы», + русский суф. -ов), пос. Цаликово (образовано название от фамильного имени Цæлыккатæ «Цаликовы» + суф. -ов), хут. Елбаево (от фамильного имени Елбайтæ «Елбайта», «Елбаевы» + суф. -ев) и др.

По этому образцу образованы и официальное название с. Эльхотово (от осетинского ойконима Елхот + суф. -ов) и составной топоним Амбалов бугор (от основы осет. личного и фамильного имени Аѣмбал «Амбал», Аѣмбалтæ «Амбалта», «Амбаловы», восходящих к нарицательно-му аѣмбал «товарищ» + суф. -ов).

Формант -ов встречается и в первом компоненте составных топонимов Чертов мост, Дубовая балка, Калиновый куст, Войсковой участок, Фруктовые сады и т. д.

В нескольких топонимах — производных названиях, наряду с суффиксами, присутствуют и префиксы, а иногда отрицание *не*. Например: Закуток (за + кут + суф. -ок), Завальский (за + вал + суф. -ский), Подмытый (под + мы + -т- + оконч. -ый), Раздольное (раз + дол(я) + суф. -н- + оконч. -ое), Предгорное (пред + гор + суф. -н- + оконч. -ое) и др. Здесь префиксы как бы выполняют функцию уточнителя местонахождения объекта.

С *не* зафиксирован единственный гидроним Неволька.

Пять названий из славянского топонимического пласта представлены в форме множественного числа именительного падежа. Это топонимы Десятки, Двадцатки, Каменные, Кургашки, Сурчины. В них форма мн. ч. служит как-бы своеобразным топоформантом. Пожалуй, только в топонимах Кургашки и Сурчины, не полностью произошла топонимизация показателя множественности. В них, наряду с названием объекта, ощущается еще множество чего-то добавочного на данном объекте.

Топонимы — сложные слова

Часть топонимов рассматриваемого слоя представляет собой сложные слова. Как правило, топонимы эти двуосновные. Обычно первая часть этих топонимов состоит из имен существительных и прилагательных, а вторая — из имен существительных и реже — основы глагола. Например: Белоречка, Бардовоз, Сенокос, Краснгор, Градобой и др. Топонимов этого типа всего 16. Иногда они образованы от чистых основ (именных и глагольных, как Сенокос, Краснгор, Бардовоз), или же осложнены суффиксами (Черноярская, Новогеоргиевское, Павлодольская Новоосетинская).

Составные топонимы представляют самую большую группу (по количеству) славянского топонимического пласта.

Составные топонимы возникли из необходимости дополнительно дифференцировать объекты. Как правило, они (составные названия) состоят из двух слов, где первый компонент — имя прилагательное. Прилагательное в составных топонимах выполняет функцию определения. Обычно определение в них указывает на превалирование одного какого-то признака.

Составные топонимы можно подразделить на:

1. Географические названия с топонимическими определениями, где первый компонент подчеркивает определенный признак объекта. Например: Каменная балка, Круглый родник, Лысая гора, Разрытый курган и др. Этих образований много.

2. Географические названия, где в первой части определение бинарной оппозиции. Например: Белая речка — Черная речка, Гнилая балка — Сухая падина, Ближний участок — Дальнее поле, Старая станция — Новый хутор. Образований с определением бинарной оппозиции в первой части немного.

3. Географические названия со счетными прилагательными в первой и второй части. Например: Сто сорок первый участок, Первый шахан, Второй шахан, Савин Первый, Савин Второй, Сотенный родник. Этих образований также немного.

4. Географические названия с притяжательными прилагательными в первой части со значением принадлежности. Например: Попов участок, Медвежья балка, Казачья балка, Волчьи ворота, Бабья речка, Церковный участок и т. д. Образования этого типа немногочисленны.

Надо отметить, что значение принадлежности имеют и те составные топонимы, где в первом компоненте фамильные имена в им. или род. п. ед. ч. Например: Белогорцев родник, Бандуров бугор, Сорокина балка, Малышкин курган, Комаров участок, Назарова балка, Семенчихин курган, Потаев сверток, Капшитра участок (от фамилии Капшитор), Сафронова балка, Глушков курган и т. д.

Иногда фамилии и имена в первом компоненте составного топонима осложнены суффиксами -ский (-ская, -ское), -ов. Например: Сафоновская балка (от фамилии Сафонов), Потемкинский пост (от фамилии Потемкин), Соколовская балка (от фамилии Соколов), Батезовский курган (от фамилии Батезов), Третьяковский участок (от фамилии Третьяков), Сафронова балка (от личного имени Сафрон), Устинова поляна (от личного имени Устин), Антонов участок (от личного имени Антон) и т. д. Названия эти многочисленны. Большое количество этого рода названий объясняется просто: при заселении станицам отмежевывали зна-

чительные земельные угодия, которые делились между станичниками. Так как эти участки земли не имели других названий, то за ними закреплялись фамилии или имена их владельцев. То, что участки не имели до этого другие названия, об этом свидетельствуют документы архивов Межевого управления, где при отмежевании отдельных участков в качестве ориентиров в основном исходят только из тригонометрических знаков и очень редко называются топонимы (названия урочищ и гидрообъектов).

5. В отдельную группу можно выделить составные топонимы, где местные географические термины выступают вторым компонентом названия. Например: Дубовая балка, Сосновая балка, Белая речка, Широкий курган, Острый шпиль, Гурьевский спуск, Бандуров бугор и др.

Сюда следует отнести и осетинизированные составные топонимы типа: Границаёйы обау «Пограничный курган», Харбызты ком «Бахчи ущелье», букв. «Арбузов ущелье», Кадетты къуылдым «Кадетов пригорок» и др.

*
* *
*

Примечательно явление славянизации и осетинизации, наблюдаемое в славянском топонимическом пласте. Оно сводится к тому, что нередко с помощью славянских формантов образуются топонимы от осетинских или других иноязычных в осетинском языке основ. Так, в ойконимах Кусово, Рамоново, Цаликово, Архонская, Ардонская, Эльхотово, Терская, Притеречное с помощью славянских формантов при-, -ов, -ская, -н- образованы названия населенных пунктов от осетинских гидронимов (Æрдон «Ардон», Æрхон «Архон», букв. «балочный», Терк «Терек») и фамильных имен (Рæмонатæ «Рамоновы», Хъуысатæ «Кусовы», Цæлыккатæ «Цаликовы»).

Наблюдается и обратный процесс — когда славянская основа топонима оформляется осетинскими формантами. Обычно и здесь находим излюбленные осетинские топоформанты — показатель множественности -т- и форма род. п. ед. ч. для первого компонента составного названия. Например: Полянтæ «Поляны» (из славян. полян(а) + показатель множественности в осет. -т- + окончание им. п. мн. ч. -æ), Булвæрттæ «Бульвары» (из славян. бульвар + тот же -т- + æ; примечательно, что мн. ч. от бульвар в осетинском образуется по нормам осет. языка: происходит ослабление сильного гласного основы а в æ и удвоение показателя множественности -т-, т. к. слово исходит на сонорное), Сафроновы хъæд «Сафронова лес» (Сафроновы — форма род. п. ед. ч.), Ермоловы обау «Ермолова курган» (Ермоловы — форма род. п. ед. ч.) и др.

Часть же составных топонимов представляет собой сочетание славянских фамильных или нарицательных имен с осетинскими послелога-

ми или апеллятивами. При этом весь топоним оформляется по законам осетинского языка. Например: Бичеты бын «Ниже пикета», Будкайы цур «Возле будки», Вышкайы раз «Возле вышки», Салдатскæй дон «Солдатская река», Къазеннай зæхх «Казенная земля», Городской зæхх «Городская земля», Сараты ком «Ущелье сараев», Сафроновы хъæд «Сафронова лес», Къузыццовы зæхх «Кузнецова земля», Спиревы цъай «Спирева хутор», букв. «Спирева колодец» и т. д.

Из сказанного выше о славянском топонимическом пласте следует, что географические названия здесь образуются по нормам и законам словообразования славянских языков. В рассматриваемом слое находим непроизводные, производные и сложные слова. Однако, словообразовательные возможности здесь ограничены. Из большого числа славянских словообразовательных формантов здесь находим лишь небольшое количество. Так, из всех славянских префиксов в топонимах рассматриваемого региона встречаются только пред-, при-, раз- и отрицание не- и то в единичных названиях. Немного шире представлены суффиксы. Здесь в качестве топоформантов встречаем суффиксы -ка, -ба, -ашк, -уха, -ин, -ов (-ев), -ский (-ская, -ское), -н-, -енок. Но большинство из них малопродуктивны. Наиболее продуктивными являются форманты -ка, -ов, (-ев), -ский (-ская, -ское). Хотя встречаются топонимы и с другими формантами, и в форме множественного числа, но ни производные образования с помощью других формантов, ни плюральность не являются продуктивными.

Полностью отсутствуют в славянском топонимическом слое Осетии названия с такими продуктивными формантами, как -ск, -ища, -ец, -аха, -иха, -оватый и т. д., т. е. форманты, которыми характеризуется топонимия районов населенных славянскими народами. Все это тоже, очевидно, свидетельствует о том, что славянский топонимический пласт является в Осетии самым поздним и более или менее однородным в языковом отношении.

По своей структуре географические названия славянского пласта могут быть непроизводными, производными, сложными словами и составными. Из них преобладают производные и составные названия. Здесь продолжается своеобразная преемственность: переселенцы с Дона, Волги, внутренних губерний России принесли с собой привычные для них типы названий. На новом месте поселения они давали названия окружающим их географическим объектам, так сказать, по известным для них готовым моделям. Этим объясняется и то, что они легко славянизировали и некоторые местные названия.

Если говорить об отношении признака, содержащегося в топониме, к его выражению, то наиболее характерным для славянского топонимического пласта Осетии является посессивность.

Хотя по времени возникновения славянский топонимический слой самый молодой, он не является чужеродным телом среди разноязычных по происхождению географических названий Осетии. И это не только потому, что названия этого слоя понятны всему населению Осетии. Они настолько свои уже для осетинского языка, что готовые модели славянского топонимического пласта используются им при даче названий новым объектам, или при переименовании названий существующих объектов без всяких изменений. Особенно это бросается в глаза в ойконимии. Так, например, для нового селения в Пригородном районе было дано название Майское (отмечено оно официально на картах в 1963 г.), пос. Рамоново было дано название в память о славном революционере Х. Рамонове (в поселок он образован в 1968 г.), пос. Цаликово название дано в честь прославленного их земляка, генерала К. А. Цаликова и др. По славянским моделям были даны названия и селениям Комсомольское (переименовано оно), Красногор, Кирово, Октябрьское, Дачное и т. д. Таким образом, даже на примере из неактивной части лексики осетинского языка видим справедливость слов проф. В. И. Абаева о значении и возможностях влияния русского языка, названного им мощным культурным фактором, «... влияние которого отныне стало решающим и отодвинуло на второй план все другие воздействия и влияния»¹ на осетинский язык.

VII. Объекты, имеющие двойные названия

При изучении топонимии Осетии бросается в глаза одно явление: наличие у части объектов двух названий и только один раз зафиксировано наличие трех названий у географического объекта. Эти топонимы можно подразделить на несколько подгрупп.

а). Объекты, имеющие два названия, легко объяснимые и понятные из самого осетинского языка. Например:

Стур цада «Большое озеро» оно же и Тумбул цада «Круглое озеро»;

Дугей хуасгæрцæ «Дуге сенокос» он же и Æвзалусодзæн «Место выжигания древесного угля»;

Токойы лæгæт «Токо пещера» она же и Джыбылаты лæгæт «Джибыловых пещера»;

Къуырфытæ «Лощины» и Гогайы дзыхъхъ «Гога лощина»;

Дæлдзæгати къубус «Бугор под северным склоном» он же Астани къубус «Астана бугор» и Абисалти къубус «Абисаловых бугор» и т. д.

Все приведенные и им подобные названия сосуществуют параллельно, употребляются одинаково часто, ни одному из этих названий не дается предпочтение. Но нужно думать, что более поздними из них по

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 94.

времени возникновения являются те составные названия, где первый компонент восходит к личному или фамильному имени. Эти названия возникли, очевидно, в период расцвета феодализма и частной собственности на землю.

б). Вторую подгруппу составляют объекты, имеющие два названия, восходящие к разным языкам. При этом одно из этих названий осетинское, другое — тюркское или славянское. Например:

Колæ (из тюрк. куль) «Озеро» и Цадæ «Озеро»;

Абузги дон «Вздувающаяся вода» и Кулсуни дон (из тюрк. куль + сун) «Озерная вода»;

Дзобай хума «Дзоба пашня» и Обай цор «Возле склепа»;

Хъарагъæс (из тюрк. карагач) «Карагас» и Хъубадтыхъæу «Кубатиевых селение»;

Куыройы фыды нараг «Теснина, где мельничные жернова» и Волчий рот;

Абисалти будур «Абисаловых поле» и Питомник и т. д.

Я склонна думать, что в рассматриваемой подгруппе более ранними являются названия тюркского происхождения, а осетинские и славянские появились позднее. При этом наиболее употребительны последние. Хотя тюркские названия этих топонимов еще изредка и употребляются, но предпочтение отдается более поздним, понятным названиям.

в). Следующую подгруппу составляют объекты, имеющие два названия, из которых одно понятно, объяснимо, а другое не поддается пока объяснению. Например:

Уанехъба «Уанекба (?)» и Дзуарбадæн «Место обитания божества»;

Енкас «Енкас (?)» и Урдути бун «Под спуском»;

Зригæттæ «Зригатта (?)» и Калотыхъæу «Калотикау», букв. «Селение Калоевых»;

Джысджиу «Джисджиу (?)» и Дæргъæфсы æфцаг «Даргавский перевал»;

Лоски тегъæ «Лоски (?) вершина» и Царæктæ «Цараковы» и др.

Нужно думать, что и здесь древнее необъясненные названия.

г). И, наконец, последнюю подгруппу составляют объекты, имеющие два названия и оба они необъяснимы. Например:

Гончайы фæз «Гонча (?) площадка» и Тимцъйна «Тимцина»;

Гарнисджы дон «Гарниски (?) река» и Халбиаты дон «Халбиати (?) река»;

Наргъи дон «Нарги (?) река» и Къуссуй дон «Куусу (?) река»;

Хумеси дон «Хумеси (?) река» и Тæни дон «Тани (?) река» и др.

Сюда же я включила те объекты с двойными названиями, у которых одно из названий давно уже забыто, или известно узкому кругу специалистов. Например, в данное время, кроме некоторых специалистов-осетиноведов, никто уже не знает, что Дигорское ущелье прежде называлось Сафири ком. Селение (вернее развалины селения) Тотиты-

хъæу «Тотиевых селение» в Алагирском ущелье называлось еще и Амасин «Амасин (?)». Река Урсдон еще в XVIII в. носила тюркское название Аксу¹ букв. «Белая вода». Забываются постепенно вторые названия селений Текъатигъæу «Текаевых селение», Хъарадзаутигъæу «Караджаевых селение», Бæрæгъуын «Барагун» и др. Вместо них закрепляются их официальные названия Дзагеппарз, Хазнидон, Красногор.



Из всего сказанного в I и II главах настоящего исследования вытекает, что топонимическая система Северной Осетии складывалась в течение сотен веков. В ее формировании приняли участие ираноязычные, тюркоязычные народы, народы славянского и иберийско-кавказских языков.

В топонимической стратиграфии Северной Осетии четко выделяются следующие языковые слои (пласты):

1. Необъясненные названия и древнейший топонимический слой (пласт).
2. Кавказский слой;
3. Осетинский слой;
4. Византийско-римские вкрапления (условно: слой);
5. Тюрко-монгольский слой;
6. Славянский слой.

Преобладают в этой пестрой разноязыкой топонимической системе названия исконно осетинские (иранские). Их морфологический состав, структура слова — названия, типы словообразования топонимов полностью соответствуют таковым в современном осетинском языке.

В рассматриваемом слое имеем два способа словообразования: а). Словообразование с помощью аффиксов; б). Словообразование путем словосложения.

В первом случае в качестве топоформантов выступают словообразовательные и словоизменяющие аффиксы (префиксы, суффиксы, падежные окончания и показатель множественности -т-) современного осетинского языка. При этом преобладает суффиксальное словообразование, но продуктивность отдельных топоформантов неодинаковая.

Топонимы — сложные слова в основном образуются от сочетания именных и глагольных основ.

Все топонимы осетинского слоя, как впрочем и других слоев, восходят к собственным и нарицательным именам. В отапеллятивной топонимии легко выделяются различные семантические классы лексики осетинского языка.

¹ АВГР, Ф. Осетинские дела оп. 128/II, ед. хр. 1. л. 144.

В один слой объединены мною необъясненные названия и древнейший топонимический пласт.

Наличие значительного количества необъясненных названий объясняется не только отсутствием письменных памятников на языках доиранских насельников районов Центрального Кавказа (субстратная топонимия), не только полным незнанием пока этих языков, но, в известной мере, и деформацией географических названий при их устной передаче из века в век в устах разноязычных народов.

Число необъяснимых пока названий, может быть, сократилось бы несколько, если бы в распоряжении исследователя были топонимические словари отдельных административных единиц Северного Кавказа, не говоря уже о топонимических словарях больших природных регионов. Но даже при наличии всего этого нельзя утверждать, что все необъясненные названия будут объяснены. Многие из них, очевидно, никогда не будут осмыслены.

Нельзя также утверждать, что все необъяснимые пока названия являются самыми древними в топонимии Северной Осетии. Ведь мы видели, что на той территории Центрального Кавказа, которую сейчас занимают осетины, на протяжении последних двух с половиной тысяч лет сменяли друг друга разноязычные народы, каждый из которых оставлял здесь свою подпись в виде географических названий. Но ведь наука пока еще не располагает ничем, кроме этих подписей, иногда деформированных в немалой степени, о языке многих из этих народов. Об этом не следует забывать.

Да и те топонимические слои, которые мы можем без колебания относить к определенной группе, семье языков, как следует из предыдущего изложения, неоднородны в языковом отношении. Они разновременны и по своему возникновению. Так, в кавказском слое были выделены названия объясняемые из картвельских, адыгских, вейнахских языков. Тюрко-монгольский слой тоже не менее пестрый. На изучаемой территории прослеживаются тюрко-монгольские народности от гуннов до ногайцев, т. е. с IV по XX вв. Конечно, все это оставлял отпечаток на топонимии Осетии и усложняет ее изучение. Опираясь на указание В. И. Ленина о том, что «... отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему»¹ несомненно одно: выявление различных языковых пластов в топонимии Северной Осетии, лингвистический их анализ, выяснение ареала распространения названий того или другого топонимического пласта может помочь не только лингвистам в понимании отдельных вопросов диалектологии и истории осетинского языка. Все это может, очевидно, помочь и нашим историкам, разрабатывающим вопросы

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое, т. 29. Москва, 1963, стр. 318.

древнего периода. С одной стороны, факты топонимии подтверждают мнение историков о некоторых вопросах древней истории осетин (появление предков осетин в районе Центрального Кавказа; этнонимы отдельных иранских племен; встречи предков осетин на этой территории с другими народами и т. д.). С другой стороны, факты топонимии могут помочь им внести некоторые коррективы в понимание отдельных вопросов истории Осетии более раннего периода.

Здесь уместно будет сказать еще несколько слов о топонимических моделях изучаемого региона. Осетинский язык может характеризоваться следующими типами топонимических моделей:

1. Топонимы представляют собой чистые основы имен существительных или субстантивированных прилагательных. Например: Арв «Небо», Рагъ «Гребень горы», «Кряж», Фæз «Площадка», «Ровное место», Къозæ «Ельник», Тагæр «Клен», Хъæз «Камыш», Фугæ «Рододендрон кавказский», Мых «Дуб» (груз.), Дагъ «гора», «Складка горы» (тюрк), Сындз «Қолючка», Сау «Черный», Цъус «Маленький», Къох «Роща», Къуырф «Лощина» и т. д. Этот тип малопродуктивен.

2. Второй тип составляют топонимы основа+топоформант. Это очень продуктивный тип. Здесь преобладают именные основы. В качестве топоформантов выступают префиксы, суффиксы, падежные окончания и показатель множественности -т-.

Образования префикс+основа немногочисленны. Встречаются образования с префиксами а-, æр-, æрба-, ра-, ба-, с-. Обычно они присоединяются к основам отглагольных имен. Например: Скæсæн (префикс с-+основу глагола кæс+суф. -æn) «Скасан», букв. «место откуда открывается вид снизу вверх», Базилæн (префикс ба-+основу глагола зил+суф. -æn) «Базилан», букв. «место поворота» и др.

Образования основа+суффикс многочисленны. Здесь в качестве топоформантов выступают суффиксы -аг, -æг, -бын, -джын (-гин/-гун), -он, -дон, -æn, -л, -гон, -ын, -ыг (-уг), -дæр, а также суффиксы причастия -гæ, -д, -ст и др. Продуктивность перечисленных суффиксов в качестве топоформантов неодинаковая, точно также, как неодинаково продуктивны они и в образовании слов активной части лексики осетинского языка. Замечается также сужение значения суффиксов, когда они выступают в качестве топоформантов. Исключение составляет только суф. -æг, значение которого в качестве топоформанта шире. Кроме словообразовательных аффиксов, в качестве топоформантов выступают показатель множественности -т-, окончание родительного, дательного, местного-внешнего, местного-внутреннего и уподобительного падежей. Являясь средствами топонимического словообразования, эти форманты несколько теряют свое первоначальное значение. Так, топонимы, образованные от основ путем присоединения к ним показателя множественности -т- совсем не имеют значение множественности. Это значение в них утрачено.

В этом отношении ближе еще стоят к первоначальному значению топонимы, имеющие форму локативных и уподобительного падежей.

3. К третьему типу относятся топонимы — сложные слова. Здесь преобладают образования двусосновные и редко встречаются трехсосновы́е. Топонимы — сложные слова представляют собой сочетание двух имен существительных: Арыггом (арынг + ком), Балнад (бал + над), Суаргом (суар + ком), Чыырагъ (чыыр + рагъ); имя прилагательное + имя существительное: Сауварс (сау + фарс), Ногхъæу (ног + хъæу), Тъæбæгъæу (тъæпæн + гъæу), Фæтæнвæндаг (фæтæн + фæндаг); имя числительное + имя существительное: Иуфарсон (иу + фарс + суф. -он), Сæддагътæ (сæд(æ) + дагъ + показатель множеств. -т- + окончание им. п. мн. ч. -æ); наречие + имя существительное: Дæлæсых (дæле + сых), Уæлæсых (уæле + сых), Фæскъахыр (фæс(те) + къахыр), Раздзог (разæй + цог); имя + глагол: Дурдзæвæн (дур + основу глагола цæв + суф. -æн), Былхор (был + хор), Ёрвдзæвд (арв + цæвд) и т. д.

Этот тип в целом очень продуктивный.

4. К четвертому типу относятся составные топонимы. Они возникают из реальной необходимости дифференцировать местонахождение того или другого географического объекта. Чаще всего составные топонимы представляют собой сочетание из двух, реже из трех слов.

Отношения между компонентами составного топонима в основном определительные. Здесь наблюдаем твердый порядок расположения компонентов составного названия. Осетинскому языку свойственен вообще прямой порядок слов. В нем определение всегда предшествует определяемому. Он редко нарушается даже в сложных словах, где часто первая часть композита выполняет функцию определения по отношению к второй части. И, несмотря на это, в активной части лексики осет. яз. встречаются инверсии, т. е. наблюдается своеобразное нарушение прямого порядка слов, когда определение следует за определяемым. Топонимия же не знает этого.

Таким образом, не будет ошибкой, если скажем, что топонимия Северной Осетии характеризуется теми же топонимическими моделями, что и индоевропейские языки, в частности, славянские¹ и иранские (ягнобский, таджикский)². Иначе и быть не может. Ведь осетинский во всех основных сферах лексики и грамматики продолжает традиции индоевропейских, конкретно иранских языков.

Если же говорить об отношении признака, содержащегося в топониме, к его выражению и оформлению, то можно заключить, что для топонимов Осетии характерными признаками являются качественность, посессивность, плюральность.

¹ В. А. Никонов. Славянский топонимический тип, в сб.: Географические названия. Москва, 1962, стр. 17—18.

² А. Л. Хромов, цит. соч., стр. 50—54.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТОПОНИМОВ

Уже было отмечено, что все осетинские топонимы (объяснимые) восходят к собственным и нарицательным именам.

Географические названия, восходящие к собственным именам, образуются в основном от личных и фамильных имен и меньше от самих топонимов. Например: Дзанджерийы скъарæн «Дзанджери тропа». Хаситы суар «Хасиевых минеральный источник», Бетъры сугдон «Бетра (Петра) дровяник», Астани къубус «Астана бугор», Гетъотион «Принадлежащий Гетоевым», Бадон дон «Бада река» (Бад — название ледника, ущелья, селения в Алагирском ущелье), Дагоймаг «Из Дагома», «Дагомский» (Дагом — селение в Алагирском ущелье), Хæнæзон «Принадлежащий Ханазу» (Ханаз — селение в Дигорском ущелье) и т. д. Топонимов этого рода, т. е. восходящих к собственным именам, очень много.

Вторую группу топонимов составляют географические названия, восходящие к нарицательным именам, т. е. отапеллятивная топонимия. Они и составляют абсолютное большинство географических названий Осетии. Здесь (в отапеллятивной топонимии) отражены различные классы (семантические) лексики осетинского языка. Поэтому данная глава и посвящается семантической классификации топонимов Осетии. В топонимии Осетии мы имеем социальные термины, термины материальной и духовной культуры, растительного и животного мира, космические, географические и другие термины.

Уже было сказано, что словарный состав любого языка, в том числе и осетинского, не является застывшей, раз и навсегда данной неизменной массой. Напротив по отношению к другим разделам языка, как-то к фонетике, морфологии, синтаксису, лексика является наиболее подвижным и изменчивым разделом. Иначе и быть не может. Ведь лексика прямо и непосредственно связана с общественной жизнью народа и отражаются в ней происходящие в обществе изменения. Новые явления в общественной жизни ведут к появлению новых слов и понятий, т. е. к пополнению словарного состава языка. Пополнение это происходит раз-

выми путями: путем образования новых слов из возможностей самого языка, путем заимствования слов из других языков и т. д. Правда, не всегда для новых явлений общественной жизни язык заимствует слова из другого языка, или образует новые слова из своих возможностей. Иногда приспособливает язык для этой цели, имеющиеся ранее в нем, но выражавшие другие значения, слова.

Словарный состав языка не только растет, пополняется и обновляется, но часть его и отмирает. И отмирание части лексики также прямо связано с изменениями в жизни общества. Когда из жизни общества исчезают те или иные явления, то постепенно забываются и слова, которые употреблялись для обозначения этих явлений. Так, например, осетины теперь посуду покупают, а не изготавливают ее сами из дерева кустарно. В связи с этим уходят из активной части лексики и названия орудий, которыми пользовались для изготовления посуды, и, частично, названия самой посуды. Такие осетинские слова, как сивыр «деревянное корыто овальной формы с дырой в середине», кæфой «плетеный из мелких березовых прутьев совок», æндыг «часть горской сакли над очагом», таджин и лæтерæн «инструменты для выдалбливания дерева» и т. д. можно уже считать перешедшими в пассивную часть лексики.

Другой пример. Современный воин не одевается в доспехи, а граждане не носят обувь из сыромятой кожи. Поэтому навсегда уходят из активной лексики такие слова, как уарт «щит», схъæр «кольчуга», схъæрходæ «железный шлем», æрчъи «обувь из сыромятной кожи» и др. Приведенные выше слова имеют уже ограниченное употребление и то только в устах части жителей нагорной полосы Осетии. Поэтому, если они встречаются в тексте, то, как правило, комментируются.

Однако, слова отмирают не сразу. Они по-своему стареют, переходят из активной части лексики в пассивную, т. е. постепенно сфера их употребления сужается, становятся малоупотребительными, потом они отмирают и выпадают из словарного состава языка. Но не все слова, реальные значения которых исчезли из жизни общества, или сфера употребления которых сузилась, бесследно исчезают из языка. Многие из них переходят в пассивную часть словаря языка, где начинают, точнее — продолжают жить в новой функции. Пассивную же часть лексики составляют не только малоупотребительные слова, которые не имеют уже соответствующих реалий в общественной жизни народа, или имеют ограниченное употребление, но и подавляющее большинство топонимов, особенно микротопонимов. Причем, географические названия любого языка, очевидно, составляют наиболее устойчивую часть ее пассивной лексики. Это потому, что топонимы отличаются чрезвычайной живучестью. Живучесть же их объясняется тем, что топонимы яв-

ляются своего рода именами собственными. Став топонимом, слово ничего другого уже не означает, как название объекта, за которым оно закрепилось и оно в этой новой функции может жить сотни, а иногда и тысячи лет. Хорошо это можно проиллюстрировать на примере из топонимии Осетии. Среди географических названий Осетии имеем топонимы Джимара, Гуymiрийы фæтæн, Сирнад и др., восходящие к этнонимам древних иранских племен киммерийцев (первые два) и сираков. Или топонимы Уартау «Щитовидный», Уартауи бæрзонд «Щитовидного (места) возвышение», Асхъæрходау «Подобный железному шлему», Кæразау «Похожий на караз» (кæраз — навес из плетня без стенок, на который клали тело убитого молнией) и т. д. Хотя киммерийцы и сираки давно уже сошли с арены истории, воины уже не носят железные шлемы и не вооружаются щитами, а мировоззрение осетин настолько изменилось, что смерть, наступившая в результате поражения человека молнией, не считается божьим даром и не исполняют по такому покойнику обряда цоппай, но слова, выражавшие эти реалии, сохраняются еще в осетинском языке, в пассивной части его лексики. Сохраняются они в новой функции — в качестве топонимических названий, т. е. в качестве собственных имен.

Однако, это не значит, что топонимия является неизменяемой, застывшей частью (пассивной в основном) лексики. Она также подвержена изменениям, правда, в меньшей мере, как и остальная лексика. Больше всего изменений в топонимию вносятся в период больших изменений в жизни общества, в периоды революционного переустройства общественной жизни. Так, например, Октябрьская революция внесла свои изменения в топонимию Осетии. Уже в первые годы революции мы видим, что появляются новые названия населенных пунктов, улиц, площадей типа Пролетарский проспект, площадь Революции, улица Революции, ул. Красных партизан, площадь Свободы с.с. Комсомольское, Красногор, Сурх-Дигора и т. д. Эти новые названия, отражающие социальные изменения в обществе, возникли в основном в результате многочисленных переименований названий старых объектов и появления новых объектов. Но эти изменения, по сравнению со всей топонимией, весьма незначительны. В целом все же топонимия — довольно устойчивая часть лексики. Поэтому в ней, как в зеркале отражаются многие стороны жизни, общественного уклада, мировоззрения народа. Топонимия хорошо сохраняет очень многое из отраслевой лексики языка. Таким образом выходит, что наша топонимия является своего рода хранилищем лексики нашего языка. И не только лексики, но она является и живым свидетельством отдельных сторон прошлой жизни и быта нашего народа. Попытаемся это показать ниже.

1. Социальные термины в топонимии

В числе социальных и общественно-политических терминов в топонимии Осетии находим такие древние термины, как æлдар «господин», «владелец», «князь», æхсин «госпожа», «княгиня», среднеазиатский политический термин афшин «госпожа», «владыка», «хозяйка».

По свидетельству В. И. Абаева «Термины æлдар «господин», «владелец», «князь» и æхсин «госпожа», «княгиня» относятся к самым старым исконно осетинским социальным терминам. Термин æлдар засвидетельствован в сарматских личных именах со II в. н. э.»¹. Социальный термин æлдар встречается в топонимах Æлдайраг «Предназначенный алдару», Æлдаррезæн циртдзæвæн «Надгробие (в том месте), где дрожал алдар», Æлдары бадæн «Алдара резиденция».

Среднеазиатский политический термин афшин в осетинском встречается в двух вариантах — æфсин и æхсин. Его мы имеем в топонимах Æхсинбадæн «Резиденция владыки, госпожи» (в Куртатинском ущелье и на территории левого берега р. Тёрек), Æфсины бадæн «Резиденция владельца, госпожи», Æхсины хуым «Владельца, госпожи пашня». Сюда же, возможно, следует относить и топоним Æхсинтæ «Ахсинтта» (Дигорское ущелье).

В. И. Абаев среднеазиатский политический термин афшин считает термином массагетского матриархата, сохранившимся в осетинском до наших дней². Содержание слова æфсин, æхсин, конечно, менялось в соответствии с изменениями общественных формаций. Если первоначально æфсин означало хранилище домашнего очага (в период матриархата), то потом стало означать вождя племени (в период военной демократии), а затем правителя (в период феодализма). В топонимии этот термин, очевидно, появился в период феодализма, в связи с развитием частной собственности на землю. Еще более давними, чем топонимы, содержащие социально-политические термины æфсин, æхсин, æлдар, являются географические названия в состав которых входит социальный термин нихас «место общественного собрания мужчин старшего и среднего возраста данного населенного пункта».

Нихасу отводится большое место в жизни мифических предков осетин — Нартов. Все свои важнейшие внутренние и внешние дела нартовское общество всегда решало на большом нартовском нихасе. Сюда приходили нарты поделиться новостями, сообщить о своих ратных делах, здесь решались споры между нартовскими родами и отдельными

¹ В. И. Абаев. Осетинский социальный термин æлдар. В кн.: Известия СОНИИ, т. XXVII, языкознание. Орджоникидзе, 1968, стр. 23.

² В. И. Абаев. Среднеазиатский политический термин афшин. В кн.: ВДИ, № 2, 1959, стр. 115.

представителями нартского общества. Наконец, именитые и другие нарты приходили на нихас и в тяжкие минуты жизни.

Осетины тоже испокон веков, вплоть до 20-х годов XX в., решали свои общественные дела, вопросы военных походов и прочее на нихасе¹. Были даже нихасы ущельского масштаба и нихасы известные далеко за пределами данного ущелья. Это нихасы Мадзаскæ «Мадзаска» для жителей сел Стур-Дигорского прихода, Стъона «Стона» для жителей сел Махческого прихода, Мацутæ «Мацута» для всех жителей Тапан Дигории, Мадизæн «Мадизан» для жителей сел Дагомского прихода, всего Алагирского ущелья и даже Балкарии, Ныхас «Нихас» — для Алагирского ущелья и т. д. На нихасе осетин давал клятву (ард хорд-та). На нихас не ходили и здесь не сидели женщины. Нихас был своего рода священным местом мужчин. Вот этот социальный термин нихас нашел место и в топонимии. Его мы находим в топонимах Ныхас «Нихас», Нарты нихас «Нартовский нихас» (возле с. Лац в Куртатинском ущелье и возле с.с. Калух и Ново-Урух на левом берегу р. Терек), Ныхасы Уастырджи «Нихаса святой Георгий», Цъахти нихас «Семьи (рода) Цаха нихас». Эти топонимы, по-видимому, являются отзвуком периода общинно-родового быта осетин.

Общинно-родовые отношения осетинского общества отражены и в таких географических названиях, как Астæйуаг «Общий», «Общественный», Зиугарст, Зеугарст «Скашиваемый зиу» (зиу — форма безвозмездной помощи), Зиуаджы тъæпæнтæ «Ровные участки, предназначенные для обработки зиуом», Æхсæйнаг «Общественный», Æхсæны хуым «Общая пашня» и т. д.

В топонимах Абырæджы æрдызт «Абрека корчевка», Туджы уыгæрдæн «Луг за кровь», Быны фæз «Вымершего рода (семьи) площадка», Магуыры обау «Бедняка курган», Сауджыны зæхх «Священника земля», Диакъоны зæхх «Дьякона земля», Фиддæн къул «Штрафной склон», Архнерейская дача, Церковный участок и т. д. отражена в какой-то мере структура осетинского общества и некоторые обычаи осетин.

Таким образом мы видим, что социальные термины хорошо представлены в топонимии Осетии и в основном они восходят, кроме названий славянского происхождения, к исконно осетинской лексике.

2. Термины из фольклора и Нартовского эпоса в топонимии

В осетинском сказочном фольклоре, а также в Нартовском эпосе большое место отводится уаигам «великанам», «циклопам». Уаиги наделены огромной физической силой. Они необычны и по внешнему сло-

¹ А. Х. Магометов. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, стр. 411—417.

жению: то они (уаиги) семиглавые, то одноглазые. Не зубы у них, а клыки. При этом рот уаига такой большой, клыки такие огромные, что один клык его находится на верхнем небе (на небесах), другой — под небесами. Необычны и орудия труда уаига. Обычно он переносит горы с места на место. Чтобы умерить свой бег, надевает на ноги мельничные жернова. Если речь идет о великанше, то, как правило, ее веретено — бревно, пряслица — мельничный жернов.

Уаиги в сказках всегда выступают врагами разумных существ. Они поедают людей, вредят им. Они причиняют последним беды благодаря своей огромной физической силе.

Сказки органически связаны с народным бытом, с общественной жизнью, со всем реальным окружением людей. И в топонимии, особенно в топонимии нагорной полосы Осетии, все необычное, скажем, объекты, поражающие своими размерами, труднодоступностью, или требующие большого напряжения физических сил для обработки, словом, все то, что поражало воображение людей, связывалось с именем сказочных великанов — уаигов. Этим, видимо, следует объяснить наличие географических названий Уа́йыгбарз (уа́йыг «великан» + барз «возвышение», «кочка») «Великана возвышение», Уа́йыджы мусуат «Великана гумно», «Великана гумна место», Уа́йыджы бæхбæттæн «Великана коновязь», «Великана ключица», Уа́йыджы тыччы «Великана игровой камешек» и т. д.

К сказочным персонажам восходит и название Мæлыччы рагъ «Малика гребень». Малики — тоже выступают в сказках врагами людей. Но в отличие от уаигов, они не наделены необычной физической силой, хотя они и сильнее людей.

Значительно больше представлена в топонимии Осетии, так сказать, нартовская номенклатура. Эти названия можно подразделить на несколько групп. Здесь следует выделить названия, в которых отражено собирательное название мифических предков осетин — нартв. Это топонимы Нарты ныхас/Нарти нихæс «Место сбора Нартовских мужчин», «Место времяпровождения Нартов». Топонимы Нарты ныхас/Нарти нихæс зафиксированы как в нагорной полосе, так и на территории плоскостной части Осетии.

Другие топонимы связаны с личными именами героев эпоса, или с именами врагов нартв. Имя Сослана — одного из именитых нартв зафиксировано в топонимах Сослани цирт «Сослана могила», Сослани хумæ «Сослана пашня» (пахотный участок возле с. Нара в Дигорском ущелье, урожай из которого шел всегда на общественный пир в память о нарте Сослане), Сослани гæнгæнæнтæ «Сослана прыгалки» (несколько каменных куч на расстоянии 20—30 м. друг от друга). Из других личных имен эпоса в топонимии имеем Мæргъузи ком «Маргуза ущелье», Сирдони мосуаттæ «Сирдона гумна», «Сирдона гумен места»,

Сырдоны хуссар «Сирдона южный склон». В топониме же Уæргæт имеем ту же древнеиранскую основу «волк», что и в личном имени родоначальника нартов Уæрхæг «Уархаг»¹. И, наконец, в топонимах Соппæр «Соппар», Соппæры фæз/Суппæры фæз «Соппара/Суппара площадь», Соппæры фæтæн «Соппара простор», Соппæры къæхæн «Обрыв в Соппаре» зафиксировано имя врага нартов, владельца огромных земель².

Следующую группу составляют топонимы, совпадающие с таковыми в нартовском эпосе. Именитые нарты и славная нартовская молодежь часто собирается в местности Зилахар³. Сюда приходят нарты на охоту. Здесь нартовская молодежь состязается в ловкости. Такое же название, т. е. название Зилахар закреплено за значительной лесной поляной, где некогда было и одноименное селение, к юго-западу от с. Црау. Кроме Зилахар, одинаковы с географическими названиями эпоса топонимы Тарæ ком «Тара ущелье», «Мглистое ущелье», Сухон (Сух (?) + суф. -он) «Сухон»⁴, «Из местности Сух», Сухоны къахыр «Сухона щербина», Сухоны рагъ «Сухона гребень».

В комментариях к эпосу сказано, что Сух — название местности⁵. Этот же элемент имеем, видимо, и в топонимах Сухон, Сухоны рагъ, Сухоны къахыр.

Слово тар/тарæ встречается в Нартовском эпосе в качестве личного имени. Одного из врагов нартов называют Тары-фырт Мукара «Тара сын Мукара». Наряду с этим, мы имеем в осетинском фольклоре и топоним Тарæ ком «Тара ущелье», «Темное (мглистое) ущелье». В Тарæ ком уносит сказочный человек-зверь красавицу-дочь покровителя зверей Авсати.

3. Этнонимы в топонимии

Исчерпывающий исторический анализ происхождения и расселения тех или других ираноязычных или аборигенных племен на территории Центрального Кавказа не входит в нашу задачу. Такой анализ может стать предметом самостоятельного исследования. В данном же параграфе перед нами стоит другая цель — раскрыть значение тех топонимов, которые восходят к этнонимам.

Из предыдущей главы мы знаем, с какими народами и племенами общались предки осетин в районе Центрального Кавказа, начиная хотя бы с I-х веков н. э. Знаем также, что первое появление скифо-сармат-

¹ Известия СОНИИ, т. X, в. I, Дзауджикау. 1945, стр. 25.

² Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948, стр. 498.

³ Там же, стр. 496.

⁴ Там же, стр. 498.

⁵ Там же, стр. 498.

ских племен в этом районе регистрируется с VII—VI вв. до н. э. История не сохранила, к сожалению, этнонимы очень многих племен, входивших в объединение скифо-сармато-алан. Она нам не сохранила также этнонимы многих аборигенных племен. Следовательно, многие племена (и их этнонимы), с которыми встречались и ассимилировались предки осетин на Кавказе, исчезли бесследно. Несомненно однако одно — каждое древнее племя имело свою определенную территорию и свое постоянное имя, хотя «... Названия племен, по-видимому, в большинстве случаев возникали случайно, чем выбирались сознательно; с течением времени часто случалось, что соседние племена давали племенным именам, отличное от того, которым называло себя само племя...»¹. Не исключено также, что некоторые из необъясненных топонимов восходят к этнонимам недошедших до нас племен аборигенов и скифо-сармато-алан. В то же время топонимия Осетии сохранила этнонимы многих племен и народностей, населяющих районы Центрального Кавказа с древнейших времен и до наших дней. Этнонимы эти, став собственными именами, т. е. став названиями географических объектов, сохранились в этой своей новой функции и служат теперь свидетельствами истории.

В топонимии Осетии насчитывается более 100 географических названий, восходящих к этнонимам. Эти названия могут говорить не только о племенном составе самого осетинского народа, но и о связях и встречах осетин в процессе длительного исторического пути их развития с другими народами и племенами.

Рассматриваемые топонимы можно подразделить на несколько групп. Прежде всего, в нашей топонимии отражены этнонимы каких-то мифических племен (или мифической народности) царциатæ «царциата» и нартæ «нарты». О последних речь шла во втором параграфе данной главы. Что же касается этнонима царциатæ, то он сохранился в осетинском фольклоре. Эта, исходя из осетинского фольклора, из того, что до сих пор у осетин о чем-то удивительном, необычайном говорят царциаты диссагтæ «царциевские чудеса» и т. д., какая-то очень удивительная, необычайно могущественная народность. Проф. Меликсет-Беков Л. М. допускает следующие объяснения термина царца: а) представляет собой искажение сословного названия Цæргæсат «Царгасат»; б) царциат, возможно, является наименованием одного из яфетических племен; в) царциат или царца будто-бы по-осетински (осски) означает материальную ценность, добытую путем раскопок².

Проф. Кокиев Г. А., принимая частично третий пункт объяснения термина царца, данное Меликсет-Бековым Л. М., вносит свою поправку и

¹ Ф. Энгельс. Присхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, изд. 2. Москва, 1961, стр. 87.

² Л. М. Меликсет-Беков. К археологии и этнологии Туальской Осетии. Труды Закавказской научной ассоциации, в. 1. Тифлис, 1924, стр. 272—274.

считает, что этот термин означает не «сѡкровища зарытые в землю», «я просто множество или массу чего-нибудь или кого-нибудь»¹. Нам кажется, что трудно согласиться с приведенной поправкой Кокиева Г. А., как впрочем и с положениями Меликсет-Бекова Л. М. Приведенные Кокиевым Г. А. цитаты свидетельствуют не о множестве вообще, а о чем-то удивительном, необычном. Название (этноним) этой мифической народности мы имеем в топонимах Царциаты уыгърдѣн «Царциати (Царциевский) луг», Царциаты уѣлмѣрд «Царциати (Царциевское) кладбище». Последний топоним (Царциаты уѣлмѣрд) зафиксирован в Алагирском, Кобанском и Труссовском ущельях, т. е. в нагорной полосе Северной Осетии и в Казбекском районе Грузинской ССР.

Этнонимом такой же мифической народности, или какого-то древнего племени является и сѣн/сон. Он также встречается в топонимии нагорной полосы Северной Осетии и Казбекского района Грузинской ССР. С этнонимом сѣн/сон мы имеем топонимы Сонайы кѣахыр «Сонов щербина», Сонайы Уастырджи «Сонов св. Георгий», «Уастырджи (святылище в честь Уастырджи) в местности Сон», Сѣнаг «Принадлежащий санам». Этот же элемент имеем и в прежнем названии с. Казбеги и горы Казбек — Сѣна «Сана» и Сѣнайы хох «Санов гора». Очевидно этот же элемент сѣн/сон имеем и во второй части названия Мамысоны ком «Мамисонское ущелье». При этом нужно заметить, что саны/соны не были дружественны с предками осетин. Иначе бы не сохранились такие неразложимые словосочетания и концовки сказок в осетинском, как рын, сонѣй хызт у «чтобы ты был оберегаем от болезней (от эпидемии) и сон (т. е. от врага)»; мѣ сон кѣй, йе уонѣмѣ цѣуѣд «кто мой враг, пусть к ним идет»².

Возможно, к этому этнониму восходят и первые компоненты названий Сунти кѣарѣ «Сунов ворота», Сынты хид «Сунов мост».

Однако, следует заметить, что в топонимии Осетии мы имеем не только этнонимы мифических, или предполагаемых древних племен. Здесь мы имеем и этнонимы вполне реальных древних племен и народностей. Прежде всего, тут следует назвать топонимы Гуымирийы фѣтѣн «Гумири простор», Джимара «Джимара», Нар «Нар», Сирнад «Сирнад», букв. «Сиров (сираков) путь», Дайраны ком «Дарьяльское ущелье», Аланбоз «Аланский склон», Дѣйыхѣу «Даикау» и др. Даже простое их перечисление уже говорит о том, что перед нами топонимы, восходящие к этнонимам древних скифо-сармато-аланских племен и ираноязычных народностей.

Самыми древними из перечисленных бесспорно являются топонимы

¹ Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 42.

² Этот пример взят из Осетинско-русско-немецкого словаря Вс. Ф. Миллера, т. II, Ленинград, 1929, стр. 1114.

Гуымирийы фæтæн и Джимара. Название Джимара закреплено за ледником, ущельем, рекой и селениями в Даргавском и Трусковском ущельях. В географических названиях Гуымирийы фæтæн и Джимара имеем этноним древних киммерийцев, очевидно, ранее других ираноязычных племен проникших в район Центрального Кавказа. Сейчас все разделяют мнение о том, что древние киммерийцы были ираноязычным народом¹, и, что их самоназвание сохранилось в таких топонимах Осетии, как Гуымирийы фæтæн и Джимара (разумеется и в составных топонимах Джимарайы цъити «Джимаринский ледник», Джимарайы ком «Джимаринское ущелье», Джимарайы хъугом «Ровные пашни с. Джимара» и т. д.). Более ранняя фонетическая форма названия Джимара должна была быть Гимара, т. е. такая форма, которая бы соответствовала тому периоду развития осетинского языка, когда в иронском диалекте его не было еще перехода заднеязычных г, к, х и смычного цъ в аффрикаты перед гласными переднего ряда. Эту более раннюю форму находим в топониме Гуымирийы фæтæн.

Этнонимы скифо-сармато-аланских племен имеем в других топонимах, приведенных выше. Видимо, в ойкониме Дæйыхъæу «Даикау» имеем этноним скифского племени даи. В работе В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» находим указание, что «Даи — скифское племя, они кочевники, называются также дасами...»².

За пределами Осетии зафиксирован гидроним Деи³. Что Даикау и Архон очень древние места поселения, подтверждается данными археологии.

Этноним могущественного союза сарматских племен сираков, играющих важную роль на Северном Кавказе (конец I тысячелетия до н. э. и I—II вв. н. э.)⁴, сохранился в нескольких осетинских топонимах. Его мы имеем в ойкониме Сирнад «Сирнад», букв. «Сирова (Сираков) дорога», в топонимах Сирнад (Куртатинское и Санибанское ущелья Северной Осетии и Трусковское ущелье Казбекского района Грузинской ССР), Сыры дзыхъхъ «Сирова (сираков) лощина». Если обвести чертой ареал топонимов, содержащих элемент сир, то будут охвачены Туалетия, Алагирское, Куртатинское и Санибанское ущелья Северной Осетии и далее на юг Трусковское ущелье. Такое расположение топонимов также является косвенным свидетельством, подтверждающим положение историков о могущественности сарматского союза племен — сираков. Это подтверждает, как было уже сказано, и известное положение проф. Абаева В. И. о том, что иммиграция иранских (аланских) племен в рай-

¹ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. Москва, 1965, стр. 125—127.

² ВДИ, № 3, 1948, стр. 318.

³ И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 42.

⁴ Журн. «Советская археология», № 1, 1965, стр. 113.

он Центрального Кавказа шла двумя последовательными волнами: первой — «дигорской» и второй — «иранской»¹.

Еще шире представлен в осетинской топонимии этноним другого иранского племени мардов². В топонимии данный этноним встречается в двух фонетических вариантах — мар/нар. На территории Осетии записаны ойконимы Нар (Туалетия) и Нарæ (Дигорское ущелье). Этот же элемент нар имеем в топонимах Биснар, Дзыхънар (варианты его: Дыхънар, Быхнар), Нарсара и, может быть, Нарыкътæ. Его мы имеем и в первом компоненте нескольких составных топонимов. Например: Нары æфцæг, Нары/Нари дон, Нары хуссар, Нары дзуар, Нари скъæдуат и т. д. Топонимы с элементом нар зафиксированы и за пределами Северной Осетии. Так, возле с. Коби в Казбекском районе имеем ущелье Наруан и Наруаны цагат, а в с. Окрокана святилище Нары Уастырджи. На территории Юго-Осетии — с. Цъунар «Цунар», букв. «Маленький Нар».

Элемент мар закреплен в топонимах Маррагъ, Мархат (Куртатинское ущелье), Мараты æфцæг (Дигорское ущелье). За пределами Осетии, на территории Карачаево-Черкесии, возможно, в топониме Марух и ойкониме Маруха имеем тот же элемент мар. Кроме того, на территории Осетии зафиксированы ряд необъяснимых пока географических названий с основой близкой к нар. Это топонимы: Наргъ, Наргъийы уыгæрдæнтæ (возле с.с. Камцхо и Сатат в Туалетии), Наргъæ, Наргъи дон, Наргъи адагæ, Наргъи ком, Къухынаргъ (возле с.с. Махческ, Фараскат, Камунта и Куссу в Дигорском ущелье) и Аеддаджи наргъ (возле развалин с. Луар в Алагирском ущелье). Следует заметить, что как топонимы с нар/мар, так и топонимы с наргъ локализируются на одной и той же территории нагорной полосы Осетии. Если нанести на карту Осетии топонимы с мар/нар и наргъ, то увидим, что они занимают западную часть Куртатинского, восточную часть Алагирского и Мамисонское ущелье Туалетии, затем ту часть Дигорского ущелья, которую считают Тапан Дигорией, т. е. восточную и юго-восточную часть Дигорского ущелья. За пределами Тапан Дигории зафиксирован только гидроним Наргъи дон (возле с. Куссу).

В литературе существуют разные мнения о значении топонима Нар. В. Пфафф еще в конце прошлого века писал, что «... великое и знаменитое в древнейшей истории человечества племя мардов, обитавших на южном берегу Каспийского моря оставил свое название в нартах»³. Вслед за ним, в 1930 г. Алборов Б. А. высказал мнение, что в топониме

¹ Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы, т. 1, в. II, языкознание. Грозный, 1959, стр. 115.

² Б. С. Гаглойти, цит. соч., стр. 92; М. Андроникашвили, цит. соч., стр. 522.

³ Сборник сведений о Кавказе, т. 1, 1871, стр. 146—147.

Нар сохранился этноним древних мардов¹. Он считает, что ойконом Нар и этноним мифических предков осетин — нартов восходят к одному источнику. Этим источником по мысли Алборова Б. А. было государство Нара или Наири в Малой Азии, чье политическое влияние распространялось на север вплоть до истоков Куры, до Черного и Каспийского морей.

В своем капитальном исследовании «Нартовский эпос»² В. И. Абаев анализируя термин «Нарт» приходит к выводу, что он восходит к монгольскому нара «солнце»³, что этот монгольский термин получил осетинское оформление. Здесь мы читаем: «Итак, первое что мы устанавливаем это,— что термин Нарт включает осетинский морфологический элемент — показатель множественности -тæ, и следовательно, если даже он — не осетинского происхождения, он имеет осетинское оформление»⁴. Это положение В. И. Абаева разделяют Б. А. Калоев и Т. А. Гуриев⁵. Далее В. И. Абаев считает, что «Кроме термина нарт, монгольское нара «солнце» отложилось в некоторых топонимических названиях. В Осетии имеется два селения, одно в Туалетии, другое в Дигории, которые носят название Нар, Нары-хъæу. Мы видим, что Нары-хъæу значит не что иное, как «Аул солнца»⁶. Вот с этим последним положением В. И. Абаева мы позволим себе не согласиться.

Не будучи специалистом по эпосу, я не берусь судить о происхождении термина нарт. Только некоторое сомнение вызывает то обстоятельство, что все народы Кавказа от Адыгеи до Абхазии, у которых бытует Нартовский эпос «... и герои этих сказаний у всех упомянутых народов известны под общим наименованием «Нартов»⁷, забыли первоначальное его название и позаимствовали для него название монгольское, т. е. название из языка того народа, который по сравнению с истоками эпоса, соприкасался с народами Кавказа, в частности с осетинами, хоть и длительное время, но сравнительно поздно (XIII—XV вв. н. э.). Ведь сам В. И. Абаев в указанном исследовании пишет: «Анализ отдельных циклов, составляющих нартowski эпос, вскрывает, что древнейшие из них ведут нас в такую глубину веков, когда даже приближенная датировка становится затруднительной, в эпоху тотемизма, матриархата и первоначального мифотворчества, тогда как более молодые части эпоса

¹ Проф. Б. А. Алборов. Термин «Нарт». Владикавказ, 1930, стр. стр. 251, 261. 295, 296 и др.

² Известия СОНИИ, т. X, в. 1. Дзауджикау, 1945 г.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 89.

⁵ Б. А. Калоев. Осетины. Москва, 1967, стр. 32; журн. «Мах дуг», № 8, 1969, стр. 103—110. На осет. яз.

⁶ Известия СОНИИ, т. X, в. 1. Дзауджикау, 1945, стр. 90.

⁷ Там же, стр. 7.

датируются XIII веком нашей эры»¹. Возможно, название древнего и многослойного Нартовского эпоса и восходит к монгольскому нар, может все народы и забыли одновременно первоначальное его название, или их чем-то пленили монголы, что самому большому своему духовному сокровищу дали монгольское название, название взятое у жесточайших завоевателей. Что же касается топонимии Осетии, то мы уже убедились, что она не ограничивается ойконимами Нар, Нары-хъæу. Элемент нар достаточно широко представлен в топонимии в форме мар/нар и локализуются географические названия с указанным элементом компактно в определенной части нагорной полосы Осетии. При этом нужно думать, что населенные пункты Нары-хъæу (в Туалетии) и Нарæ (в Дигории) возникли значительно раньше нашествия монголов. Правда, районы расположения указанных селений, как и многие другие районы нагорной полосы Осетии, пока недостаточно изучены археологически, нет и письменных источников в нашем распоряжении. Но имеющиеся исследования по древней истории Осетии не оставляют сомнения, что предки осетин скифо-сармато-аланские племена появились и осели в районе Центрального Кавказа задолго до 1-х веков н. э. Об этом говорят и памятники христианства старшей поры в нагорной полосе Осетии. Стало быть, задолго до монголов предки осетин жили в ущельях Центрального Кавказа и как-то называли свои населенные пункты. Не было у них никакой необходимости переименовывать существующие названия населенных пунктов и давать им монгольские названия. И далеко не все топонимы и ойконимы, содержащие элемент нар расположены на солнечной стороне. Очевидно, правы те ученые, которые элемент нар возводят к этнониму мардов. Что это этноним, ощущается в таких названиях, как Мархат (мар+измененное общеиранское кат, ката «жилище, дом, поселок, город, укрепленное место, крепость»²) «Мархат», букв. «Маров жилище», «Маров поселок». Мархат — забытое название с. Калотикау в Хилакском ущелье; Маррагъ (мар+рагъ «хребет», «гребень горы») «Маров хребет», Дзыхънар (дзыхъхъ «впадина», «лощина»+нар) «Лощинные нары», Цъунар (цъус «маленький», «небольшой»+нар) «Цунар», букв. «Маленький нар» и др. Нужно, видимо, допустить, что к разным источникам восходят термин «нарт» и топонимы с элементом нар/мар. Последние несомненно восходят к этнониму древних мардов, располагаемых Плинием к северу от Пителинта/Пицунды³.

Топонимия сохранила нам и этнонимы некоторых других иранских племен. Так, в топонимах Дайраны ком, Дайран «Дарьяльское ущелье», «Дарьял», Дайраны наръг «Дарьяльская теснина», Аланбоз «Аланов

¹ Известия СОНИИ, т. X, в. 1. Дзауджикау, 1945, стр. 9.

² Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов, Москва, 1959. стр. 105.

³ Ю. С. Гаглойти, цит. соч., стр. 92.

склон», Алонта, Аландон (Птоломеевская Алонта и Аландон армянских источников отождествляются с Терекон)¹ сохранился этноним алан. В топонимах Ассон ком «Ассов (асское) ущелье» и Стур-Дигорæ «Стур-Дигора» сохранилось самоназвание тех дигорцев (точнее тех предков дигорцев), которые назывались Ас/Аш дигор в противоположность тем, которые назывались (и теперь называются) Тъæпæн дигорæ «Тапан дигорцы», букв. «Низинные (равнинные) дигорцы». Этот же ас/аш обнаруживаем в Верхнем Чегеме в названии сторожевой башни Ассы-Кала букв. «Асская (ассов) крепость»².

Говоря об отражении этнонимов древних аланских племен в топонимии Осетии, хочется еще сказать, о топонимах Уалты адаг «Уалов (валов) овраг», Уантæ/Уелтæ «Уалта (Ванта) Валу/Уелта (Велта) Валу», Уелы фæз «Уела (Валов) площадь». Все эти топонимы зафиксированы в Алагирском ущелье и в Туалетии. К этой же группе топонимов, видимо, относится и общее название части Алагирского ущелья (часть от Кассарской теснины до Мамисонского перевала на западе и Трусовского перевала на юго-востоке) — Туалгом (из туал «туалов» + ком «ущелье») «Туалгом», «Туалов ущелье», «Туальское ущелье», «Туалетия». К сказанному следует еще добавить наличие в осетинском ономастике фамилий Уалытæ «Валиевы», Уæлатæ «Валаевы», в основе которых также имеем элемент уал/уæл. Нам думается, что в приведенных топонимах и фамильных именах нетрудно увидеть древний этноним тал, о чем справедливо говорит и Ю. С. Гаглойти: «Обращает на себя внимание этноним тал, упоминаемый Плинием и Солином в качестве восточных или, возможно, юго-восточных соседей аорсов. Это имя было уже отождествлено в исторической литературе с именем дивали Пейтингеровой таблицы, уалами/валами Птолемея, валлами самого Плиния и двалк Монсея Хоренского»³. Этот же древний этноним я усматриваю и в топонимах Уæлладжыр, Уæлладжыры ком «Алагир», «Алагирское ущелье», букв. «Уалов/валов Осетия», т. е. «Та Осетия, где живут уалы/валы», а не современное понимание его «Верхняя Осетия». Переосмысление этого топонима, как Верхняя Осетия (Уæллагир из уæллаг «верхняя» + Ир «Осетия») произошло позже, когда не стало понятным содержание древнего этнонима уалаг (из уал «вал», «уал» + суф. -аг) «уалаг/валаг». Аналогичное явление имеем ведь и в ойкониме Стур-Дигорæ, где в первой части слово стур появилось в результате переосмысления древнего ас(аш) в Ас /Аш дигор.

В топонимии Осетии отражены не только этнонимы древних скифо-сармато-аланских племен. Здесь отражается и диалектное деление

¹ Ю. С. Гаглойти, цит. соч., стр. 85.

² И. М. Чеченов, цит. соч., стр. 84.

³ Ю. С. Гаглойти, цит. соч., стр. 93—94.

современных осетин. Это видно в географических названиях Уæлладжы-ры ком «Алагирское ущелье», Дигоргом «Дигорское ущелье», Ираф «Ираф», букв. «Ирская река», Ирацауи къæхæнтæ «Обрывы, по которым двигались иры (осетины)». Ирон уæрых «Иров (осетин-иронов) простор», Дигори къах «Дигорцев полоса», Дигорæ «Дигора» (город в СО АССР) и т. д. В топонимах Туалгом «Туальское ущелье», «Туалетия», Къуыдары æфцæг «Кударский перевал», Туалæгон «Принадлежащий туалъцу», Туалты адаг «Туальцев овраг» и др. отражено деление осетин на более мелкие единицы, основанное на особенностях их говоров. Наконец, как предположение можно допустить, что, возможно, в названии Куырттаты ком «Куртатинское ущелье», в ойконимах Луар «Луар», Гæлиат «Галиат», Хълиат «Клиат» сохранились этнонимы древних племен куртаргар Захария Ритора¹, глюар и гаты, галаты Фавстоса Бузанда².

В топонимии Осетии нашли отражение и этнонимы тех народов, с которыми они встречались в процессе своего сложного и длительного исторического пути развития. Ираноязычные предки осетин, обосновавшиеся среди кавказского языкового мира, тысячелетиями находятся в тесном общении с последними. О вкладе кавказских языков в топонимию Осетии речь шла раньше. Здесь скажем только об отдельных топонимах, восходящих к этнонимам кавказских народов. Это географические названия Гуырдзийы æфцæг «Грузинский перевал», Гуырдзийы дарæн «Грузин урочище», Гуырдзийы адаг «Грузин овраг», Сарий гъæууат «Место селения сванов», Хиуы ком «Мохевцев ущелье», Кæсæги хонсар «Кабардинцев солнечная (южная) сторона», Кæсæджы обæуттæ «Кабардинские курганы», Кæсгон хумæ «Кабардинская пашня», Мæхъæлмæ фæндаг «Дорога в Ингушетию» и т. д.

Возможно, в ойкониме Захъхъа «Закка» и в топониме Захъхъагом «Закинское ущелье» имеем этноним древних зихов.

Сохранились в топонимии Осетии и такие названия, восходящие к этнонимам, как Гречъы уæлмæрдтæ «Греческое кладбище» Уæрæмæн, Уырымæн букв. «Принадлежащий римлянину», Æрджы бынтæ «Ниже аргов», Æрджы нарæг «Аргов теснина», Бердзенты фæз «Греков площадка» и т. д. Как видим, перед нами этнонимы греков и римлян. Эти топонимы, очевидно, сохранились из тех отдаленных времен, когда византийцы и римляне имели влияние на Аланию. Только топонимы Бердзенты фæз «Греков площадка» и Бердзенти къæхæнтæ «Греков обрывы» возникли, конечно, значительно позже и под влиянием грузин, т. к. из всех кавказских народов «бердзени» называют греков только грузины.

В топонимии Осетии находим этнонимы и отдельных тюрко-мон-

¹ Ю .С. Гаглойти, цит. соч., стр. 129.

² Там же, стр. 152.

гольских народностей. Так, этноним гуннского племени сабиров законсервировался в топонимах Сапыры ком «Сапиров (сабиров) ущелье» и Сафири ком «Сафиров (сабиров) ущелье», Собираательное таттар «татары» в названии почитаемого в прошлом святилища Таттартупп «Татартуп», букв. «Татарский холм». Этноним ногайцев имеем в нескольких топонимах Ногъай уэлмæрдтæ «Ногайское кладбище», затем в Ногъай туппур «Ногайский курган». Очевидно этноним тюркского племени куманов, с которыми предки осетин имели дружественные отношения, имеем в ойкониме Хъобан «Кобан» и в топониме Хъобангом «Кобанское ущелье».

Нашли отражение в нашей топонимии и славянские этнонимы. Здесь можно назвать топонимы Уырысы къуылдым «Русский пригорок», Уырысы къуым «Русский угол (подножие)», Хъазахъхъон «Принадлежащий казаку», Хъазахъхъы зæхх «Казаков земля», «Казацкая земля», Хъазахъхъы цъай «Казацкий хутор»¹ и т. д.

Зафиксированы в нашей топонимии и такие единичные названия, восходящие к этнонимам, как Итальянский хутор, Персидская балочка, Итальянцы бын «Ниже итальянца» (т. е. участок земли, расположенный ниже участка, принадлежащего итальянцу), Немыцы фæндаг «Немцев дорога», Циганты къуыбыр «Цыганский курган». Появление приведенных топонимов было связано с национальной принадлежностью владельцев этих земель в прошлом, кроме последнего. Последний же топоним связан с тем, что кочующие до недавнего времени цыганы обычно в с. Заманкул разбивали свою палатку на этом кургане.

4. Охотничьи и военно-спортивные термины в топонимии

В жизни осетин охота с древнейших времен была не только развлечением, не только одним из видов спортивных состязаний в ловкости и меткости, но и дополнительным источником жизни. Охота одним из источников жизни стала в условиях гор, где люди при остром малоземелье испытывали большой недостаток в продуктах питания.

Из охотничьей терминологии в топонимии чаще всего встречаются рындз «звериная тропа», «тропа» и скъæрæн «место по которому охотники прогоняют дичь». Эти два термина входят в состав многих простых и составных топонимов. Например: Рындзытæ «Тропы», «Звериные тропы», Сагрындз «Оленья тропа», Зæгъарындз «Кварцевая тропа», или «Барсучья тропа» (последнее менее вероятно), Хуыты рындз «Свиной (кабанов) тропа», Хуырджын рындз «Каменистая тропа», Дæллаг рындз «Ближняя тропа» и т. д. Термин скъæрæн имеем в топонимах Скъæрæн «Место прогона охотниками дичи», Скъæрæны ком «Ущелье, где

¹ Термин цъай «колодец» встречается в составных ойконимах Моздокского района, где хутора образовывались вокруг колодцев.

«охотники прогоняют дичь», Бибойы скъарæн «Бибо место прогона дичи», Сау скъарæнтæ «Недобрые места прогона дичи» и т. д.

К охотничьим терминам восходят, по-видимому, и топонимы Балнад «Стаи дорога».Æхсаррындз (из æхсæн «место стрельбы»+рындз «тропа»; в композите имеем явление регрессивной ассимиляции) «Тропа для стрельбы», «Тропа, откуда стреляли», Балцау «Место, где ходит стая, группа», Цъысым «Западняя», «Ловушка», Цъысымты ком «Ловушек ущелье» и др.

Ряд топонимов восходит к спортивным терминам. К спортивной лексике восходят топонимы Дугъы фæз «Скачек площадка», «Ровное место для скачек», Догъуат «Место скачек», Милтæ «Цели» (при стрельбе), Мысæнттæ «Цели», «Мишени», Топпæхсæн дур «Камень, куда стреляли из винтовки», Фатуадзæнтæ «Места, откуда пускали стрелы», Хъулæй къазæн «Место игры в альчики», Гъазæндонæ «Место развлечения (игр)», Гъолгъазæн «Место игры в альчики» и т. д.

Значительное количество топонимов рассматриваемой группы восходит к военной лексике. Например: Æфсады ком «Войска ущелье» (т. е. ущелье, где были войска), Æстæйронти бæрзонд «Высота участников похода», «Разбойников высота», Уарты фæз «Щита равнина», Бурæу «Оборонительный ров», Бру къæхтытæ «Оборонительные рвы» (букв. «Выкопанные рвы»), Пъалигон «Полигон» и т. д. В этих топонимах отражены разные ступени развития военного искусства. Так, в топонимах Уартау «Щитовидный», Уарты фæз «Щита площадка», Æсхæрходау «Подобный железному шлему», Æрдынаутæ «Похожие на луки» и т. д. отражена та ступень развития военного искусства, когда люди не знали еще огнестрельное оружие, воины одевались в доспехи и вооружались луками и стрелами. Топонимы Нæмыгкъахæнтæ «Места, куда попадали пули», Топпыхос «Порох», Топпыхосдон «Место пороха» (место, где брали материал для пороха), Топпæхсæн дур «Камень, куда стреляли из винтовки» и т. д. восходят к более позднему времени, к той ступени развития военного искусства, когда старое вооружение воина и охотника было заменено огнестрельным оружием.

Такие же топонимы, как Военный погр (где погр — усечение от погреб), Застава, Пост, Редант (из редут), Постовая балка, Потемкинский пост, Батарей и др. появились не раньше периода присоединения Осетии к России.

5. Отражение терминов материальной и духовной культуры в топонимии

А. Термины материальной культуры

Широко представлены в топонимии Осетии термины материальной культуры. Здесь имеем в качестве географических названий апеллятивную лексику, восходящую к терминам всех сторон хозяйственной дея-

тельности осетин и их быта. В качестве топонимов выступают термины, связанные с жилищем, домашней утварью, с одеждой и обувью, с земледелием и животноводством, с ремеслами и обработкой металлов.

Жилищем у осетин служили сторожевые башни, сакли, дома, шалаши. Они строились из разных материалов, в зависимости от района поселения. В нагорной полосе основным строительным материалом служили камень, плиты горного шифера (сланца) и лес. Очень редко применялись в строительстве известь и другие связующие материалы. Последние применялись в основном при постройке культовых сооружений и склепов. Жилые же строения возводились методом сухой кладки. В предлесной и плоскостной части, кроме перечисленных выше, строительным материалом служили еще глина (и продукты глины — кирпич и черепица) и песок. И все это (названия самих жилых помещений и строительных материалов, а также отдельных деталей строений) нашло свое отражение в топонимии. Так, например, в топонимах Мæсыгуæттæ «Места башен», Мæсыджджын «Обильный башнями», Фæсхæдзæрттæ «Позади домов», Фийауы хæдзар «Пастуха дом», Осонгуæттæ «Места для шалашей», «Где шалаши», Тохъайти авæрттæ «Токаевых дома», Хæдзарау «Подобный дому», Чъырынтæ «Сложенные на извести», Хæдзæрттæ «Дома», Мæсыг «Башня», Рæмоны мусонгуат «Место шалаша Рамона», Уатаутæ «Похожие на комнаты» и т. д. имеем термины всех видов жилища осетин. Некоторое сомнение могут вызвать топонимы, содержащие термин мæсыг «башня». Поэтому скажем, что башни служили не только целям обороны от неприятеля, но и жилым помещением. Для жилья обычно приспособивался нижний ярус (этаж) сторожевой башни (башни бывали двух-, трехярусные). Большинство башен были родовыми, о чем свидетельствуют и названия их. Например: Кертибийти мæсуг «Кертибиевых башня», Седанати мæсуг «Седановых башня», Габысаты мæсугуæттæ «Габисовых башни», Гæдаты мæсыг «Башня рода Гада», Джидаты мæсыг «Башня рода Джиды», Есей мæсуг «Есе башня» и т. д.

В качестве топонимов выступают не только названия жилых объектов, но и названия отдельных деталей строений. Например, мы имеем топонимы Дуайрау «Похожий на двери», Аендыгау «Похожий на андыг» (андыг—часть горской сакли из плетня над очагом), Аендыг «Андыг», Уæлхæдзарау хох «Гора, похожая на крышу дома», Зылын дуар «Крытые двери (ворота)», Дуаратæ «Двери», Уæлхæдзар «Крыша дома», Тæрхгутæ «Полки», Къæбæлтæ «Чеки», «Затычки», Цæджындзы быны фидар «Укрепление ниже столба» и т. д.

В топонимии находят отражение не только термины, связанные с жилищем и деталями жилых строений, но и термины, связанные с хозяйственными постройками вокруг жилища. Каждое жилое строение, как правило, имело двор, огороженный плетнем или каменным забором. Наз-

вания этих дополнительных строений и участков, вокруг которых их возводили, также встречаются в топонимии в качестве географических названий. Например: Кæрт «Двор», Кæртуат «Место двора», Кæртытæ «Дворы», Фæскæрт «Позади двора», Дурын кæрт «Каменный двор» (в смысле: двор, обнесённый каменной оградой), Тургытæ «Дворы», Сындзæмбонд «Загородка из колючки», Каууæттæ «Места плетней», Галуаны цуртæ «Возле каменной ограды», Бурæу «Ров», «Заградительный ров», Каугæрон «Возле плетня» и др.

В топонимии отражены не только названия строительных материалов. Нередко топоним указывает именно на нахождение здесь того или другого материала. Например: Къирсодзæн «Место обжига извести», Чъыр хох «Известняковая гора», Чъырагъ «Известняка хребет», Къæйджын «Обильный горным шифером, сланцами», Къæмынты дуæрфтауæнтæ «Каменный карьер с. Камунта», Фæйнаджы ком «Досок ущелье» (ущелье, где строительный лес; ущелье, где лес годный для досок), Змисджын ком «Ущелье обильное песком», Урс змисы ком «Ущелье белого песка» и т. д.

Часть топонимов восходит к терминам, связанным с домашней утварью. Например: Сивыраутæ «Похожие на сивыр» (сивыр — деревянное корыто овальной формы с дырой в середине. Этим предметом пользовались для сцеживания жидкостей), Себур «Себур» (то же, что и сивыр), Къæрта «Деревянное ведро», Къибила 'взаг «Выступ как ведро», Арыггом «Корыт ущелье», Къæраби «Караби» (къæраби — предмет, на который устанавливался бурдюк для сбивания масла), Аелхойнау «Похожий на пест», Годорты хъæд «Лес для корзин» (лес, где рос хворост годный для корзин — годор. Годор — корзина, куда складывали посуду), Къоппытæ «Шкатулки», Чашки, Рæхистæ «Цепи», Цæхгæрти ком «Кадушек ущелье» (ущелье, где рос лес годный для кадушек), Урс арынгтæ «Белые корыта», Агаутæ «Котлообразные», Куыси дон «Черпак-вода», «Черпак-родник» (т. е. родник похожий на черпак) и т. д.

Нужно отметить, что многие из названных предметов домашней утвари ушли из быта осетин, они хранятся еще только в музеях. И не каждый осетин (особенно младшего возраста) без помощи словаря скажет, что за предметы годор, къæрта, цæхгар, къæраби и т. д. Поэтому понятно, что не каждый осетин поймет и значение топонима, связанного с тем или другим термином домашней утвари. Как видим из этого примера, из быта ушли предметы, а в топонимии прочно сохраняются их названия.

Немного осетинских топонимов восходит к терминам, связанным с одеждой и обувью. При этом большая часть их восходит к терминам обуви. Здесь мы имеем несколько географических названий Аерчыгæнан, диг. Аеркъедахæн «Место надевания архи» (арчты — обувь из сыромятной кожи). В прошлом арчты был наиболее распространен-

ным видом обуви у осетин. Шили ее из высушенной кожи крупного рогатого скота, называемой æрчъиаг, букв. «предназначенная для арчи». Термин æрчъиаг зафиксирован и в качестве географического названия Æрчъиаг «Арчиаг». Кроме арчи, осетины шили обувь из сафьяна и домотканого сукна, или любой другой грубой материи, к которой пришивалась подошва (уафс) из æрчъиаг. Эта обувь называлась дзабыр. И эти термины также встречаются в топонимии. Мы имеем топонимы Дзабырæуттæ «Похожие на дзабыр», «Похожие на чувяки», Уафси бæрзонд «Подошвы вершина». С терминами обуви связан и топоним Афайы цырыхъхытæ «Афая сапоги», но, очевидно, это название возникло позже.

При анализе топонимов, восходящих к терминам обуви, обращает на себя внимание морфологическая структура географических названий Æрчъигæнæн и Æркъедахæн. Иронское Æрчъигæнæн и диг. Æркъедахæн выражают одно и то же понятие (место действия, процесс) — надевания на ногу обуви из сыромятной кожи æрчъи/æркъе. При этом оба диалекта осетинского языка для выражения указанного понятия пользуются сложными словами. Но оказывается, что иронский диалект для выражения действия обуть, надеть использовал глагол кæнын «делать», «одевать» и соответственно от него отглагольное имя кæнæн (в композите закономерно гæнæн) «место надевания», а дигорский диалект — глагол тахун «наряжать» и соответственное отыменное от него образование тахæн (в композите дахæн закономерно) «место, где наряжают», «из чего наряжают». Таким образом, топонимия, сохранила нам не только название определенного вида обуви в прошлом, но сохранила нам и некоторые диалектные особенности обозначающего процесс надевания данной обуви.

Для изготовления одежды в прошлом осетины пользовались домотканым сукном, называемое тын. Этот термин зафиксирован в топонимах Тынауыгъæд «Лес похожий на кусок домотканого сукна», Тынуæрдæн хъæрмæдон «Горячий источник, где валяли домотканое сукно». Из других терминов, связанных с одеждой, в топонимии имеем Хæлафæуттæ «Похожие на штаны», Фадуг «Полоса», букв. «Штанина», Фадыгау «Похожий на штанину», Ихалди ронæ «Полоса разрушения», букв. «Разрушения пояса», Æсхъæрходау «Похожий на железный шлем», Худисæн «Место, где снимают шапку».

Занимались в прошлом осетины земледелием и скотоводством. Этим, очевидно, объясняется, что в топонимии Осетии больше представлены земледельческие и животноводческие термины и лишь очень незначительное место занимают термины, связанные с ремеслами и обработкой металлов. В качестве топонимов мы имеем такие термины землепользования, как Зæрæстæттæ «Залежные земли», Нæусаст, Нæусæстытæ «Поднятая целина», букв. «Сломанная (вспаханная) целина», Мадæл «Залежи», Нæууытæ «Целины», Хъугом «Кугом», букв. «На виду у

селения» (хъугом — ровные плодородные пашни. Кугомами назывались наиболее ценные пашни в нагорной полосе, расположенные на солнечной стороне. Участки кугом ценились дороже¹. Существует даже поговорка: Хъугомаг хъамп цагатаг хосæй хуыздæр у — «солома из кугома качественнее сена из северных (несолнечных) участков»), Татхауат «Место грядок», Мæр «Поляна».

До октябрьской революции земля являлась частной собственностью. Участки владельцев земельных угодий отделялись друг от друга межей и этот термин (вернее термины) социального зла в прошлом мы находим в топонимах Арæны адаг «Пограничный овраг», Арæнты бынтæ «Ниже границ (межи)», Мæрзауæдз «Пограничная борозда», Уæллаг ауæдз «Верхняя (Дальняя) борозда», Аеддаг ауæдзтæ «Дальние борозды», Ауæдзы сæр «Выше (над) борозды», Ауæдзы бын «Ниже борозды» и т. д.

В нагорной полосе обрабатывались клочки земли на труднодоступных склонах, где не раз сносило лавиной не только урожай и землю с этого клочка, но нередко и самого хозяина. Поэтому, если даже удавался снять урожай, его нельзя было оставлять надолго на участке. С труднодоступных и дальних участков приходилось переносить или перетаскивать волоком снопы, крестцы, копны сена, вязанки дров на более безопасные места, называемые æфтауцуат (из æфтауц «перевозимый или переносимый за один прием груз» + уат «место») «место афтауц». Термин æфтауц находим в топонимах Афтауцити бун «Ниже мест афтауц», Дæллаг (и Уæллаг) æфтауцуат «Ближнее (и Дальнее) место для афтауц», Афтауцдон «Место афтауц». В афтауцуат хлеб, сено и дрова не сваливали как попало, а складывали их в скирды и стога, а дрова — в штабеля. И те места, где складывали в скирды накошенный хлеб, назывались цъынауат «место для скирдов». Указанный земледельческий термин находим в топонимах Цъынауаты ком «Место скирдов ущелье», Цъынат (из цъынауат) «Место скирдов, стогов», Тадийы цъынаедтæ (из цъынауæттæ) «Место скирдов Тади» и др.

Обмолачивали накошенный хлеб на площадках, выровненных и обмозанных (чаще всего это были открытые площадки), называемые мус/мос «гумно». Молотили хлеб с помощью животных (их водили по разбросанным на гумне снопам и таким образом вытапывали из колосьев зерно) и меньше с помощью молотильной доски чъеури «кеври». Эти термины имеем в топонимах Мусты ком «Ущелье гумен», Мусгæнæн «Место, где строили гумно», Фæсмус «Позади гумна», Мосау «Похожий на гумно», Мосгæрæнттæ «Возле гумна», Моси бун «Ниже гумна», мусуат «Место гумна», Галмусы хуымтæ «Бычьих гумен пашни» (в смыс-

¹ Б. А. Қалоев. Осетины. Москва, 1967, стр. 66.

ле: гумно, где молотили быками), Мустæ «Гумна», Мчъейы мус «Мче гумно», Чъеуритæ «Молотильные доски» и т. д.

Отражены в топонимии и термины, связанные с местом и предметами для хранения и измерения зерна. Например: Мæрт «Март» (мæрт — мера, предмет для измерения сыпучих тел), Къод «Код» (предмет для измерения сыпучих тел), Кæфой «Совок из березовых прутьев», Кæфойау «Похожий на совок из березовых прутьев», Мæхæлуаттæ «Места, где урожай составлял чувал», Къæссаласæн «Место, где тащили кожаные мешки», Къутуйау «Похожий на сапетку» (сапетка для хранения зерна), Къæбиц «Кладовая», Кæрийау «Подобный куче зерна», Уæрмитæ «Ямы» и т. д.

Отдельные топонимы отражают названия сельскохозяйственных культур, которыми засеивались или засеваются те или другие участки. Так, например, географические названия Еууыты ком «Проса ущелье», Еууы хæгæлтæ «Стебли проса», Аеддаг еууытæ «Дальние (участки) проса», Мæнæуты æрдуз «Пшеничная поляна», Хорджынтæ «Урожайные», «Обильные ячменем», Хуæргæнаси ком «Огурцов ущелье», Зæронд харбызтæ «Старые бахчи», Нахтæртты тъæпæн «Кукурузы равнина», «Равнина, засеваемая кукурузой», Виноградные огороды и т. д., говорят о том, что некогда на этих участках выращивали, а на некоторых выращиваются и теперь, названные культуры.

Из сказанного выше видно, что многие осетинские топонимы представляют собой апеллятивы, восходящие к различным сельскохозяйственным терминам. Здесь нашли отражение термины землепользования, термины, связанные со сбором и хранением урожая, названия сельскохозяйственных культур. Однако шире сельскохозяйственных терминов представлены в топонимии нашей термины скотоводства. Кроме общих названий пастбищ — сæрвæт, хизæнтæ и лугов — уыгæрдæн, входящих в состав многочисленных географических названий, здесь встречаем значительное количество топонимов, восходящих к терминам из различных отраслей животноводства. Прежде всего, многие топонимы связаны с названиями самих домашних и диких животных. Например: Бæхбæттæн (из бæх «конь» + бæттæн «место привязывания») «Коновязь», анат. «Ключица», Галвæндаг «Воловья дорога», т. е. «то место, где колесная дорога», Ефсхæзæн (ефс «кобыла» + хæзæн «место резвления», «место случки») «Место резвления кобыл», Сагхæзæн «Место резвления оленей», Рувасы хуынкъ «Лисья нора», Загъхуынчъытæ (где загъ — усечение от зыгъарæг «барсук» + хуынкъ) «Барсучьи норы» и т. д. (Подробнее об этом см. ниже — 8).

В других топонимах отражены термины, связанные со строениями для животных. В основном здесь встречаются термины скъæт «хлев», стæн/стон «стойло», «стойбище». С этими терминами зафиксированы многочисленные простые, сложные и составные топонимы. Например:

Скъæттæ «Хлевы», Скъæтты/Скъæтти ком «Хлевов ущелье», Скъæтти маæрæ «Хлевов поляна», Скъæдуæттæ «Места хлевов», Дзуццаты скъæттæ «Дзущевых хлевы», Скъæтты адаг «Хлевов овраг», Стæнтæ «Стойбища», Истæн «Стойбище», Рагъæстойнæ «Стойло на гребне», Фæрæстойнæ «Стойло в ольховнике», Стæны сæр «Выше стойбища», Стæны раз «Возле стойбища» и т. д.

Хорошие пастбищные угодия в нагорной полосе Осетии не везде расположены на берегах рек. Иногда на значительных пастбищных площадях встречаются только небольшие ручейки. Обычно на них устанавливались деревянные желоба — бæлæгъ, цыхцыр, диг. еще и мухцур, или специальные посудины для собирания воды — къоди и таким образом удовлетворяли потребность животных в воде. Другие же пастбища располагаются на обрывистых берегах стремительных горных рек. И здесь выбирать приходилось специальные, удобные для водопоя, места. Этими обстоятельствами объясняется наличие многочисленных топонимов Бæлæгъ «Желоб», Бæлæгътæ «Желоба», Бæлæгъ адагæ «Овраг с желобом», Бæлæгъи дон «Ручеек с желобом», Къодитæ «Коди», Къодийы дон «Ручеек с коди», Мухцур «Желоб», Мухцури дон «Речка с желобом», Цыхцыр «Желоб», Бæлæгъи ком «Желоба ущелье» (ущелье, где на ручейках установлены желоба), Бæлæгъджын «Обильный желобами», Бæлæгъы сæр «Выше желоба», Галты доннуазæн «Место водопоя для волов», Дондæдтæнтæ «Место водопоя» и т. д.

Соль животным давали в определенных местах на пастбищах. И это нашло свое отражение в топонимах Цæхдæттæн «Место, где дают (животным) соль», Цæхдæттæн æрдуз «Поляна, где давали (животным) соль», Хъомты суар «Источник (соленый) для крупного рогатого скота» и др. Но не всегда была возможность давать животным натуральную соль. Иногда их потребность в соли удовлетворяли на солончаковых почвах, или же вводили их к минеральным источникам с соленой водой. Термином хæрæн пользуется осетинский язык для обозначения солончаковых почв. Этот термин имеем и в топонимах Хæрæнтæ «Солончаки», букв. «Место еды», Хæрæны сæр «Над солончаком», Сау хæрæнтæ «Черные (недобрые) солончаки», Сырдты хæрæн «Солончак для зверей» и т. д.

Долгие зимние месяцы содержали скот в безопасных от лавин и снежных заносов местах, расположенных близко к пастбищам. Эти места называли уæтæр «кутан». В уæтæр обычно бывали помещения для людей, обслуживающих животных и хлевы. Термин уæтæр имеем в топонимах Уæтæр «Кутан», Уæтæрты къуылдым «Кутанов пригорок», Хъазнаты уæтæруат «Место кутана Казиевых», Дзаххоты уæтæруат «Место кутана Дзаххота», Уæтæруæттæ «Места кутанов», Уæтæры 'рдуз «Кутана поляна» и т. д.

Заготавливали животным корм (сено) в летнее время на лугах —

уыгæрдæн. Отсюда его свозили к кутанам и к местам æфтауц. При остром безземелье горцам приходилось скашивать сено на таких неудобных кручах, откуда приходилось его сбрасывать на более удобные места. Скашивать приходилось такие маленькие участки, где не всегда можно было собрать не только копну, но и приличную охапку сена. И все это нашло свое отражение в топонимах Хæсгæ хостæ «Приносимое сено» (участок откуда сено приносили, а не привозили), Хосты къахыр «Сеновала щербина», Хосты комы хъæд «Лес в ущелье, где сено», Хос'ппарæн «Место сбрасывания сена», Бебейы ласæгуат «Место, где Бебе скашивал копну сена», Хосхæрæн рагъ «Хребет, где поедают сено», Ныллæг цæвды ком «Ущелье низкого вала сена» (ущелье низкого травостоя), Хосдон къуыбыр «Сеновала бугор», Ласæгуат «Место, где одна копна», Хосты фæз «Площадка для сена» и т. д.

Сено для животных закладывали в ясли — кæвдæс. Данный термин встречается в топонимах Кæвдæсау «Похожий на ясли», Кæвдæсаутæ «Похожие на ясли» (зафиксированы много раз), Кобейы кæвдæс «Кобе ясли», Саулохы кæвдæсау «Саулоха (участок) похожий на ясли», Уæлгæвдæсæуттæ «Верхние (участки) похожие на ясли» и др.

Пастбища имели различное назначение. На одних угодиях паслись стада крупного рогатого скота, на других — конские табуны, на третьих — мелкий рогатый скот. Все это находит свое отражение в топонимах. Например, Бæхты ком «Коней ущелье» (ущелье, где паслись конские табуны), Бæхти хæра «Конское каменистое пастбище», Бæхахсæн «Место ловли коней», Бæхдоны къуым «Подножие того места, где кони», Рæгъаударæн «Место для содержания стада», Рæгъаудон «Место для стада», Хъомты фæз «Площадка для крупного рогатого скота», Гъонхезнæ «Пастбище для крупного рогатого скота», Æргъаударæн «Место прогона стада», Сæгъдонæ «Место для коз», Сæгъдуцæны тигъ «Вершина для доения коз», Ривæддон «Место дневного отдыха скота», Бонбадæн «Место дневного отдыха скота» и т. д.

На летних пастбищах коров доили в определенных местах и делали из молока сыр. Эти термины (æхсыр «молоко», цыхт «сыр») тоже нашли свое отражение в топонимии. Зафиксированы топонимы Дуцæн «Место доения», Ханджейы дуцæнтæ «Места, где доил (коров) Хандже», Даппагъы дуцæн «Место доения на горе Даппаг», Æхсирхæссæни билæ «Обрыв, по которому носят молоко», Æхсырджынтæ «Обильные молоком» (тучные пастбища), Æхсырдартæ «Содержащие молоко», Инджынтæ «Свежий сыр», Цыхтауæндаг «Похожая на сыр дорога», Цыхтдзауы бадæн «Место привала того, кто ходил за сыром (носил сыр)» и др.

Поголовье скота приходилось подсчитывать. Подсчет обычно производили в определенных местах, большей частью там, где были естественные узкие места. На этих местах отара (или стадо) растягивалась и легко было ее подсчитать. Термин нымайæн «место подсчета», «предмет

для подсчета» (от глагола нымайын «считать») имеем в топонимах Нымиянтæ «Места для подсчета», Нымайæн лæгæт «Пещера для подсчета», Нымайæн адаг «Овраг для подсчета» и др.

Таким образом, из сказанного выше следует, что в топонимии нашей достаточно полно отражена и животноводческая терминология.

В топонимии широко отражены и различные другие термины хозяйственной деятельности человека. Большинство из них связаны с терминном куырой «мельница». В нагорной полосе Осетии строились на небольших реках маленькие горские мельницы — къада, которые за сутки едва могли смолоть один, два пуда зерна. Поэтому многие семьи (а семья была большая, иногда в ней насчитывалось до 40—50 человек) имели свои собственные мельницы (къада куырой). Мельниц было много. Они строились в самых разных местах на реках, которые протекали по лугам, пашням и пастбищам. Последние нередко свои названия получали от этих строений. Термин куырой (а иногда и термины, обозначающие различные детали мельницы) встречается в простых, сложных и составных топонимах. Например, зафиксированы топонимы Куырæйттæ «Мельницы», Куыройы раз «Возле мельницы», Куырæйтты сæр «Выше мельниц», Куыройдзæгæттæ «Северные склоны от мельницы», Куыройы фыдтæ «Мельничные жернова», Фæскуырæйттæ «Позади мельниц», Фидгæнæнтæ «Места, где делали мельничные жернова», Курæнтти ком «Мельниц ущелье», Гуæлкъуæр «Гуалкуар» (гуæлкъуæр — палка с кулачком, опирающаяся на жернов и сотрясающая желобок, из которого сыплется зерно), Къадатæ «Маленькие горские мельницы», Къадай дон «Маленькой горской мельницы вода», Куронуæттæ «Мельниц места», Куыройы къул «Мельничный склон» (склон, где мельница), Фæлгуыртæ «Ящики» (фæлгуыр — ящик, куда сыплется мука на мельнице), Мельничный родник и т. д.

Некоторым географическим объектам названия были даны по внешнему сходству с теми или другими предметами материальной культуры. Например: Фæрæтау «Похожий на топор», Куыройау нук «Ложбина похожая на мельницу», Бæлæгъау «Подобный желобу», Саргъау «Седлообразный», Дзыбырвæйнагау «Похожий на доску сохи», Къæпиты цæгат «Мотыг северный (несолнечный) склон», Тадзийни сæр «Выше мотыг» и т. д.

Другим географическим объектам названия были даны не только по сходству с предметами материальной культуры, но еще и потому, что на этих участках находился (произрастал) материал, из которого делали отдельные предметы, необходимые в хозяйстве. Например: Асинтæ «Лестницы», Бетъры сугдон «Бетра (измененное Петр) дровник», Къæбæлтæ «Затычки», «Чеки», Гуыдыргом «Ущелье чурбаков», Саудур «Оселок», Аргæнæн «Место, где делали оглобли», Бæндæйнагдон «Место, где брали (рвали траву) материал для веревок», Цырагъуат «Место

лучины», Ссонгом «Оселков ущелье», Сардзинты ком «Саженой (штабелей дров) ущелье» и т. д.

Обработка металлов и ремесла никогда не занимали ведущее место в хозяйстве осетин. Из ремесел наибольшее место отводилось кузнечно-му делу и обработке дерева (кустарное изготовление домашней утвари, орудий производства и т. д.). Хотя ремесленное производство занимало незначительное место, все же отдельные географические названия связаны с ремесленными терминами. Например: Аьзалысудзæн «Место выжигания древесного угля», Заууаты аьзалысудзæн «Запущенное (разоренное) место выжигания древесного угля», Чыларазæны ком «Ущелье, где выделывали шины», Къелуадзæн «Место выделывания шин», Мацъесон «Место для рычагов», Куырды хуымтæ «Кузнец пашины», Куырдададжы хуым «Пашня в овраге кузницы», Курдбадзæн рагъ «Кузницы хребет», Кунци «Кузнечные меха» и др.

Часть топонимов связано с названиями металлов и других природных богатств. Здесь можно назвать топонимы Зды къахæн «Место добычи свинца», Къалаварс «Олова склон», Къалагом «Олова ущелье», Здийы кæмттæ «Свинца ущелья», Аьфсæндур «Железный камень», Фæрдыгон «Место самоцветов», букв. «Место бусинок», Фæсфæрдыджыны къæдзæх «Скала позади обильного самоцветами», Смæджы ком «Медного купороса ущелье», Дзæнхъа «Кварц», Дзæнхъаджын «Обильный кварцем», Торфтыæ «Торф», Угольная балка, Схоны хуссар «Южный склон от кремневого места», Схонджынтæ «Обильные кремнем», Аьддорти бун «Ниже кремневых мест» и т. д.

Названия благородных металлов не встречаются в топонимии Осетии. Мною записаны два топонима в Трусовском ущелье — Окро «Золото» (название пашни возле с. Четрыс «Кетриси») и Окрохъана «Окрокана» (селение), букв. «Золотая пашня», где имеем грузинское название золота «окро», затем название культового места Сызгъæрин дзуар «Золотое святилище» в (Пригородном районе).

Заканчивая разговор об отражении терминов материальной культуры в нашей топонимии, остановимся еще на терминах, связанных с названиями погребальных сооружений у осетин. Следует оговориться, что здесь будут рассмотрены не только те географические названия, которые связаны с терминами (названиями) различных видов погребальных сооружений, но и некоторые названия, связанные с погребальным обрядом осетин. Мы понимаем, что термины погребального обряда больше относятся к духовной культуре, но, чтобы не дробить, рассматриваются мною вместе с терминами погребальных сооружений.

Нужно сказать, что термины погребального обряда и погребальных сооружений нашли довольно полное отражение в топонимии Осетии. В топонимии нашли место названия различных видов погребальных сооружений, названия мест для одиночных и массовых захоронений.

При этом, для выражения одного и того же понятия, иронский и дигорский диалекты осетинского языка пользовались иногда различными лексическими единицами. Топонимы, содержащие в своем составе название погребальной ямы — ингæн встречаются редко. Всего записаны мною топонимы Ингæны рæгътæ «Могильные хребты», Ингæни дор «Могильный камень» и Ёнгæнтæ «Могилы» (в последнем имеем обычную для дигорского замену гласного *и* гласным *æ* в начале слова). Примечательно, что два, из приведенных трех топонимов, зафиксированы в Дигорском ущелье. Это в то время, когда современный иронский диалект осет. яз. погребальную яму называет словом *ингæн*, а дигорский — *цирт*. Но, очевидно, в прошлом и дигорский пользовался для этого понятия словом *ингæн*, о чем свидетельствуют приведенные топонимы, а также некоторые заплачки. Обычной формулой плакальщиц бывает: Арф ингæнмæ æнæбари ку ранæхстæр дæ—«в глубокую могилу неволь-но ты отправляешься», или Дæ ингæни фæрстæ куд нæ ратонис — «как ты не раздвинешь (букв. не разорвешь) стены своей могилы» и т. д. Из приведенного видно, что дигорский некогда погребальную яму также называл *ингæн*.

Шире представлен в топонимии другой термин погребального сооружения—*цырт*. Термин *цырт* мы находим в многочисленных топонимах. Например: Циртæ «Могила», Фæсцыртæ «Позади надгробий», Зылын *цырт* «Кривое надгробие», Агойы *цырт* «Аго надгробие», Къæйын *цырт* «Надгробие из сланцевой плиты», Цирти гъæронг «Могильная лощина», Цирти рагъ «Могильный хребет» и т. д. Бросается в глаза, что термин *цырт/цирт*, встречающийся в топонимах, в иронском и дигорском диалектах осетинского языка имеет разные значения: в иронском — это надгробие, в дигорском — погребальная яма. Очевидно, дигорский тоже когда-то пользовался словом *цирт* для обозначения понятия «надгробие», «надгробный памятник». Иначе как объяснить наличие топонима Цирттæгтæ «Предназначенные для надгробий» в Дигории. А позже, видимо, словом *цирт* стали обозначать только погребальную яму, а для выражения понятия «надгробие» дигорский стал пользоваться сложным словом *циртдзæвæн* букв. «то, что втыкается в могилу». И этот термин *циртдзæвæн* зафиксирован в топонимах Ёлдаррезаен *циртдзæвæн* «Надгробие, возле которого дрожал алдар», Хæмицати *циртдзæвæнтæ* «Надгробия рода Хамицаевых», Циртдзæвæни тегъæ «Вершина с надгробием» и т. д.

Другим видом погребальных сооружений были курганы, называемые в иронском обау, в дигорском — *туппур*. Эти термины имеем в топонимах Челеметы обау «Челемета курган», Дзайбойы обау «Дзабо курган», Салайы обау «Сала курган», Даргъ обау «Длинный курган», Обæуттæ «Курганы», Цырты обау «Курган с надгробием», Дзаттой *туппур* «Дзатто курган», Къагъд *туппур* «Разрытый (разграбленный) курган»,

Кæдзос туппур «Чистый курган» и т. д. Оба эти термина, конечно, заимствованы из тюркских языков.

Следующим видом погребальных сооружений были склепы. Склеповые сооружения встречаются почти на всей территории нагорной полосы Осетии. Особенно богато ими Даргавское ущелье, где до сих пор сохраняется целый комплекс склеповых сооружений, известный в литературе под названием «Город мертвых». Эти сооружения назывались в иронском зæппадз, в дигорском — обай, что нашло свое отражение и в топонимии. Так, на территории расселения носителей иронского диалекта записаны топонимы Зæппæдзтæ «Склепы», Зæппадзы æрдуз «Поляна со склепом», Зæппадзы къахыр «Щербина, где склеп», Кочиаты мусы зæппадз «Склеп на гумне Кочиевых», Махараты зæппæдзтæ «Махарати склепы» и т. д. На территории расселения носителей дигорского диалекта записаны топонимы Обайи цор «Возле склепа», Дзæгъæлти обæйттæ «Склепы безродных, бездомных», Обай тегъæ «Вершина, где склеп» и др. Справедливости ради следует отметить, что на территории расселения дигорцев зафиксированы топонимы Зæппадзæ «Склеп» (возле с. Фараскат в Дигорском ущелье) и Сатай западз «Сата склеп» возле с. Доунифарс. При этом название Зæппадзæ, как это не странно, закреплено не за местом со следами погребений, а за святилищем. Причем, для святилища здесь было небольшое сооружение, идентичное с таковыми в с.с. Лезгор (называется оно здесь Гречъы кууæндон), Гæлиат (называется Авд дзуары и Узи дзиуарæ), Нузал (Нузалы аргъуан) и Бугултау (называется Зариноных). Название Сатай западз было закреплено за огромным каменным сооружением (теперь здесь одни развалины), напоминающим, по предположению Г. Кокиева, собой церковь¹.

Сохранилось в топонимии Осетии и тюркское название погребального сооружения склеп в виде Кесена «Склеп».

Нашли в топонимии отражение и термины для одиночных и массовых мест погребения — уæлмæрд — уæлмæрдтæ «кладбище». С этими терминами зафиксированы топонимы Царциаты уæлмæрд «Царциати кладбище» (царциатæ — этноним какой-то мифической народности), Бæройты уæлмæрдтæ «Баровых кладбище», Куклайы уæлмæрд «Кукла могила», Стыр уæлмæрдтæ «Большие кладбища», Ногъай уæлмæрдтæ «Ногайское кладбище», Кæсæджы уæлмæрдтæ «Кабардинские кладбища», Пылæджы уæлмæрд «Пилага могила», Халеры уæлмæрдтæ «Холеры кладбище» (умерших от холеры кладбище), Зæронд уæлмæрд «Старые кладбища» и т. д.

В топонимии Осетии встречаем названия, связанные не только с терминами различных видов погребальных сооружений, но и с отдельными терминами из погребального обряда. Так, в окрестностях с. Згид

¹ Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 17—18.

записан топоним Илæндурæ кæмттæ. В первом компоненте этого названия имеем измененное æлæмдур (из æлæм + дур). В поминальный день Назу, справляемый за неделю до пасхи, в честь покойника украшали еловые ветки, палки (если покойник был стариком), или флаги (форму флага из палок, если покойник был молодым) всеми видами сладостей и фрукт. Вот эти предметы и назывались æлæм (алам). В поминальный день всадники брали алам, скакали с ними по улицам населенного пункта и раздавали сладости детям, а потом алам с остатками сладостей возлагали на могилу покойника.

В нескольких топонимах Хъабагъæварæн «Место, где устанавливали кабаг», Хъабагъуат «Место кабаг» и др. также отражен один из моментов погребального обряда. В честь покойника устраивались не только скачки (дугъ) с призами, но состязались еще и в стрельбе. Для этого устанавливался гладкий шест (обычно с него снимали кору), нередко смазанный жиром, с мишенью на верхушке. Иногда на верхушке кабаг бывали прикреплены и предметы для приза. Вот этот шест и назывался хъабагъ «кабаг». Нужно было участнику состязания не только попасть в цель, но еще и достать призовые предметы, укрепленные на верхушке шеста.

В топонимах Мæрдæнциан, Æнциайæнтæ, Мæрцагдон также отражены отдельные моменты погребального обряда. Так, топонимы Мæрдæнциан, Æнциайæнтæ (эта одинокие плоские камни, первый по пути между с. Архон и старым кладбищем на берегу р. Ардон, вторые возле с.с. Стур-Дигора и Задалеск) «Место привала покойника», «Места привалов» были связаны со следующим обрядом, связанным с верой в загробную жизнь: когда посили уже на кладбище покойника, то в тех местах, где Мæрдæнциан и Æнциайæнтæ, на эти плоские камни клали гроб с телом, чтобы покойник мог отдохнуть. Ведь, по представлению людей, он собрался в далекий путь. Причем, привал этот устраивали в определенном месте. Даже в наши дни можно наблюдать отголосок этого обряда. Обычно, когда процессия выходит уже за околицу селения, то гроб с телом опускают на короткое время на землю, затем продолжают свой печальный путь люди. Но сейчас это объясняют так, будто тем самым умерший навеки прощается с белым светом.

Из всего сказанного следует, что в топонимии Осетии достаточно полно отражены термины, связанные с различными видами погребальных сооружений и погребального обряда. Важно также отметить, что топонимы, связанные с названными сооружениями и обрядом, представляют интерес и для осетинской диалектологии. Из анализа топонимов, связанных с терминами погребального обряда, мы узнаем, что иронский и дигорский диалекты осетинского языка нередко пользовались разными лексическими единицами для выражения одних и тех же понятий

{цырт — циртдзæвæн, ингæн — цирт, зæппадз — обай и кесена, обау — туппур и т. д.).

Итак, исходя из анализа географических названий, связанных с терминами материальной культуры, видно, что в топонимии нашли довольно полное отражение все стороны жизни и быта осетин. Мы убедились, что отдельные топонимы восходят к терминам, связанным с жилищем, одеждой и обувью, земледелием, животноводством и другими сторонами хозяйственной деятельности человека. Часть географических названий восходит к терминам, связанным с ремеслами, с обработкой металлов, с природными богатствами. По тому, насколько интенсивно представлены в топонимии термины той или другой области материальной культуры, можно судить, в какой-то мере о роде занятий осетин и определить удельный вес различных отраслей хозяйства в их жизни в прошлом. Так, исходя из анализа топонимов, связанных с терминами материальной культуры, можно прийти к выводу, что осетины в основном занимались земледелием и скотоводством. Все остальные отрасли хозяйства занимали у них второстепенное место.

Б. Термины духовной культуры

В настоящем исследовании ставится задача проанализировать из терминов духовной культуры только одну часть — культовые термины и термины, связанные с некоторыми обрядами, т. е. те из них, которые встречаются в топонимии нашей.

Культовые термины очень широко представлены в топонимии Северной Осетии. Более 330 географических названий Осетии восходит к различным культовым терминам, а в Труссовском ущелье около 80 топонимов.

Первый беглый взгляд, на географические названия Осетии, связанные с культовыми терминами, не оставляет сомнения в том, что перед нами причудливое переплетение терминов дохристианской религии алан с таковыми христианской религии, с одной стороны, и сплава дохристианских и христианских культовых терминов с местным кавказским субстратом, с другой стороны. Это, видимо, относится не только к топонимическим названиям, но, очевидно, сплетение это и в самом религиозном мировоззрении осетин. И, стало быть, топонимия служит своеобразным отражением наслоения у осетин одной религии на другую. Попробуем это раскрыть ниже на основании анализа топонимов, связанных с культовыми терминами.

Важное место в религии предков осетин занимал культ «семи богов», о чем справедливо пишет В. И. Абаев: «... культ семи богов с удивительным постоянством прослеживается на протяжении огромного пе-

риода от геродотовских скифов через алан до современных осетин»¹. Очевидно культ семи богов был настолько значительным в мировоззрении осетин, что его отзвуками следует считать некоторые этнографические детали в жизни современных осетин. Так, осетины изготавливали семь ритуальных пирогов (чъири), или же семь комплектов (авд фæлусты коваæгæгтæ) по три пирога в каждом. Последние чаще изготавливала роженица, которая после родов должна была прийти к святилищу в честь св. Марии, чтобы поручить ей себя и новорожденного. Она изготавливала ритуальные пироги (по три пирога каждому) в честь следующих пяти богов: Хуцау (верховный бог осетин), Уасерги «святый Георгий», Дигоризæд «Покровитель Дигории» (возможно он же и покровитель гор), Майрæн «св. Мария», Гъæуизæд «Ангел селения» и двух земных созданий (тоже по три пирога в честь новорожденного и самой роженицы). Эта же цифра семь фигурировала и в обрядовых праздниках. Так, когда (в первую среду после нового года) отмечали ночь домовых, тогда тоже изготавливали семь комплектов (семь раз по три пирога) ритуальных пирогов. Столько же изготавливали ритуальных пирогов и в обрядовый праздник в честь Дигоризæд «Патрон, покровитель Дигории (гор)».

Нередко осетины и некоторые болезни излечивали из напитка, изготовленного из семи видов злаков (авд хуарей арахъ). Некоторые заклинания тоже произносили осетины в том, месте, где сходились семь дорог. Примеры из этнографии можно увеличить, но и приведенного достаточно, чтобы убедиться в том, что осетины и их предки придавали какое-то магическое значение числу семь. Не только в этнографии осетин сохранились отзвуки о скифских семи богах. Они сохранились и в таких названиях культовых мест, как **Авд дзуары** (с. Галиат), **Авды рагъ** (в Алагирском ущелье), **Уæлæсыхы авд Уациллаы** (в Куртатинском ущелье). Примечательно, что святилище Авд дзуары возле с. Галиат было на том месте, где впоследствии оказалось культовое место Узи дзиуарæ «Юстиниана церковь». Точно также в названии культового места Уæлæсыхы авд Уациллаы следует видеть более позднее наложение имени христианского божества Уацилла «св. Илья» на что-то дохристианское в честь семи богов. Вообще имена этих дохристианских семи богов начисто забыты осетинами, о чем свидетельствуют названия приведенных культовых мест (ср. Авд дзуары букв. «Семь святых, богов, святилищ, церквей», Авды рагъ «Семи хребет», Уæлæсыхы авд Уациллаы букв. «Верхнего квартала семь св. Ильи»). В этом убеждаешься и тогда, когда на месте спрашиваешь о том, кого они подразумевают под семью богами. В ответ на этот вопрос местные жители обычно из сонма осетинских богов называют Хуцау «хуцау» (верховный бог), св. Георгия, св. Илью, патрона гор, св. Марию, Аларды, покрови-

¹ В. И. Абав. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 9.

теля селения (в других местах покровителя ветра и дождя, патрона скота, патрона болезней и т. д.). Таким образом, мы видим, что дохристианский культ семи богов, являющийся характерной особенностью религии предков осетин — геродотовских скифов, дошел до нас в названиях культовых мест Осетии.

К этим отдаленным временам восходят и топонимы — культовые места Идауæг, Дауджытæ, Дауджыты кувæндон. В названных топонимах можно выделить дауæг/идауæг, восходящий к древнеиранскому *vi-tavaka* «сила, носитель силы». Этот же древнеиранский *vi-tavaka* имеем во второй части топонима *Æвзæндæг* (из *æвзонг* «молодой, юный» + *дæг* (стяженная форма от *дауæг*) букв. «Юных дауæг», «Молодых покровитель». Заметим, что в сознании осетин под термином дауæг скрывается не какое-то определенное божество, а весь сонм (точнее часть сонма небожителей, т. к. весь сонм составляют *зæдтæ мæ дауджытæ*) небожителей¹. Дохристианское божество дауæг известно и в Юго-Осетии. Здесь святилище в честь дауджытæ (форма им. п. мн. ч. от дауæг) было на вершине горы Джермуха². Только Чурсин относит это божество к местным, кавказским и считает, что оно было связано с почитанием гор и скал (с почитанием высот), что, конечно, неверно. По-видимому, есть какая-то связь (семантическая) между топонимами — культовыми местами, связанными с термином дауæг, с таковыми, содержащими, термин *тхост/тухуаст*. Это топонимы *Тхост*, *Тухуæстаг*, *Ксурты Тхост*, *Тхосты кувæндон*, *Тхосты дзуар*. Дигорская форма топонима (*Тухуæстаг*) дает нам возможность увидеть в остальных стяженную форму от *тухуаст* «всемогущий», «сильный», «свирепый». Очевидно некогда были эквивалентными святилища *Дауджытæ* и *Тхост*. Но потом, со временем были забыты их дохристианские патроны и наслонилось на них что-то местное. Свидетельствует об этом то, что во всех перечисленных культовых местах справляют обрядовый праздник перед косовицей.

Следы дохристианской религии алан следует видеть и в названиях культовых мест *Фæрон*, *Фæры дзуар* и *Нæлизæд*. В первых двух названиях имеем древнеиранское *farpañ* «благодать, благоденствие», осетинское *фарн* «благодать, счастье». Что *фарн* не только бытовой, но и религиозный термин, об этом говорят названия святилищ. Об этом говорит и ритуал, связанный с названными культовыми местами. Так, в святилище *Фæрон*, находящемся возле с. Галиат, приводили девушек перед выходом замуж и просили наделить их *фарном*. В молитвословии обычно произносили: *Гæлиати Фæрон дæ фæргун фæккæнæд* — «Галиатский Фарон пусть обильно наделит тебя фарном».

¹ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 4.

² Г. Ф. Чурсин. Осетины, в кн.: Юго-Осетия. Тифлис, 1924, стр. 178.

³ В. И. Абаев, цитир. соч. стр. 12—13.

Во второй части названия Нæлизæд имеем древнеиранское *yazata* «божество»¹, а в первой пага «самец», «мужчина», т. е. святилище чадородия. Аналогичны по функциям с ним и святилища Цæуы дзуар «Козла святилище», Галты дзуар «Быков святилище», Фыры дзуар «Барана святилище», но они, очевидно, возникли позже, уже под влиянием местной кавказской среды.

Таким образом, мы видим, что в топонимии Осетии хорошо сохранились следы дохристианской религии алан в названиях культовых мест.

Универсальным культовым термином является у осетин дзуар, входящий к грузинскому джвари «крест». Этот христианский термин наполняется большим содержанием и означает в обоих языках (в грузинском и осетинском) не только «крест», но «божество», «святой», «святилище», а в осетинском и «церковь». Термин дзуар зафиксирован не только в составе многочисленных культовых мест, но и большого количества топонимов. При этом примечательно, что он встречается в названиях культовых мест, связанных не только с христианством, но и с нехристианской религией. Так, например, наряду с названиями культовых мест Дзуар «Церковь», «Святилище», Узи дзуарæ «Узи церковь», Авд дзуары «Семь божеств», Циргъесæни дзуарæ «Святилище острого», Дзуæртты рагъ «Святилищ хребет» и др., мы имеем топонимы Дзуары ком «Священное ущелье», Дзуаргæмттæ «Возле священных мест», Дзуары фæз «Священная площадка», Дзуайраг хуым «Пашня для святилища» (пашня урожай с которой шел на ритуальный праздник) и т. д.

Следует заметить, что в топонимии Осетии зафиксирован не только христианский термин дзуар, но многие названия связаны с именами христианских святых, с названиями христианских праздников. Например: Майрæм, Майрæмы дур, Мадыймайрæм «св. Мария», «Майрам», «Майрама камень», «Матери Мария», Уацилла «св. Илья», Тутыры бын «ниже св. Федора», Никкола «св. Николай» и т. д.

Что представляют собой культовые термины, связанные с христианской религией?

Религия осетин пока настолько слабо изучена, здесь столько белых пятен, что мне, не специалисту, трудно дать исчерпывающий анализ топонимам, которые связаны с терминами христианской религии. Данный раздел работы — это только первая попытка разобраться хоть сколько-нибудь в этом запутанном вопросе. Уже говорилось, что христианство в Осетию шло двумя путями: из Византии и Грузии. При этом нужно думать, что первоначально христианская пропаганда проникала в Осетию из Византии при активном содействии Абхазского царства, преследовавшего свои политические интересы на Северном Кавказе. В то время

¹ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 5.

христианской пропагандой была охвачена в основном Западная Алания. Очевидно, тогда и были построены церкви (или святилища) Узи дзуарæ «Узи церковь», букв. «Юстиниана церковь» возле с. Галиат на развалинах дохристианского культового места Авд дзуары «Семь святых, божеств», Никкола «св. Николай», она же и Грекъи аргъауæн «Греческая церковь» возле с. Лезгор, Зæппадзæ «Заппадза», букв. «Склеп» возле с. Фараскат, Нузалы аргъуан «Нузальская церковь» возле с. Нузал и Зариноных возле с. Бугултикау в ущелье Хилак. Как явствует из перечня, эти ранние христианские памятники сосредоточены в основном в западной части нынешней Осетии. В архитектурном плане все названные культовые сооружения однотипны — это небольшие каменные строения, весьма отдаленно напоминающие конструкцию христианских церквей. Перечисленные памятники, кроме Нузальской церкви, изучены пока очень слабо во всех отношениях, как в плане археологии, так и в плане архитектуры. Поэтому затруднительна их датировка, хотя многие и пытались определить дату создания указанных памятников¹. Археолог В. А. Кузнецов один из рассматриваемых памятников — Нузальскую церковь, считает (дает предварительную дату) памятником XII—XIII вв. и предлагает «... считать эту церковь хронологическим эталоном для недатированных церквей данного типа»². При датировке памятника автор, очевидно, учитывает и указание Ю. Кулаковского о том, что «Аланы, т. е. предки нынешних осетин, были в X веке христианским народом. Сведения об этом в самой ясной и определенной форме сохранены Константином Порфирородным...»³. Не возражая Ю. Кулаковскому в только что приведенной цитате, что аланы «... были в X в. христианским народом», нужно допустить, что христианская пропаганда стала проникать к аланам задолго до X в. и шла она из Византии. Здесь, видимо, в какой-то мере более прав преосвященный Макарий — историк русской церкви, который начало христианства у прикавказских алан возводит к IV в.⁴ Об этом пишет и В. И. Абаев: «Неудивительно, что у алан мы находим также и грекохристианские имена: Илья, Николай, Димитрий, Стефан, Андрей, Мария, Ирина. Уже с V в. у них велась широкая миссионерская пропаганда, шедшая из Византии и Греции, завершившаяся в X в. христианизацией алан и созданием аланской епархии»⁵. Нужно полагать, что на первых порах христианской пропагандой была охвачена неболь-

¹ Г. А. Кокнев, цит. соч., стр. 57, 66; Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии, в кн.: ИСОНИИ, т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 107—108; Т. Б. Мамукаев. Тайна Нузальской часовни. Орджоникидзе, 1969, стр. стр. 22, 110 и др.

² В. А. Кузнецов, цит. соч., стр. 750.

³ Ю. Кулаковский. Христианство у алан, в кн.: Византийский Временник, т. V, в. 1 и 2. Спб., 1890, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 1.

⁵ В. И. Абаев, ОЯФ, т. 1. М.—Л., 1949, стр. стр. 42, 253, 254.

шая часть алан. Могло быть и так, что дошедшее до алан христианство из Византии, через посредство Абхазии во времена Юстиниана, хотя и не очень укоренилось, но оставило свои следы не только в личных именах и именах христианских святых, но и в виде топонимов — названий культовых мест вроде Узи дзуарæ «Уза святилище, церковь», Узунаг «Узунаг» и др., в которых следует усматривать имя императора Юстиниана. Конечно, Юстиниан сам мог и не быть со своими походами в тех местах, где эти сооружения, а названия эти могли прийти, и очевидно, пришли, именно с христианской пропагандой, идущей из Византии через Абхазию. В последней же имя Юстиниана, как строителя церквей, было довольно популярным. Популярностью имени Юстиниана в этом плане может и было вызвано появление культовых мест и названий ряда географических объектов типа Узи дзуарæ, Узунаг, Узуни хума «Узуни пашня», Узы цæраг «Узи житель», Узы маьсыг «Узи башня» и т. д.

Как было сказано, в этот ранний период, видимо, христианской пропагандой была охвачена небольшая часть алан. Более же ощутимые результаты по христианизации алан были достигнуты позже, именно в начале X в., когда христианство у алан приняло более массовый характер, о котором говорит уже Константин Порфирородный. Так думать позволяет и тот факт, что в письме 133 патриарх Николай Мистик к архиепископу Алании Петру алан называет «...народом, вновь призванным к благочестию»¹. Приняв официально христианство в начале X в., предки осетин — аланы в течение многих веков оставались формально христианским народом. Я говорю формально потому, что в действительности христианство не пустило глубокие корни на новой почве. С принятием христианства пришли и названия христианских святых, часть которых была снабжена эпитетом *was*, занимающим важное место «в дохристианских верованиях алан»². В результате мы имеем Уастырджи/Уасгерги «святой Георгий» — покровитель мужчин в осетинской мифологии, Уацилла/Уацелла «святой Илья» — бог урожая, грома и молнии³, Уас Никкола «святой Николай», Уас Тотур «святой Федор» — покровитель волков. Из приведенного видно, что перед нами факт смешения (сращения) дохристианского с христианским. Но это только внешняя форма смешения. А смешение это выражено не только внешне (форма имен христианских святых), но оно выражено и в содержании и обряде многих культовых праздников. Одно то, что в честь перечисленных и других христианских святых устраивались святилища повсеместно, буквально

¹ Ю. Кулаков цит. соч., стр. 5.

² В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва. 1960, стр. 14.

³ Заметим, что имя христианского святого Илья в осетинских топонимах встречается в двух вариантах: Уацилла/Уацелла и Илья/Елиа. Видимо, более ранняя из них первая форма.

возле каждого камня, дерева, на каждом бугре и труднодоступном перевале, поражавшего наверное воображение людей чем-нибудь, говорит уже о смешении христианского с дохристианским и местным кавказским элементом.

Наиболее популярными в этом отношении были христианские святые Георгий, Илья, Мария, имевшие в свою честь не только общие для данного ущелья, но и в каждом населенном пункте свои святилища. Например, в честь Уастырджи/Уасерги мы имеем следующие святилища на территории Северной Осетии: Уасергий коваѣндонæ «св. Георгия молельня», Булгахы Уастырджи «Булгахы (?) св. Георгий», Лæгты дзуар «Мужчин святилище», Лæгты изæди коваѣндонæ «Патрона мужчин молельня» (зафиксированы в нескольких местах), Ныхасы Уастырджи «Нихаса (места общественного собрания) святой Георгий», Сонайы Уастырджи «св. Георгий в местности Сон», Ходы Уастырджи «св. Георгий с. Ход», Дзирийы Уастырджи «св. Георгий (местности) Дзири», Дзывгъисы Уастырджи «св. Георгий с. Дзивгис», Зæронд Уастырджи «Старый св. Георгий», Уастырджийы кувæндон «св. Георгия молельня» (зафиксировано в нескольких местах), Урс дуры Уастырджи «св. Георгий белого камня», Хохы сæры Уастырджи «св. Георгий на вершине горы», Тхосты Уастырджи «св. Георгий Тхоста», букв. «св. Георгий всемогущего», Уастырджийы суадон «св. Георгия родник», Арвы комы Уастырджи «св. Георгий Дарьяльского ущелья», Хæрхы Уастырджи «св. Георгий (местности) Харх», Хетæджы Уастырджи «св. Георгий (местности) Хетаг», Хорхуари Уасерги «св. Георгий (местности) Хорхуар», букв. «св. Георгий ложбины», Уастырджийы æфцæг «св. Георгия перевал», Цъыфы Уастырджи «св. Георгий топей», Зикъарайы Уастырджи «св. Георгий Зикара (на Зикарском перевале)», Рагон Уастырджи «Древний св. Георгий», Саголы Уастырджи «св. Георгий с. Сагол», Сагом Уастырджи «св. Георгий Сагом (?)», Уары Уастырджи «Уары (?) св. Георгий», Хохы Уастырджи «св. Георгий гор» и т. д. К этому списку следует еще добавить многочисленные культовые места, не включающие в состав своего названия имя св. Георгия, но по обряду и поверьям связанные с именем последнего. Очевидно были забыты прежние патроны этих культовых мест и тогда люди стали связывать их с именем популярнейшего христианского святого из всего сонма осетинских богов. Например, культовое место Матдзуар «Мат святилище» некогда было воздвигнуто в честь св. Матфея¹. Современем люди забыли имя этого святого, он не был столь популярным у осетин и, сохранив его название, стали здесь поклоняться св. Георгию. Поклонялись св. Георгию и в культовых местах Сайбат, Халмантæ, Лийайы дзуар и т. д.

¹ А. М. Шерен. Религиозные обряды осетин; оттиск из «Маяк»-а, т. VII, 1843, стр. 5.

Такое же большое количество культовых мест связано с именами Уацилла, Илья «св. Илья», «Илья» и Майрæм, Мадымайрæм «св. Мария», «Матери Мария».

Мы убедились, что многие христианские святые были очень популярными, о чем говорит не только наличие большого количества культовых мест, связанных с их именами, но и значительного количества еще и географических объектов в Осетии. Все это должно как-будто бы говорить о том, что христианство пустило глубокие корни у алан и их потомков — осетин. Однако, достаточно внимательно рассмотреть содержание того или другого обряда, связанного с именем христианского святого, чтобы убедиться в том, что название — это только оболочка, из которой выглядывает что-то дохристианское или местное кавказское. Приведем только один, два примера: популярным была у осетин св. Мария. Ей поручали обычно выходящую замуж девицу и просили св. Марию наградить ее хорошим потомством. Св. Марии поручала роженица новорожденных. К ней обращались иногда и бездетные с просьбой дать им потомство. Святителища в честь св. Марии были почти во всех населенных пунктах нагорной полосы Осетии. Были и церкви, посвященные св. Марии, в Зругском ущелье и в с. Дзуарикау (официально с. Хатисопели) в Гудском ущелье Казбекского района Груз. ССР. Кроме этих двух церквей, повсеместно святителищами в честь св. Марии были камни, деревья или кусты. Как справедливо заметил В. И. Абаев: «... христианизация никогда не была полным и крутым разрывом с «языческим» прошлым. Она была скорее процессом адаптации новых понятий и имен к старому содержанию»¹. Это положение В. И. Абаева подтверждается не только тем, что поклонялись камням, деревьям и кустам, но и обрядом. Обряд поклонения роженицы св. Марии сводился к следующему: возле с. Задалеск были два громадных валуна — святителище в честь св. Марии. Сюда приходила роженица с ритуальными пирогами вместе с повитухой вечером (после того, как наступит темнота). Роженица надевала на себя или шубу наизнанку, или же закутывалась в овчину шерстью наружу, чтобы обмануть таким образом нечистые силы, подстерегающие ее. Брала с собой ведро квасу и семь комплектов (по три штуки комплект) ритуальных пирогов в честь пяти божеств и двух земных созданий (см. об этом раньше), кусочек внутреннего сала, который обычно оставался после того, когда им смазали ритуальные пироги и немного солодовой муки. Придя к святителищу, они молились св. Марии и просили быть ее доброй к ней и ее малышу, дать новорожденному крепкое здоровье. Помолившись роженица поливала обильно принесенным квасом святые камни приговаривая: «дай мне так обильно молоко для младенца, св. Мария,

¹ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 11.

как обилен этот квас». Затем обходила священные камни три раза, посыпая вокруг них солод — знак просьбы, дать ей многочисленное потомство. Совершив третий круг, она смазывала кусочком сала камни святилища, что означало смягчить душу св. Марии и расположить ее к себе и своему младенцу. После этого они с повитухой ели пироги и возвращались домой.

Или возьмем обряд, совершаемый в святилище Идауаг. Святилище это расположено у западных окрестностей с. Стур-Дигора. Само название святилища восходит к терминам дохристианской религии алан (к древнеиранскому *vi-tāvaka* «сила», «носитель силы»). Но современем люди забыли культ этого древнеиранского божества и стали здесь справлять праздник перед косовицей. Последний, видимо, (уже праздник) имеет субстратное, кавказское происхождение. Его справляли по всей нагорной полосе Осетии и называли в основном Цыргъисаен/Циргъесаен или Цыргъисаены куывд/Циргъесаени куыд, букв. «Время, когда берут острое» (острые орудия труда — косы, серпы), «Пиршество в честь острого». Этот праздник справляли и в святилищах Гулаери Габона «Габона (?) с. Гулар», Тербат, Тухуастаг «Тухуастаг», букв. «Всемогущий», Хоска и т. д.

Заметим еще, что со святилищем Идауаг было связано поверье, будто возле святилища (святилище — небольшая роща) иногда резвится на коне красной масти покровитель мужчин — Лягги изæд, т. е. св. Георгий. Таким образом, мы видим, что и здесь от дохристианской религии сохранилось только название, на которое наслоились имена христианских святых и субстратная обрядность.

Как видим, в этих обрядах немного христианского. Тот факт, что в священных местах посетители, в качестве мысайнаг (своеобразный залог, жертвенный дар) оставляли серебряные деньги, пуговицы, ножи, гвозди и другие железные предметы, тоже, конечно, не говорит о христианстве, хотя и большинство из этих святилищ были связаны с именами христианских святых. Единственное, что может является каким-то отзвуком давнего знакомства с христианством это то, что, как правило, во все святилища, связанные с именем св. Георгия, был запрещен доступ женщине. В этом запрете, возможно, отражена та норма христианской церкви, согласно которой женщина не имела право ступить на алтарь.

Мы говорили уже, что христианство в Осетию шло двумя путями — из Византии и Грузии. И это достаточно хорошо прослеживается в топонимии. Наряду с терминами, связанными с христианской религией и именами святых, пришедших из Византии, в топонимии мы встречаем таковые же грузинские термины. Так, например, мы имеем названия множества культовых мест Саниба из груз. Самеба «Троица», Таранджелос (из груз. мтавари «главный» + ангелози «ангел»), Аларды (название божества оспы и кори) «происходит от названия местности Алаверды в

Кахетии»¹, где был старейший храм в честь Иоанна Крестителя — св. целителя. Нужно полагать, что Аларды были очень популярным святым. Популярным он был из-за своей свирепости. При поголовной безграмотности населения и низком уровне их санитарной культуры, конечно, эпидемии оспы и кори уносили множество жизней. Суеверные люди это объясняли гневом небожителя Аларды и старались его задобрить, поклоняясь ему во многих местах. При этом интересно, что в молитвословии в честь Аларды обычно произносили: О, сызгъарин сырх Аларды, де 'ргом нам ма раздах, дæ чъылдыммæ дын кувдзыстæм — «о, золотой красный Аларды, не поворачивайся к нам лицом, будем молиться твоей спине». Приведенное молитвословие, конечно, свидетельствует о представлении людей об Аларды как о свирепом божестве.

Из грузинского пришли и названия культовых мест Касутæ, возводимый В. И. Абаевым к названию почитаемого в старину храма в честь

богоматери Kvašveti², Дзирийы дзуар «Дзири святилище» (где дзири, возможно, восходит к груз. дзири «корень», «основание», «нижина» или дзвири («основное») «Основное святилище», Атынæг «св. Афиноген»³, Сахъдари «Церковь», Хъолацъминда «Всесвятый», Хутисобели (из груз. гвтисмшобели) «Богородица» и др. И, наконец, универсальный культовый термин дзуар, как уже было сказано, входящий в состав не только названий многих культовых мест, но и топонимов, тоже пришел в Осетию с христианской пропагандой из Грузии.

С XII по XV век предки Осетин стонали под татаро-монгольским игом. Однако христианство не исчезло за время татаро-монгольского нашествия. Не уступило оно место магометанству, о чем в какой-то мере свидетельствуют и топонимические названия Осетии. Кроме святилища Тæтæртупп «Татартуп», букв. «Татарский холм» (и нескольких его «филиалов») и Мадизæн «Мадизан», букв. «Мать-матушка», в Осетии нет культовых мест, названия которых были бы объяснимы из тюрко-татарских языков. Но и здесь, видимо, речь идет только о названиях, а не о сущности. Надо полагать, что святилище Татартуп возникло на развалинах древнего аланского культового места (возможно даже церкви). Но имя его было забыто за трехвековое татаро-монгольское господство и закрепился за ним этноним покорителей, чья столица некогда раскинулась у подножия холма, где святилище Татартуп. Здесь, очевидно, имеем аналогичное с названиями христианских праздников (Уацилла, Уастырджийы бон, Атынæг, Мыкалгабыртæ) явление. Ведь названия перечисленных праздников восходят к именам христианских святых (св. св.

¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М. — Л., 1958, стр. 43—44.

² Там же, стр. 573.

³ Там же, стр. 81—82.

Илья, Георгий, Афиноген, архангелы Михаил и Гавриил). Точно также в Татартуп этноним стал названием и святилища. Тот факт, что на поклонение в Татартуп приходило православное население Осетии, тоже говорит о том, что никогда не было оно культовым местом мусульманской религии. Мадизан же, видимо, было местом поклонения какого-то местного кавказского культа, или просто местом общественного собрания, где решались вопросы внешней и внутренней жизни не только осетин Алагирского, но и других ущелий и даже балкарцев¹.

Наличие же в топонимии Осетии названий типа Аргъуаны зæхх «Церковная земля», Архиерейская дача, Церковный участок, Попов участок, Монашеский участок, Поповский участок, Саугини дон «Священника вода», Сауджны зæхх «Священника земля», Сауджынты рагъ «Священников гребень (горы) хребет» и т. д. связано со временем присоединения Осетии к России и деятельностью комиссии по восстановлению христианства на Кавказе.

Итак, из всего сказанного следует, что дохристианская религия алан тесно переплелась с христианской. Следует и то, что христианская религия не пустила глубокие корни, она скорее служила фоном, оболочкой, из которой выглядывают старые дохристианские боги осетин и их предков. «Старые боги получали новые, христианские наименования, но их природа и связанные с ними культовые празднества и обряды долго еще оставались прежними и явственно просвечивали сквозь христианскую оболочку», — говорит В. И. Абаев. Вот это переплетение дохристианского с христианским отражено и в топонимии Осетии в названиях большого количества культовых мест и географических объектов. В топонимии Осетии отражен и другой сплав — сплетение дохристианского и христианского с местным кавказским субстратным элементом.

Ранее мы говорили о том, что прошло уже более двух с половиной тысяч лет с тех пор, когда предки осетин осели в районе Центрального Кавказа. Все это долгое время осетины (и их предки) жили и живут в тесном окружении кавказских народов. Кавказский субстрат стал неотъемлемой частью языка и этнографии осетин, что можно проследить и на осетинских топонимах, связанных с терминами материальной и духовной их культуры. Из терминов духовной культуры, с которыми связаны географические названия, здесь можно назвать термин хуыцау/хуцау «верховный бог». Термином хуыцау/хуцау называют осетины верховного бога. Этот термин, по мнению В. И. Абаева, идет из кавказского мира в осетинский². На территории Осетии мы имеем не только многочисленные культовые места в честь верховного бога хуыцау/хуцау, но и

¹ Вс. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. II. Ленинград, 1929, стр. 784—785.

² В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 11.

³ Там же, стр. 16—17.

множество топонимов, связанных с указанным термином. Так, зафиксированы культовые места Хуыцауы кувæндон «Бога молельня» (зафиксировано в нескольких местах), Хуыцауы дзуар «Бога святилище» (в нескольких местах), Хуцауи бæласи тегъæ «Вершина дерева бога» (вершина, где священное дерево в честь верховного бога), Хуыцауы дзуары куывддон «Место пиров в честь бога», Хуыцауы хуымтæ «Бога пашни» (пашни, где было святилище в честь бога) и др.

Очевидно из местного кавказского мира идет и божество хъæузæд «ангел, патрон, покровитель селения». Почти у каждого селения, а иногда даже у каждого квартала, бывал свой патрон. Иногда функции этого патрона расширялись до пределов ущелья, иногда же сужались до пределов рода, семьи и даже одного человека. Так, наряду с многочисленными хъæузæд, мы имеем Дигоризæд «Ангел, патрон, покровитель Дигории», Комы дзуар «Ущелья патрон», Хохы дзуар «Патрон гор», Ныхасы Уастырджы «св. Георгий Нихаса», Алхасы кувæндона «Алхаса молельня», Бураты дзуар «Бураевых святилище», Дзегаты кувæндон «Моделья семьи (рода) Дзega», Мадзаты куывддон «Мадзаевых святилище», Косты дзуар «Кочиевых святилище», Хæстæг дзуар «Близкое святилище», Сыхаг дзуар «Святилище квартала», букв. «Святилище по соседству», Мидгъæуы дзуар «Святилище внутри селения», Сæрызæд «Патрон головы», Сæрызæды бæлас «Священное дерево патрона головы» и т. д. И тут же рядом имеем еще культовые места, общие для всех жителей данного населенного пункта. Так, например, имелись Салыгæр⁴ дæны кувæндон «Салугардана молельня» (Салугардан — селение, а теперь часть г. Алагир), Барзыхъæуы хъæуызæд «Патрон с. Барзикау», Гулийы хъæузæд «Патрон с. Гули», Хидыхъусы хъæузæд «Патрон с. Хидикус» (здесь же поклонялись и архангелу Михаилу, что, очевидно, позднейшее наслоение христианского на местный кавказский культ), Хъæузæды ком «Патрона селения ущелье», Мызуры хъæузæд «Патрон с. Мизур» и др. Не всегда местные культы связаны с названием населенного пункта. Отдельные населенные пункты имеют свои божества. Так, например, жители с. Дзинага поклоняются Гулæри Габонæ «Гуларской Габона», «Габона с. Гулар», жители с. Ханаз — Хæнæзи Уæцелла «св. Илье с. Ханаз», жители с. Задалеск — Задæлески Нана «Задалеской нана (матери)», жители с. Вакац — Узунæг «Узунаг», жители с. Варце — Халмантæ «Халманта», жители с. Ацонага (теперь одни развалины) поклонялись Хоска. Примечательно, что во всех перечисленных культовых местах справляли праздник перед косовицей. Существовало поверье, что только после этого праздника можно приступить к косовице. Позволим здесь себе привести описание еще одного обряда, связанного с культовым местом (и праздником) Хоска. В названии Хоска мы имеем в первой части хос «сено». Вторая часть названия Ка (?).или, возможно, усечение от карст «скошенный». Святилище — это громадный

валун среди лугов. Праздник здесь справляли летом (в начале июля) перед косовицей. Из собранного со всех дворов солода варили пиво, сообща покупали жертвенное животное. Кроме того, каждый хозяин дома приносил сюда жертвенные пироги, напиток и мысайлаг (серебряные деньги 15—20 коп.). Во время пиришества бросали жребий и тот, чей выпал жребий, должен был взять косу и скосить три полосы (полоса — обхват косы) на лугу, затем затянуть песню. Только после этого праздника люди приступали к сенокосению.

Очевидно, перечисленные культовые места некогда имели какие-то конкретные божества и определенные обряды, может некоторые из них были и христианские, но современем они были забыты, или стали непонятными их названия, и справлять в них стали обрядовый праздник, восходящий к местному кавказскому субстрату, связанный с началом уборки урожая.

К кавказскому субстрату, видимо, относятся и такие культовые места (и их многочисленные «филиалы»), общие почти для многих осетин, как Реком, Тбау Уацилла (безусловно Уацилла и здесь более позднее наслоение на местный культ), Хетаг, затем многочисленные запретные рощи, священные деревья и камни¹.

В осетинском пантеоне божеств мы имеем Аларды — покровитель оспы и кори и Рыныбардуаг (он же и Ныбардуаг) «Покровитель эпидемий, болезней». Как видно, функции между этими божествами поделены: одно из них ведаёт оспой и корью, другое — болезнями, эпидемиями вообще. Этим объясняется наличие в топонимии Осетии названий культовых мест Сырх дзуар «Красное святилище», «Красная оспа» т. е. корь, Урс дзуар «Белое святилище», «Белая оспа», т. е. оспа, оспа-ветрянка и Сау дзуар «Черное святилище», «Черная оспа», Рыныбардуаг «Патрон эпидемий», Нырыбардуаджы дзуар «Патрона болезней святилище» (в первом компоненте названия имеем обычную для осетинского перестановку **ны** из **ры**), Нырыбардуаджы къуылдым «Патрона болезней пригорок», Нырыбардуаджы къæдзæх «Патрона болезней скала» и др. Здесь еще раз встречаемся со сплетением христианского с местным кавказским. Ведь Аларды восходит к названию местности Алаверды, где некогда был храм Иоанна Крестителя, а Рыныбардуаг, видимо, уже местный, кавказский культ.

Суеверный страх внушали людям некогда гром и молния. Поэтому, места пораженные громом, объявлялись священными и за ними закреплялись названия Ёрвдзавд букв. «Пораженный небом». С этим связаны, видимо, и другие культовые места Ёврегътæ «Аврегта», Ёвриагъд «Авриагд», Ёврагъы кувæндон «Аврага молельня». букв. «Грозового дождя молельня», Ёвриагъды кувæндон «Авриагди молель-

¹ Г. Ф. Чурсин, цит. соч., стр. 177—184.

ля», *Æргъиавды кувæндон* «*Аргиавди молельня*». Видимо, первый компонент названий *Æвриагъды кувæндон*, *Æргъиавды кувæндон*, а также *Æврегътæ* представляет собой фонетические вариации слова *æврагъ* «облако», «туча», «грозовой дождь с градом и ветром».

Учитывая одинаковый обряд у осетин и других кавказских народов по убитому молнией (обряд называется *цоппай*)¹, нужно думать, что культовые места *Æрвдзавд* (зафиксировано несколько раз), *Æврагътæ*, *Æвриагъды кувæндон* и другие тоже связаны с религиозными представлениями кавказского мира и являются одним из элементов кавказского субстрата в этнографии осетин.

Обращает на себя внимание такой факт, что хотя повсеместно в Осетии (в нагорной полосе) и были святилища, где справляли, так сказать, праздник погоды, но названия и обрядность их были разные. Так, в Алагирском и Трусовском ущельях мы имеем культовые места *Æврегътæ*, *Æвриагъд*, *Æврагъ*, *Æвриагъ*, *Æргъиавд*, т. е. места, названия которых как-то связаны с атмосферными явлениями, куда приходили люди и просили ниспослать им хорошую погоду, уберечь посевы от грозных дождей с ветром и градом. В других селениях или вовсе не было специальных мест, где бы молились о хорошей погоде, или справляли этот праздник обычно в том месте, где некогда было поражено молнией (при этом священными могли быть камни, деревья, пни, кусты и т. д., которые когда-то поражались молнией). И только в двух местах, в с. Вакац (Дигорское ущелье) и в с. Бурмасиг (Трусовское ущелье) этот обряд был связан с железным предметом. Над с. Вакац было святилище *Узунаг*, где якобы хранилась цепь небесного происхождения. Такая же цепь была в потайном святилище возле с. Бурмасиг. Существовало поверье, будто в засушливую погоду было достаточным замочить эту цепь с соблюдением определенного ритуала, чтобы пошел дождь.

Названия, связанные с религиозными терминами, закреплены не только за культовыми местами, но и за многими пашнями, пастбищами, лугами, участками леса и другими географическими объектами. Так, мы имеем топонимы *Фæсæвгъил* «Позади авгил» (*æвгъил* — шест, на который навешивалась шкура жертвенного животного), *Фæссаудзуар* «Позади святилища *Сау*», «Позади черного (недоброго) святилища», *Дзуарварс* «Склон со святилищем», *Дзуары хъæд* «Священный лес», *Дзуары хуым* «Святилища пашня» (пашня, урожай с которой предназначен для культового праздника), *Дзуарыхъæу* «Дзуарикау», букв. «Креста, святилища, селение» (зафиксированы селения *Дзуарикау* в Пригородном районе (СО АССР) и в Гудском ущелье (Грузинская ССР) и т. д.

¹ Г. Ф. Чурсин, цит. соч., стр 184—188.

С суевериями осетин связаны, видимо, и такие топонимы, как Зибллий къæхтæ «Нечистого полосы» (букв. «Чертовы ноги»), Хæйрæджджынтæ «Обильные чертями», Хæйрæджыты адаг «Чертей овраг», Хæйрæджыты къуым «Чертей угол», Хæйрæджджынты къуым «Угол, обильный чертями» и т. д.

По-видимому, к культовым следует относить и подавляющее большинство тех топонимов, названия которых связаны с гастрономическими терминами. Слов нет, такие названия, как Кæрдзынгæнæн суар «Источник, годный для хлеба», Мыдты ком «Пасек ущелье», Ахсырджынтæ «Обильные молоком», Хæндугхуар «Поедающий хандуг» (хæндуг — кадка сыров в рассоле), Ахсирдоцæн «Место доения» и др., связаны с хозяйственной деятельностью человека. Однако, такие названия, как Чъырййаг æхсæн «Место, где мыли зерно для чъири» (чъири — ритуальный пирог с начинкой из сыра), Гуылгувæны дон «Вода (река), где молились пирожками», Фидиуарæн «Место дележа мяса», Дзыккахæрæн «Место, где поедали дзыкка» (дзыкка — каша из свежего сыра или сметаны и муки), Фыдфыцæн зæхх «Участок, где варили мясо», Цымгæгæнæн рагъ «Вершина (гребень горы), где варили (букв. делали) похлебку» и т. д., связаны с различными религиозными обрядами.

С различными обрядами и неписаными законами общественной жизни связаны и такие географические названия, как Астæйуаг «Общий», Ахсæйнаг «Общий», Ахсæны хуым «Общественная пашня», Иумæйаг фæтæн «Общественный просторный (участок)» и др. Эти названия закрепились за участками потому, что урожай из них шел на общественный пир, или на другие общественные нужды. Названия Иваргом «Штрафное ущелье», Фидтæн къул «Штрафной склон», Ивары хъæд «Штрафной лес», «Запретный лес» были связаны с тем, что участки эти расположены на опасных склонах, оттуда часто скатывалась скотина. Поэтому обычно пастухам запрещали гнать на эти участки стадо, а если пастух нарушал этот запрет, то обязан был возместить убыток хозяину.

Названия Туджы уыгæрдæн «Луг за кровью», Тудджыны лæгæт «Кровника пещера» связаны с обычаем кровной мести. А названия Хестаг «Доля старшего», Хестаги рæбун «У подножия доли старшего», «Возле доли старшего», Хистаг дзыхъхъ «Лощина, где доля старшего», Хистаджы уæлбыл «Выше доли старшего» и др. связаны с прекрасным обычаем почитания старшего.

Из анализа географических названий, связанных с культовыми терминами, вытекает, что религия осетин представляет собой сплав дохристианского с христианским, затем дохристианского и христианского с местным кавказским субстратом. При изучении обрядов, связанных с различными культами, убеждаемся в справедливости слов В. И. Абаева о том, что христианская религия служила оболочкой, формой, из которой выглядывают дохристианские боги алан и субстратные кавказские

культы¹. Наблюдается приспособление христианства в какой-то мере к своеобразным и самобытным верованиям осетин, что достаточно хорошо видно и на топонимии. В целом религиозный синкретизм, характерный для осетин, отражается и в их топонимии.

6. Местные географические термины в топонимии

В топонимии Осетии широко представлены местные географические термины. Один из компонентов значительного количества составных топонимов, как правило, восходит к местному географическому термину. Заметим, что местные географические термины характеризуют в основном физико-географические особенности ландшафта данной территории. Известно, что значительная часть территории (3850 кв. км из всей площади в 7971 кв. км.) Осетии приходится на нагорную полосу. Нагорная полоса занимает ту часть Центрального Кавказа, где с севера на юг возвышаются пять хребтов — Лесистый, Пастбищный, Скалистый или Известняковый, Боковые и Главный Кавказский хребты. Плоскостная часть Осетии начинается у подножия Лесистого хребта и занимает, так называемую, Владикавказскую наклонную равнину, заключенную между Сунженским хребтом на востоке и Кабардинским на западе.

Естественно, в нагорной полосе преобладает местная географическая терминология, свойственная горному ландшафту. Здесь, прежде всего, следует отметить термин хох/хонх «гора». Этот термин входит в состав многих топонимов. Например: Стыр хох «Большая гора», Зилгæ хох «Поворачивающаяся гора», Зылын хох «Кривая гора», Къæй хох «Славец гора», Гора из сланца», Фæсхох «Позади горы», Тымбыл хох «Круглая гора», Чызджыты хох «Девичья гора», Цæгæр хох «Плешивая гора» (т. е. гора без растительности), Сау хох «Черная гора», Урс хох «Белая гора», Саудурты хох «Оселков гора», Æвгарстау хох «Как отрезанная гора» и т. д.

Наряду с хох/хонх используется и тюркский географический термин дагъ «гора», «складка», «складка горы» в нашей топонимии. Например, мы имеем на территории Осетии топонимы Дагъ «Гора», Дагътæ «Горы», Дæлдагъ «Ниже горы», Уæлдагъ «Выше горы», Дагъы кæрон «Конец горы» и др.

В небольшом количестве топонимов имеем грузинский географический термин гора «гора», «холм». Это топонимы Гори «Гори» (селение в Туалетии), Гордыхтæ (из измененного Гордыхтæ) букв. «Холмистые лощины», Гориау «Подобный горе», «Холмообразный», Горийы хъугом «Ровные пашни с. Гори» и т. д.

Не везде горные вершины открыты. Многие из них покрыты вечными

¹ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Москва, 1960, стр. 11.

ледниками. В отличие от гор, не покрытых ледниками, они называются цъити/цъете «ледник», «глетчер». И этот термин зафиксирован в топонимах Зикъарайы цъити «Зикарский ледник», Цъититæ «Ледники», Цадуа-ти цъете «Ледник озерного места», Зæрин цъити «Золотистый ледник», Десы цъити «Деса ледник», Лæгъз цъити «Гладкий ледник» и др. Заметим, что не все ледники имеют в составе своего названия термин цъити. Например: Къæрæугом «Караугом» (имеется ввиду Караугомский ледник), Схъас «Скаский ледник», Бæрту «Барту», Майли «Майли» и названия еще многих других ледников, как видим, не содержат названный географический термин.

К горному ландшафту относятся и географические термины айнæг «отвесная скала», цъупп «вершина», къардиу «обрыв» къæдзæх и диг. къæбур «скала», тигъ «вершина», бæрзонд «высота», къул «склон», фахс «склон», дур «камень», хуыр «каменистый», «щербень», хæра «каменистый». Термином айнæг обозначают гранитную гору с отвесными гладкими склонами (обычно они без растительности). С айнæг имеем топонимы Айнæджытæ «Отвесные скалы», Айнæджы тигъ «Отвесной скалы вершина», Айнæджы хъæд «Лес у отвесной скалы» и др.

Термины къæдзæх и диг. къæбур тоже означают «скала». Но в отличие от айнæг, эти термины употребляются по отношению к скалам, не имеющим гладкие отвесные склоны. Термины къæдзæх и къæбур зафиксированы в топонимах Амраны къæдзæх «Амирана скала», Агомы къæдзæх «Агома (?) скала», Къæдзæхы сæр «Над скалой», «Верхушка скалы», Къæдзæх «Скала», Къæбури бун «Ниже скалы», «Подножие скалы» и т. д.

Термины тигъ/тегъæ «вершина», цъупп/цъопп «вершина», «макушка» и тюрк. баш «голова», «вершина» имеем в топонимах Айнæджы тигъ «Отвесной скалы вершина», Саргъау тигъ «Седлообразная вершина», Уациллайы тигъ «Вершина св. Ильи» (т. е. вершина, где святилище в честь св. Ильи), Хъегъейы цъупп «Кеге (?) вершина», Мæцыкъуыджын цъупп «Обильная брусничной вершина», Дзыццыны тигъ «Дзищина вершина», Сæгъдуцæны цъупп «Вершина, где доят коз», Уæрцбыны тигъ «Перепелиных мест вершина», Бæрзонды цъупп «Высоты вершина», Басмати тегъæ (где басмати из тюрк. башми+тау) «Вершина гор» и т. д.

Рассмотренные термины относятся в основном к ландшафту Главного Кавказского, Бокового и Скалистого хребтов. Видимо, сюда же больше относится и термин æрх «балка». Его имеем в топонимах Аерхон «Архон» (поселок), букв. «Балочный», Дыууæ æрхы астæу «Между двумя балками», Арф æрх «Глубокая балка», Аерхыты хох «Гора с балками», Гордзлейы æрх «Гордзле (?) балка» и др.

Нагорная полоса Осетии прорезана ущельями — ком, образованными долинами рек Геналдон, Гизельдон, Фийагдон, Ардон и Ираф (на

«карте Урух»). Каждое из этих ущелий имеет еще множество боковых ответвлений, тоже называемые ком. Географический термин ком, восходящий к анатомическому ком «рот», встречается в составе большого количества осетинских топонимов. Например: Джинаты ком «Джинатское ущелье», Зруггом «Зругское ущелье», Дзæгъæл ком «Заброшенное ущелье», Къæйты ком «Плит горного шифера ущелье», Суары ком «Минерального источника ущелье», Ком «Ущелье», Тары ком «Мрачного ущелье», Карцагом «Ущелье с. Карца», Уынгæг ком «Тесное ущелье», Балвæндаджы ком «Ущелье, где дорога стаи, группы» и т. д. В целом, географический термин ком зафиксирован нами в 83 топонимах.

Связывались ущелья между собой с помощью перевальных дорог и пешеходных троп, проложенных по наиболее доступным местам. Места, где можно перейти по горам из одного ущелья в другое, называются æфцæг «перевал», къахыр «щербина», æрхизæн «место спуска». Эти термины зафиксированы в топонимах Джинаты æфцæг «Джинатский перевал», Дзедойы æфцæг «Дзедо перевал», Зымæгон æфцæг «Зимний перевал» (т. е. перевал, проходимый и в зимнее время), Мамысоны æфцæг «Мамисонский перевал», Тырсийы æфцæг «Трусовский перевал», Бæфони æфцæг «Бафони (?) перевал», Дæргъæвсы æфцæг «Даргавский перевал», Булкъаты къахыр «Булкаевых щербина», Газийы къахыр «Гази щербина», Зæппадзы къахыр «Склепа щербина», «Щербина, где склеп», Æрхизæн «Место спуска» и др.

Ландшафт Пастбищного и Лесистого хребтов характеризуется несколькими другими географическими терминами. Слов нет, нельзя разложить по полкам отдельно, скажем, географические термины, характеризующие только ландшафт Скалистого или Пастбищного хребта. Это наше деление чисто условное. Просто мы исходим здесь из частоты употребления тех и других терминов в топонимии. Последнее же прямо связано с жизнью людей, все земельные угодия которых были расположены на склонах Пастбищного и Лесистого хребтов. Ландшафт и этих хребтов характеризуется большими неровностями. Здесь во многих местах имеются обрывы, пропасти, возвышения, лоцины, ровные места, холмы и пригорки, черноземные клочки и каменистые участки. Все эти физико-географические особенности местности имеют свои географические термины. Так, терминами къардиу, был/билæ, къæхæн обозначается «обрыв», «пропасть». Эти термины имеем в топонимах Билæг «Обрывистый», Æхсирхæссæни билæ «Обрыв, по которому носили молоко», Гæбæлдзий билæ «Габалдзи (?) обрыв», Къæхæни бун «У подножия обрыва», Къæхæни сæр ««Над обрывом», Былтæ/Билтæ «Обрывы», Бур къардиу «Желтый обрыв» и др.

Пастбищные хребты называются рагъ «хребет», «гребень горы», «кряж», уæзæг «пригорок», къуылдым «пригорок», бæрзонд «высота», «высокий». Эти термины находим в топонимах Джебетъайы рагъ «Дже-

бета (?) хребет», Тъехты рагътæ «Теховых хребты», Даллаг рагъ «Ближний (Нижний) хребет», Рагъ «Хребет», «Гребень горы», Цопаны къуылдым «Цопана пригорок», Хурæ къулдун «Каменистый пригорок», Зæрæмæджы уæзæг «Зарамагский пригорок», Гулу уæзæг «Отлогий пригорок», Гали уæзæг «Бычий пригорок», букв. «Бычья шея», Уæзæг «Пригорок», Бæрзæндæг «Высота», «Где много высот», Хорхæтæни бæрзонд «Солнцеворота высота» и т. д.

Терминами ных «угол», анат. «лоб», «ноготь», уæхск «плечо» обозначаются небольших размеров резкие скалистые выступы на пастбищах и лугах. Эти термины зафиксированы в топонимах Ныхтæ «Выступы», букв. «Лбы», «Ногти», Фыры ных «Бараний лоб», Бæрзуæхск «Березовый выступ», Майрæмы уæхск «Выступ св. Марии» (выступ, где святилище в честь св. Марии) и др.

Для обозначения других неровностей почвы пользуются терминами барз «кочка», «возвышение», къуыпп, диг. къубус «бугор», къуыбыр «бугор», «холм», обау «курган», сапп «неудобная для обработки круча», цъух «продолговатой формы выступ», туппур «курган», «холм», а также груз. гора «холм» и русск. бугор, курган. Все перечисленные термины широко представлены в топонимии. Например: Барз «Кочка», Ацонæга барз «Холм с. Ацонага», Барзыхъæу «Барзикау», букв. «Селение на возвышении», Лолоты къуыпп «Лолоти бугор», Стыр сапп «Большие неудобные для обработки кручи», Астани къубус «Астана холм», Къубуси сæр «Над бугром», «Выше бугра», Къуыппытæ «Бугры», Уайыгбарз «Великана кочка», Цубур цъух «Короткий пригорок», Гори «Гори» (селение в Туалетии), букв. «Холм», «Возвышение», Бандуров бугор, Малышкин курган, Семенчихин курган, Цыргъ обау «Острый курган», Айтеги туппур «Айтега курган» и т. д.

В противоположность терминам, обозначающим возвышения, термины дзыхтхъ «углубление», лæнк «лощина», нук «ложбина» тæрф «лощина», «впадина», къуым «угол», арæхъ «лощина», диг. гъæронг «ложбина» и сæф «впадина» используются для обозначения природных углублений ландшафта. Они также широко используются в топонимии. Например: Арсы къуырф «Медвежья впадина», Къуырф «Впадина», Къуырфытæ «Впадины», Радийы дзыхтхъ «Ради лощина», Сындзджын дзыхтхъ «Обильная колючкой лощина», Цады дзыхтхъ «Озерная впадина», Хæсæууон къунтæ «Углы (углубления), принадлежащие с. Ахсау», Цирти гъæронг «Могильная лощина», Дзыхтхъ «Впадина», Нуктæ «Лощины», Тæрфæ «Лощина», Арф арæхъ «Глубокая впадина», Сæф «Лощина», «Впадина», Лæнчытæ «Лощины» и т. д.

Широко используются в топонимии и термины адаг «овраг» и мæскъ «балка», «овраг». Например: Дзуары адаг «Священный овраг», Кæсæдджын адаг «Обильный рыбой овраг», Суадаг «Суадаг» (селение), букв. «Черный овраг», или, возможно, «Минерального источника

«овраг», Сыгъ адаг «Пожарища овраг», Богъаты адаг «Боговых овраг», Дзæгъойы мæскъ «Дзаго балка», Мæскъиаг «Балочный», «Где балки», Хусмæскъæ «Сухая балка», Каменная балка, Медвежья балка, Глухая балка и т. д.

Ровные участки ландшафта обозначаются географическими терминами будур «поле», «равнина», æндзæр «ровное место», лæгъз «ровное место», «гладкий», тъæпæн «ровное место», фæтæн «широкий», «простор», уæрæх «простор», «широкий», фæз «площадка», «площадь», «ровная площадка», уæлвæз «возвышенная плоскость». Ровные клочки земли в лесу, годные для обработки, называются мæр букв. «чернозем», «почва» и æрдуз «поляна». Все перечисленные термины представлены и в топонимии. Например: Æддаг фæз «Дальняя площадка», Фæз «Ровный участок», «Площадка», Даргъ фæз «Длинная площадка», Фæзгон-тæ «Как площадка», Сыгъд фæтæн «Горелый простор», «Пожарища простор», Цырты уæлвæз «Возвышенная плоскость с надгробием», Тæрсæндзæр «Буковая равнина», Æндзæртæ «Равнины», Æрдоztæ «Поляны», Будургинтæ «Обильные полями» (где много ровных участков), Фæтæн «Простор», «Широкий», Гыццыл уæрæх «Небольшой простор», Æрдуз «Поляна», Хъазæн лæгъз «Игр равнина», Алхаси мæрæ «Алхаса чернозем», Мæртæ «Поляны», Раззаг будур «Переднее поле», Устинова поляна и т. д.

Термины къул «склон», букв. «стена», фахс «склон», фарс «склон», «сторона», анат. «бок», хæрд «подъем» также широко представлены в топонимии. В нагорной полосе ведь большинство лугов, пашен и пастбищ расположены на склонах. Этим объясняется, что названные термины зафиксированы во многих топонимах. Например: Уартауы фахс «Щитообразного (места) склон», Хæмпæлы къул «Бурьяна склон», Цырты фарс «Склон с надгробием», Цъыфы фарс «Топей склон», Байрадий фахс «Байради склон», Гогæлий хæрд «Гогали подъем», Къул «Склон», Къул уыгæрдæн «Луг на склоне», Стыр къултæ «Большие склоны», Хард «Подъем» и т. д.

Почвы нагорной полосы Осетии каменистые. Здесь часты лавины, много оползней. И все это находит отражение в топонимии. Так, зафиксированы географические названия Сахиаы ком «Лавины ущелье», Хæратæ «Каменистые», Бæхти хæра «Коней каменистое (пастбище)», Зæйтæ «Лавины», Лæстæ «Оползень», Лæбырд «Оползень», Лæбырды сæр «Над оползнями», Уæрæх зæйуат «Место широкой лавины», Лæсæн «Оползень», Зæйхæфтытæ «Снесенные лавиной», Дорæг «Каменистый», Хуырджын ком «Каменистое ущелье», Хорискæсæн Фатумай дортæ «Восточной Фатьмы камни» и т. д. Из примеров понятно, что и здесь в топонимах имеем местные географические термины сахиа «лалина», хæра «камень», дор «камень», хуыр «камень», «щебень», зæй «лалина», лæсæн «оползень», «лалина», лæбырд «оползень» и др.

Лавины оставляют глубокие следы (проточины) на почве, между которыми бывают пастбищные клочки, т. е. образуются своеобразные островки — сакъадах. С географическим термином сакъадах «остров» имеем топонимы Сагатагътæ «Острова» и Сакъадагътæ «Острова».

Наш обзор местных географических терминов в топонимии будет неполным, если не сказать о названиях, связанных с анатомическими терминами. Положение проф. Мурзаева Э. М. о том, что «Большое количество географических терминов связано с названиями частей тела человека и животных»¹ полностью приложимо и к топонимическим названиям Осетии. Частично о них уже было сказано. Здесь еще отметим, что анатомические термины ком «рот», сæр «голова», бын «низ», æфцæг «шея», æвзаг «язык», рагъ «спина», зæнг «голень», ных «лоб», «ноготь», был «губа», фындз «нос» уæхск «плечо», цъух «рыло», «морда», къæдзил «хвост», сы «рог», хъус «ухо» и др. широко представлены в нашей топонимии. О топонимах, содержащих анатомический термин ком «рот», «ущелье» выше было достаточно сказано. Термины сæр «голова» и бын «низ» встречаются очень часто в составных топонимах, где выполняют функцию послелогов «на», «над», «ниже», «выше», «под» (а на русский яз. передаются предлогами). Например: Хъæуы бын «Ниже селения», Хъæуы сæр «Выше селения», Дзуары бын «Ниже святылища», Дзуары сæр «Выше святылища», Лæбырды бын «Ниже оползня», Лæбырды сæр «Выше оползня», Къæдзæхы сæр «Над скалой», Ададжы сæр «Выше оврага», Цады сæр «Над озером», Æфцæджы бын «У подножия перевала», Къæбури бун «У подножия скалы» и т. д.

Термины сæр и бын следует считать продуктивными топонимообразующими элементами, которые конкретизируют местонахождение объекта. Такими же продуктивными являются термины æфцæг «шея» и уæзæг «шея» (о животных). Эти термины имеем в топонимах Дзедойы æфцæг «Дзедо перевал», Ручъы æфцæг «Рокский перевал», Гебий æфцæг «Перевал Геби», Хъивоны æфцæг «Кивонский перевал», Хъилы æфцæг «Крестовый перевал», букв. «Шеста перевал», Æфцæджы дон «Река из перевала» (река, берущая свое начало у перевала), Фæсæфцæг «Позади перевала» Цадафцæг «Озерный перевал», Гали уæзæг «Бычья шея» и др.

С терминами фындз/фий «нос», æвзаг «язык», ных «лоб», «ноготь», дзых/цъух «рыло» «морда», мукъу «морда», хъус «ухо» имеем множество топонимов. Например: Æвзагау «Похожий на язык» (топоним Æвзагау зафиксирован шесть раз), Æвзагты хъæд «Языков лес» (в смысле: «лес на выступах, напоминающих по форме язык»), Æвзагтæ «Языки», Минкый æвзагтæ «Маленькие языки», Устур æвзагтæ «Большие языки», Æвзаг «Язык», Кети цъух «Кети (?) выступ», Дзыхдзæвæн

¹ Э. и В. Мурзаевы, цит словарь, стр. 10.

«Место поворота», букв. «Место, где ударяют морду», Хуыдзых «Свиное рыло», Бырынкъ «Клюв», «Морда». Уалвындз «Над выступом», букв. «Над носом», Фындзыхуынкъау «Похожий на ноздрю», Фийтæ «Носы», Сычъи ных «Серны лоб», Ныхтæ «Выступы», букв. «Лбы», «Ногти», Дæлныхтæ «Ниже выступов», Доны хъус «У реки», Гъостæ «Полянки на склонах гор», букв. «Уши», Мукъуйы зиллакк «Рыла круг» и т. д.

Примечание. Анатомический термин хъус «ухо» выступает в топонимии в функции послелога и указывает на нахождение объекта возле чего-либо.

В топонимах Дурты зæнг «Каменистая полоса», Зæнгтæ «Полосы», Къæхтæ «Полосы», Дигори къах «Дигорцев полоса», Тепсыры зæнг «Тепсира полоса», Чъыры зæнг «Известняка полоса», Тæгуыз уæхск «Камыша выступ», Хъуырау «Горловидный», «Похожий на кувшин с узким горлом», Ошейка, Фадау «Похожий на ступню» и др. имеют анатомические термины зæнг «голень», фад «ступня», къах «нога», «ступня», уæхск «плечо», хъуыр «шея». Названий, связанных с приведенными анатомическими терминами, сравнительно немного.

Часто употребляется анатомический термин рагъ «спина» в топонимии. Его мы имеем в топонимах Дзуары рагъ «Святилища хребет» (хребет, где святылище), Рагъ «Хребет», «Кряж», Фæлгæсæны рагъ «Наблюдательного места хребет», Фæсрагъ «За гребнем», Нæзи рагъ «Сосновый хребет», Аердози рагъ «Кряж у поляны», Дзæргъи рагъ «Свиноматки хребет», Цæгæры рагъ «Плешивого гребень», Чындзы рагъ «Невестин хребет» и еще во многих других географических названиях.

Из других анатомических терминов в топонимии встречаются дымæг «хвост», «курдюк», къæдзил «хвост», риу «грудь», ирæнбуйна «локоть», гуыбын «живот», хъæлæс «голос», «рот», зæрдæ «сердце» и др. Однако, топонимов, связанных с указанными терминами, совсем немного. Зафиксированы только географические названия Дымджытæ/Дунгутæ «Хвосты», «Концы», Къæдзилау «Похожий на хвост», Къадзелтæ «Хвосты», Фырыдым «Бараний курдюк», Ирæнбуйнау «Похожий на локоть», Хъул «Альчик», Хъæлæс, Хъæлæстæ «Голос», «Голоса», «Рот», Зæрдаутæ «Похожие на сердце», Мæкъуæр «Затылок», Дзедзе «Женская грудь» (возможно и личное имя), Риутæ «Грудь», Риуаутæ «Похожие на грудь».

Таково участие анатомических терминов в образовании осетинских топонимов.

Итак, из сказанного выше вытекает, что нарицательные географические термины становятся собственными географическими названиями¹. Этот переход следует считать закономерным явлением и для то-

¹ Э. и М. Мурзаевы, цит. словарь, стр 10.

тонимии Осетии. Указанная закономерность не всегда распространяется на ойконимы. Названия населенных пунктов образуются не только от апеллятивов, но и от основ фамильных и личных имен. При этом к названию многих населенных пунктов прибавляется термин хъæу «селение». Например: Барзыхъæу «Барзикау», букв. «Селение на возвышении», Ногхъæу/Нæуæгхъæу «Ногкау/Науагкау», букв. «Новое селение», Фарныхъæу «с. Фарн», букв. «Счастья селение», Дæллагхъæу «Даллагкау», букв. «Нижнее селение», Къостайыхъæу «с. Коста», Бæтæхъойыхъæу «с. Батакоюрт», букв. «Батако селение», Хъаратыхъæу «с. Каратикау», букв. «Караевых селение», Калотыхъæу «с. Калотикау», букв. «Калоевых селение» и др.

Другим населенным пунктам названия даны по близлежащим гидрообъектам. От гидронимов получили свои названия с.с. Лескен, Урсдон, Гизель, Црау, Фийагдон, Ханаз, Ардон (теперь это город), Терк, Пидитеречное и др.

Названия с.с. Толдзгун, букв. «Обильное дубом», Хæрисджин «Харисгин», букв. «Обильное ивой», Хъалнагътæ «Калнагта», букв. «Крыжовники» (от хъалгъæн «крыжовник» с перестановкой согласных во втором слове), Æхсæрисæр «Ахсарисар», букв. «Начало орешника», Стæвд-Дорт «Ставд-Дорт», букв. «Крупные камни», Даргъ-Къох «Дарг-Кох», букв. «Длинная роща» и др. даны по преобладанию чего-то или другим особенностям местности.

Свои особенности имеют и названия гидрообъектов. Характер гидрообъекта определяется ключевыми словами, называемыми Б. А. Серебренниковым индикаторами топонимических типов¹. Такими индикаторами — терминами для рек является универсальный гидронимический термин дон «вода», «река», для родников — суадон «родник», для минеральных источников суар и маест и для стоячих гидрообъектов мал «омут», цад «озеро», цъай «колодец».

Термин дон находим не только в названии крупных рек, как Гемалдон, Гизельдон, Фийагдон, Ардон, Ираф², но и в названиях множества ручейков и речек. Например: Къайты комы дон «Река того ущелья, где плиты горного шифера», Мамысонгомы дон «Мамисонского ущелья река», Цъитидон «Ледниковая река», «Река из ледника», Фæрсаг дон «Побочная река»³, Билæги дон «река Билаг», букв. «Обрывистых мест река», Нары дон «Нара река», Стыр дон «Большая река», Бæртуй дон «Река ущелья Барту» и т. д.

Этот же термин дон имеем и в составе другого индикатора — тер-

¹ См. журн. «ВЯ», № 6, 1959, стр. 37.

² В. Ираф, мы имеем древнеиранское ап «вода», «река». Этот же ап находим и в географическом термине æхсæрдзæн «водопад».

³ Термином фæрсаг «побочный» пользуются для обозначения рек неледниковое происхождения.

мина — суадон «родник», букв. «черная вода». Названия многочисленных родников (особенно в нагорной полосе Осетии) связаны с личными именами. Это связано с двумя обстоятельствами: за родником закреплялось имя того, кто его благоустроил, или же он был мемориальным. Например: Атоты суадон «Ато (семьи) родник», Беппайты суадон «Беппа (семьи) родник», Бибойы суадон «Бибо родник», Болатыхъойы суадон «Болатико родник», Ахмæти сауæдонæ «Ахмета родник», Зорий суадон «Зори родник», Борий сауæдонæ «Бори родник» и др.

В названиях других родников и рек содержится качественная их характеристика. Например: Узал сауæдонæ «Холодный родник», Æхсири сауæдонæ «Молочный родник» (т. е. родник с мутной водой белого цвета), Абузги дон «Вздувающего (родника) вода», Лæсæны суадон «Родник на оползне», Тæхгæ дон «Летящая вода» (вода эта падает по отвесным склонам), Хуыссаг дон «Спящая река» (осенью и зимой она пересыхает), Хъæргæнаг дон «Грохочущая река», Æхседæни дон «Вода того места, где кипятят», «Кипящий родник» (здесь вода вытекает прямо из горы с шумом и впечатление такое, будто она кипит), Сосдон «Потайной родник», Финкæ дон «Пенистая река» и т. д.

Нагорная полоса Осетии богата минеральными источниками¹. Одни из них нарзанного типа, в других вода горьковато-соленая. В зависимости от качества воды, от того, целебная ли в источнике вода, или пригодна она для хозяйственных нужд, источники подразделяются на суар и мæст. В источниках суар вода большей частью нарзанного типа (углекисло-железисто-щелочная). Например: Хозиты суар «Хозиевых источник», Тибы суар «Тибский источник», Къæрта суар «Ведро-источник» (источник, откуда воду можно зачерпнуть ведром), Хæмицай сауæр «Хамица источник» и др. Термин суар находим в целом ряде топонимов. Например: Суаргом/Сауæргом «Минеральных источников ущелье», Суары адаг «Минерального источника овраг», Суары фæз «Минерального источника площадка» и т. д.

С наличием в данное время (или когда-то) целебных источников нужно связывать и названия Абана. Это название закреплено за одним из кварталов с. Нар (теперь здесь нет никаких источников) и за селением в Труссовском ущелье.

Термин мæст содержится в названиях тех гидрообъектов, в которых вода горьковато-соленая и используется больше для хозяйственных нужд (хотя некоторые из них используются и в лечебных целях). Термин мæст имеем в гидронимах Тъæбæгъæуы мæст «Минеральный источник с. Тапанкау», Мæстæ «Минеральные источники», Цъасемы

¹ См. Дз. М. Пхалагова. Минеральные воды Северной Осетии. Орджоникидзе, 1966.

мæст «Минеральный источник с. Цасем», Сагти мæстæ «Олений источник» и др.

Термин мæст находим и в топонимах Мæстинокæ «Мастинок» (селение в Дигорском ущелье), букв. «Минерального источника ложбина», Мæстгом «Минерального источника ущелье», Мæсты фæз «Минерального источника площадка», Уæлмæст «Выше минерального источника» и др.

В названиях гидрообъектов, кроме универсального осетинского термина дон, встречаются и тюрко-татарские термины су, сай, сала, колæ. Например: мы имеем гидронимы Колæ букв. «Озеро», Коли дон «Озерная вода», Кулсуни дон букв. «Озерной воды вода», Сайтæ «Ручейки», Сулæртты дон «Водянистых мест вода», букв. «Вод вода», Сала «Ручеек», Саладонгон «У ручейка» и др. Из примеров видно, что осетины не воспринимали до конца значения названных терминов и к названиям гидрообъектов, восходящих к тюрко-татарским языкам, добавляли еще свой термин — индикатор дон. Такое же положение имеем и в тех названиях, которые восходят к термину «вода» в кавказских языках. Это гидронимы и топонимы, связанные с каб. псы «вода», груз. къад, къод «ручей», вейнах. хи «вода». Зафиксированы, например, гидронимы Хърупсы дон «Крупса вода» (Хърупс — селение, а теперь один из кварталов г. Алагир), букв. «Журавлиной воды вода», Къадай дон «Ручейка вода», «Маленькой горской мельницы вода», Хърупс «Крупс», Псигом «Воды ущелье», Къадатæ «Маленькие горские мельницы», букв. «Ручейки», Шалхи (прежнее название с. Октябрьское) букв. «Мерзлая вода» и т. д.

Термины цад «озеро», мал, а в диг. хъум «омут», цъай «колодец» имеем также не только в названиях водных объектов, но и в топонимах. Например: Гъолгъазæни цадæ «Озеро, где играли в альчики», Мæлкъæги хъум «Малкага омут», Бехъаны цад «Бекана озеро», Бзиты мал «Омут (возле дома) Бзи», Цадгæмттæ «Возле озера», Цадигуæрдæн «Луг с озером», Цады дзыхъхъ «Озерная лощина», Козырты цъай «Козыревых колодец», Цъайы хуым «Пашня с колодцем» и др.

С водными объектами связаны и такие географические названия, как Атагъа «Прибрежные заросли», Туацъæ «Междуречье», Цъала «Прибрежные заросли». Перечисленные названия восходят к географическим терминам, заимствованным из тюркских и кавказских языков.

Таким образом, на основе анализа названий гидрообъектов тоже еще раз подтверждается положение о том, что многие нарицательные географические термины переходят в разряд собственных имен и становятся топонимами и гидронимами.

Заканчивая обзор топонимов, связанных с географическими терминами, нужно еще сказать, о терминах хуссар «юг», цæгат «север», хурьскæсæн «восток», хурныгуылæн или ныгуылæн «запад», т. е. о терми-

нах, указывающих на страны света. Термины хурыскассэн, хурныгуыллэн, ныгуыллэн встречаются в небольшом количестве составных топонимов. Например: Хорискассэн Фатумай дортæ «Восточной Фатымы камни», Зымæгон ныгуыллэн «Зимний закат», «Место зимнего захода солнца», Хурныгуыллэны рагъ «Гребень у того места, где заход солнца» и др. В противоположность им широко представлены географические названия, связанные с терминами цæгат «север» и хуссар «юг». Эти термины зафиксированы в простых и составных топонимах. Например: Цæгат «Север», «Несолнечный» (зафиксирован несколько раз), Хуссар «Хуссар» (селение в Уаллагкоме, а также ряд топонимов), букв. «Юг», «Солнечный», Цæгат Ламардон «Цагат Ламардон» (селение), букв. «Северный (Несолнечный) Ламардон», Хуссар Ламардон «Хуссар Ламардон» (селение), букв. «Южный (Солнечный) Ламардон», Цæгаты хуымтæ «Пашни на северной (несолнечной) стороне», Хуссары хуымтæ «Пашни на южной (солнечной) стороне», Стыр хуссар «Большой южный (солнечный)», Гæдий цæгат «Тополя несолнечный (участок)», «Тот северный участок, где тополь» и т. д.

Замежим, что термины цæгат и хуссар не всегда употребляются в своем прямом значении в топонимии. Обычно термин хуссар закреплялся не за теми участками, которые действительно были расположены на южной стороне, а за теми, куда попадало наибольшее количество солнечных лучей, будь он расположен даже на северной стороне по отношению к странам света. Иначе говоря, часто здесь при назывании исходили из хозяйственного значения, а не из географии. Ярким примером, подтверждающим это положение, могут служить названия селений Цæгат Ламардон и Хуссар Ламардон, затем Цæгат Хынцаг «Цагат Хинцаг», букв. «Северный (Несолнечный) Хинцаг» и Хуссар Хынцаг «Хуссар Хинцаг», букв. «Южный (Солнечный) Хинцаг». В действительности, если исходить из сторон горизонта, то селения Цæгат Ламардон и Цæгат Хынцаг расположены на южной стороне, но несолнечной, а селения Хуссар Ламардон и Хуссар Хынцаг — на северной, но солнечной стороне. А названия, как видим, закреплены за ними прямо противоположные.

7. Ботанические термины в топонимии

Ботанические термины довольно широко представлены в топонимии Осетии. Более 449 географических названий связаны с терминами флоры и фауны края в прошлом и настоящем. Названия многих простых и составных топонимов связаны с названиями деревьев, кустарников, трав, злаков, ягод, корнеплодов. Например: Тамачы «Медвежья груша», Къубалаг «Скабиоза татарская», Сындз «Колучка», Хъæз «Камыш», Тæгæр «Клен», Тулдз «Дуб», Фæрв «Ольха», Сусхъæды рагъ

«Липы гребень», Мыртгæджын уæлвæз «Обильная калиной возвышенная плоскость», Мæцыкъуыджыны цъупп «Вершина обильная брусничкой», Мæнæуты æрдуз «Пшеничная поляна», Хуыскъæлджынтæ «Обильные кербелем» и т. д. Нужно заметить, что наибольшее количество топонимов рассматриваемой группы связано с названиями трав. При этом нередко названия трав без всяких дополнительных формантов могут стать названиями географических объектов. Например: Къубалæг «Скабиоза татарская», Сындз «Колючка», Хъæз «Камыш», Тæгуыз «Камышеобразное растение», Астым «Трава на каменистой подпочве», Хъамыл «Камыш», «Бурьян», Хæрагбадæн «Бересклет», Клевер и т. д. По сравнению с производными названиями, связанными с названиями трав, приведенных образований немного. Чаще встречаются здесь географические названия осложненные суффиксом -джын (-гин, -гун). Нередко они представлены в форме им. п. мн. ч. Например: Дисиджын «Обильный лопухами», Мæнтæджджын «Обильный съедобными лопухами», Кæндысджынтæ «Обильные беленой», Хъолоджын «Обильный конским щавелем», Хъолоджынтæ «Обильные конским щавелем», Тамагин «Обильный (травой) тама», Цъилингин «Обильный вениками» (обильный травой, годной для веников), Мæнтаггун «Обильный съедобными лопухами», Уанцълиджын «Обильный бузиной травянистой» и т. д. Суффикс -джын {-гин, -гун) указывает на обилие, преобладание какого-то растения в данной местности.

Многие топонимы связаны с названиями съедобных трав и корений. Например: Зæнкгин «Обильный занк» (зæнк — съедобный стебель), Кæроджджын «Обильный свербегой», Скъодагин «Обильный диким чесноком», Тæтхæнигин «Обильный диким чесноком» (тæтхæни — название дикого чеснока в отдельных говорах дигорского диалекта), Хуыскъæлджынтæ «Обильные кербелем», Давонджын «Обильный черешой», Болгитæ «Редьки», Капустник и т. д.

Названия трав, злаков, и овощей имеем и в составных топонимах. Например: Еууыты ком «Проса ущелье», Мæнæуты æрдуз «Пшеничная поляна», Нахтæртты тъæпæн «Кукурузная равнина», Хуæргæнаси ком «Огурцов ущелье», Картофты ком «Картофеля ущелье», Стур хæмпæлтæ «Большой камыш», «Большой (высокий) бурьян», Пысыраджын къуым «Обильный крапивой угол», Конопляный родник, Сындзы сых «Колючки квартал» и т. д.

В другой группе топонимов, восходящих к ботаническим терминам, зафиксированы названия кустарников. И эти термины могут стать собственными географическими названиями в виде чистой основы, могут осложнены суффиксами или стать компонентом составного топонима. Например: Къудзитæ «Кустарник», Цыхыри «Кустарник», Хуымæллæг «Хмель», Ахсæртæ «Орехи», «Орешник», «Фундук», Фугæ «Рододендрон кавказский», Ахсæргин «Обильный орешником», Каконджын

дзыхъхъ «Лощина обильная терновником», Цымджын къох «Кизиловая роща», «Обильная кизилом роща», Калиновый куст, Виноградное (село в Моздокском районе) и т. д.

Значительное количество топонимов связано с названиями различных пород леса, дикорастущими и культурными плодовыми деревьями. Например: Фæрв «Ольха», Тулдз «Дуб», Хæрес «Ива», Тæгæр «Клен», Балидзæгат «Вишен несолнечный склон», Ахсынцъытæ «Алыча», «Алычевые деревья», Гуыбыр кæрдо «Согнутое грушевое дерево», «Согнутая груша», Фæткъуыты фæз «Яблоневая равнина», Ахсынцъыты къох «Алычевая роща», Зæзджын «Обильный елью», «Ельник», Ахсæмæргун «Обильный хмелеграбом», Гæдытæ «Белолистки», «Тополи» и т. д.

В производных топонимах, связанных с названиями пород леса, в отличие от топонимов, восходящих к названиям трав, значение обилия, преобладания какой-то породы леса, передается не только суф. -джын (-гин/-гун), но и суф. -бын. Например: Бæрзджын «Обильный березой», «Березняк», Бæрзбын (перевод тот же), Толдзгун «Толдзгун» (село), букв. «Дубняк», «Обильный дубом», Тулдзбын (перевод тот же), Фæрвджын «Ольховик», «Обильный ольхой», «Там, где преобладает ольха», Фæрвбын (перевод тот же) и т. д.

Таким образом, мы видели, что многие осетинские топонимы связаны с ботаническими терминами. Ботанические термины, как и другие апеллятивы, могут стать собственными географическими названиями. При этом топонимом могут стать в виде чистой основы, могут осложнены суффиксами или быть одним из компонентов составного географического названия. Чаще всего названия, связанные с ботаническими терминами, даются по наличию или преобладанию в данной местности какого-то растения или каких-то пород леса.

8. Зоологические термины в топонимии

По сравнению с ботаническими, зоологические термины в топонимии нашей встречаются реже. Всего 312 географических названий Осетии связаны с различными зоологическими терминами. Здесь мы имеем топонимы, связанные с названиями домашних и диких животных, птиц, рыб, земноводных, насекомых. Однако следует заметить, что преобладают топонимы, связанные с названиями домашних животных.

В отличие от ботанических, зоологические термины редко становятся географическими названиями в виде чистой основы. Всего мы имеем топонимы Хари «Бык» (из грузинского), Донарс «Донарс» (название белогрудой птички, гнездящейся на крутых скалистых берегах рек), Тур (русское), Сынт «Ворона», Дзинга «Комар». Во всех остальных географических названиях, связанных с зоологическими терминами, последние или осложнены суффиксами, или же входят в состав наз-

ваний — сложных слов. Например: Кæлмджын «Кишащий змеями», Кæфдзаутæ (из кæф «крупная рыба», «сазан»+дзау (от глагола цæуын) «идти»+т+æ) «Идущие за крупной рыбой», Бирæггвæндаг (из бирæгъ «волк»+фæндаг «дорога») «Волчий путь», Æрсбадæн (из арс «медведь»+бадæн «место сидения») «Место обитания медведей», Саг-рындз (из саг «олень»+рындз «тропа») «Оленья тропа», Куыдзæппарæнтæ (из куыдз «собака»+æппарæн «место, откуда сбрасывают»+т+æ) «Места, откуда сбрасывают собак», Галзилæн (из гал «вол», «бык»+зилæн «место, откуда скатываются») «Место, откуда скатываются волы», Хъугмар (из хъуг «корова»+мар (от глагола марын) «убивать») «Убивающий корову», Уæлидонæ (из уæр «ягненок»+суф. -дон (æ) «Место для ягнят» и т. д.

Несколько топонимов, связанных с зоологическими терминами, представлены в форме им. п. мн. ч. Это географические названия Мæггæтæ «Бекасы», Сæгтæ «Олени», Тæрхъусдæттæ «Места обитания зайцев», Донмæйтæ «Зубры», диг. Хъадиртæ «Мулы». Во множественном числе представлен и топоним Сурчины.

Зоологические термины обнаруживаем и во множестве составных топонимов. Например: Уæрцбыны тигъ «Вершина перепелиных мест», Цæргæсы хох «Орлиная гора», Арсы уыгæрдæн «Медвежий луг», Зæрватыччы лæгæт «Ласточкина пещера», Сæгъдуцæны цъупп «Вершина, где доят коз», Фыры ных «Бараний лоб», Сæгъхъазæны къул «Склон, где резвятся козы» и т. д.

Зоологические термины в составном топониме могут иметь форму не только род. п. ед. ч., но и род. п. мн. ч. Например: Галты мус «Волновые гумно» (гумно, где зерно молотили волами), Бæхты лæзгъæр «Конская тропа», Цъиахты дон «Галок река», Сагти мæстæ «Олений источник» и т. д.

9. Космические термины в топонимии

Небольшое количество географических названий Осетии связано с космическими терминами хур «солнце», арв «небо», стъалу «звезда». Наибольшее их количество связано с термином хур. Как и другие отапеллятивные топонимы, названия связанные с космическими терминами, могут иметь форму чистой основы. Например: Арв «Небо», Туар «Месяц», «Луна» (грузин.). Иногда космические термины могут быть осложнены суффиксом, или название представляет собой сложное слово. Например: Хоргон (из хор «солнце»+суф. -гон) «Солнцепек», «На солнечной стороне», Арвигуæрдæн (из арв «небо»+игуæрдæн «луг») «Небесный луг», Стъалууат (из стъалу «звезда»+уат «место») «Место звезды», Хурсаст (из хур «солнце»+саст «сломанный») «Выжненное солнцем» и др.

Космические термины зафиксированы и в нескольких составных топонимах. Например: Дæллаг хурмæсыг «Нижняя солнечная башня», Хурхæтаны лæгæт «Пещера (у места) солнцеворота», Хурныгуылæны рагъ «Гребень у места захода солнца», Хурхæтаны дон «Места солнцеворота река», «Река у солнцеворота» и т. д.

Таким образом мы видим, что встречающиеся в топонимии космические термины, кроме термина туар (из груз. мтваре «лuna»), восходят к иранским нарицательным именам.

10. Термины цветового признака в топонимии

Часть топонимов наших связаны с терминами цветового признака. Из терминов, указывающих цвет, в осетинской топонимии встречаются урс «белый», сау «черный», бур «желтый», цъæх «зеленый», «синий», «серый», сырх «красный». Например: Сау «Черный», «Недобрый», Сурх «Красный», Урс хох «Белая гора», Бур хуыр «Желтый щебень», Цъæх дон «Синяя (голубая, зеленая) вода», Урсдон «Урсдон» (река и селение), букв. «Белая вода» и др. В единственном топониме Æхсинварс «Серый склон» имеем термин æхсин «серый».

Термины цветового признака самостоятельно редко встречаются в качестве географических названий. Зафиксированы только топонимы Сау «Черный» (несколько раз), Сырх/Сурх «Красный», Сурхтæ «Красные». Основное же количество географических названий, связанных с терминами цветового признака, представляют собой производные и сложные слова, а также названия — словосочетания. Например: Сурхойна (из сурх «красный»+суф. -ойна) «Красный», Саубын (из сау «черный»+суф. -бын) «Черноватый», Сауварстæ (из сау+фæрстæ «склоны») «Черные склоны», «Недобрые склоны», Саугомуг (из сау+ком «ущелье»+суф. -уг) «Черноущельский», Урсдон (из урс «белая»+дон «вода», «река») «Урсдон», букв. «Белая река», Бурæхсид (из бур «желтая»+æхсид «заря», или усечение от æхсидын «кипятить») «Желтая заря», «Желтый клокочущий», Сау хох «Сау хох», букв. «Черная гора», Орс æлхойна «Белый пест», Урс къуыпп «Белый выступ», Бур къардиу «Желтый обрыв», Белоречка, Черная речка, Черная балка; Сурх-Дигорæ «Сурх-Дигора», букв. «Красная Дигория», Красногор (селения); Сырх хæхтæ «Красные горы» (горы из краснозема), Цъæх цæдтæ «Зеленые (синие, голубые) озера», Цъæх лæстæ «Серый оползень», Цъæх обау «Зеленый курган» и т. д.

Все географические названия, связанные с терминами цветового признака, отражают обычно реально существующий цвет данного объекта. Исключение составляют географические названия, связанные с термином сау «черный». Заметим, что чаще других, в топонимии встречается термин сау. Так, из 179 географических названий, связанных с

терминами цветового признака, в 91 топониме находим термин сау «черный». При этом не всегда он обозначает цвет. Наряду с цветом, термин сау в географических названиях имеет значения «недобрый», «опасный». Например, в топонимах Сау «Сау», «Черный», «Недобрый» (пашня), Сау игуæрдæн «Черный (Недобрый) луг», Сау æрх «Черная (Опасная) балка», Сау хæрæн «Опасный солончак», Сау дарæнтæ «Опасные (Черные) урочища», Саузæйрæбынтæ «У подножия опасных (Черных) лавин», Сау хъамыл «Опасный (Черный) камыш, бурьян», Сау цъитийы дон «Черного (Страшного, Опасного, Недоброго) глетчера вода» и др. нужно думать, что заключен не цветовой признак. Эти названия, видимо, были даны объектам из-за того, что здесь часто пропадал не только человеческий труд, но погибал под обвалами и лавинами и сам человек.

На основании семантической классификации топонимов можно заключить, что подавляющее большинство географических названий Осетии восходит к апеллятивной лексике. Наряду с этнонимами и терминами из фольклора и Нартовского эпоса, в топонимии широко представлена отраслевая лексика. Здесь мы имеем термины, связанные с охотой, военным делом и спортом, термины материальной и духовной культуры, географические, ботанические, зоологические и космические термины, а также термины, указывающие на цветовой признак. При этом нарицательные термины из любой отрасли лексики могут стать без всяких изменений собственными географическими названиями. Однако, нередко в географических названиях апеллятивы бывают осложнены словообразовательными и словоизменительными формантами, или же являются одним из компонентов составного названия.

Выводы

1. Анализ географических названий Северной Осетии свидетельствует о том, что топонимическая система Осетии складывалась в течение тысяч лет. В ее формировании приняли участие разные языки и народы.

Наиболее четко выделяются древнейший топонимический слой, куда включаются в основном и необъясненные еще названия, кавказский слой, византийско-римский слой (точнее вкрапления), осетинский слой, тюрко-монгольский слой и славянский слой.

Более мощным из перечисленных является осетинский (иранский) слой, насчитывающий 5/6 всех географических названий Осетии. И лишь 1/6 часть составляют топонимы иноязычного происхождения и необъясненные названия.

Важное место в топонимической стратиграфии Осетии должен занять после осетинского (иранского) кавказский слой, учитывая тог

факт, что «осетинский язык — это иранский язык формировавшийся на кавказском субстрате»¹. Однако, к сожалению, до тех пор пока не будем располагать топонимическими словарями республик Северного Кавказа и Закавказья, этот вопрос не может быть решен полностью.

Географические названия указанных топонимических пластов распределяются на территории республики неравномерно.

Если необъясненные названия и топонимы древнейшего слоя, затем осетинского и тюрко-монгольских слоев распределяются почти равномерно на территории плоскостной и нагорной части республики, то этого нельзя сказать о названиях кавказского и славянского слоев.

Названия кавказского слоя распределяются несколько своеобразно: топонимы, имеющие грузинское происхождение, локализуются в основном на территории нагорной полосы республики. Топонимы, происходящие из адыгских и вейнахских языков, в основном локализуются на территории плоскостной части республики. На этой же территории, в основном на левом берегу р. Терек, меньше на правом берегу, концентрируются славянские названия.

Выяснение ареала распространения названий того или другого топонимического пласта может помочь не только в решении отдельных вопросов осетинского языкознания, но может внести некоторые уточнения и в понимание отдельных вопросов истории осетин древнего периода и средних веков.

2. Осетинские топонимы целесообразно классифицировать по формантам и по способу словообразования. При этом выявляется, что основная масса географических названий Осетии представлена в форме именительного падежа единственного числа. Наряду с этим, немалое количество топонимов имеет параллельно две формы: форму им. п. ед. ч. и форму им. п. мн. ч. Часть же топонимов представлена в форме именительного падежа множественного числа. Однако показатель множественности -т- в топонимии теряет значение множественности как таковое и его следует считать средством топонимообразования (просто топоформантом).

Часть топонимов представлена в форме косвенных падежей. Из них наиболее продуктивны образования в форме родительного (первый компонент составных топонимов) и уподобительного падежей. Образования в форме дательного, напавительного, внешне-местного, внутренне-местного падежей встречаются редко.

Кроме показателя числа и падежа, топонимы можно сгруппировать еще и по исходным формантам. Здесь выделяются ряды топонимов с исходом на одиночные гласные -а, -о, -и, -е и на элементы -иу, -ау, -вар,

¹ В. И. Абаев. ОЯФ, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 11.

-гъат, -гъуз, -моз/-муз, -цъах, -ск (-скъ). Как правило, топонимы названных рядов не поддаются объяснению.

3. По своей структуре осетинские топонимы бывают непроеизводные, производные, топонимы — сложные слова и составные топонимы. Осетинскому языку свойственны два способа словообразования: а) словообразование с помощью аффиксов и б) словообразование путем сложения основ. Эти два способа словообразования находим и в топонимии Осетии.

Топонимы — производные слова образуются от апеллятивов и собственных (в том числе фамильных и личных) имен с помощью словообразовательных суффиксов -аг, -бын, -джын (диг. -гин/-гун), -он, -æн, -дон, -ын, -ыг (диг. -уг), -гон, -дæр, -л, -ойнæ, суффиксов причастия -гæ, -д, -ст. Разумеется, продуктивность перечисленных формантов неодинаковая. Наиболее продуктивными являются образования с суффиксами -аг, -æг, -он, -джын, -æн, -дон. При этом примечательно, что в топонимии наблюдается тенденция к сужению значений суффиксов.

Малопродуктивным следует считать образование топонимов с помощью глагольных превербов. Из глагольных превербов в топонимии встречаются а-, ба-, æр-, æрба-, с-. Однако с указанными превербами топонимы образуются редко.

Широко представлены в топонимии Осетии географические названия — сложные слова. Здесь преобладают названия, состоящие из двух основ. Названия, состоящие из трех основ, встречаются реже.

Если рассматривать топонимы — сложные слова в плане первой и второй части, то следует отметить, что в первой части бывают имена существительные, имена прилагательные, наречия, глагол, предлоги и иногда местоимения и имена числительные. Из них преобладают образования с именами существительными в первой части. Во второй части топонимов — сложных слов встречаются имена существительные, в том числе большое количество отглагольных, имена прилагательные и глаголы.

Отношения между компонентами топонима — сложного слова определительные.

Большое место среди географических названий Осетии занимают составные топонимы, возникающие из реальной необходимости дифференцировать местонахождение объекта. Достигается это при помощи послелогов (сæр «на», «выше», анат. «голова», бын «низ», «ниже», «под», хъус «у», «возле», раз «волзе», «перед», «у», «около»), затем путем добавления определений бинарной оппозиции (стыр «большой» — чысыл «маленький», дæллаг «нижний» — уæллаг «верхний», уæрæх «широкий» — нарæг «узкий», даргъ «длинный» — цыбыр «короткий» и др.), а также определений, указывающих на один из превали-

рующих признаков (арф «глубокий», тымбыл «круглый», сырх «красный», тæнæг «редкий», бур «желтый» и др.).

Примечательно, что среди сложных и составных топонимов встречаются названия — гибридные образования. Это такие названия, где одна часть объяснима (из самого осетинского или из других языков), а другая необъяснима.

Если же говорить об отношении признака, содержащегося в топониме, к его выражению и оформлению, то можно заключить, что для топонимов Осетии характерными признаками являются плюральность, посессивность и квалитативность.

4. Что касается топонимических моделей, то изучаемый регион может характеризоваться следующими типами.

а). Первый тип — это топонимы, представляющие собой чистые основы имен существительных или субстантивированных прилагательных (Арв «Небо», Дагъ «Гора», Сау «Черный», Сырх «Красный», Цъус «Маленький», Ком «Ущелье», Къох «Роща» и т. д.). Этот тип малопродуктивен.

б). Второй тип составляют топонимы основа+топоформант. Здесь преобладают именные основы. В качестве же топоформантов выступают живые, реже мертвые, словообразовательные (префиксы, суффиксы) и словоизменительные (падежные окончания, показатель множественности) аффиксы современного осетинского языка. Нужно заметить, что образования основа+префикс немногочисленны и встречаются они только с префиксами а-, æр-, æрба-, ба-, с-. Напротив, очень широко представлены образования основа+суффикс. Это очень продуктивный тип.

в). К третьему типу относятся топонимы — сложные слова. Здесь преобладают образования двусосновые и редко встречаются трехсосновые. Отношения между компонентами названия — сложного слова в основном определительные (Ногхъæу «Ногкау», букв. «Новое селение», Тъæбæгъæу «Тапанкау», букв. «Приземистое селение», Æрвдзæвд «Пораженный молнией» и др.).

г). К четвертому типу относятся составные названия. Они также состоят в основном из двух, реже из трех и более слов. Отношения между компонентами составного топонима определительные. Между компонентами составных топонимов наблюдается прямой порядок слов: здесь определение всегда предшествует определяемому.

Следовательно, топонимия Северной Осетии характеризуется теми же топонимическими моделями, что и индоевропейские языки, в частности, славянские и иранские¹. Другого и ожидать не приходится.

¹ См. В. А. Никонов. Славянский топонимический тип. В сб.: «Географические названия». Москва 1962, стр. 17—18; А. Л. Хромов, цит. соч., стр. 50—54.

Ведь осетинский во всех основных сферах лексики и грамматики продолжает традиции индоевропейских, конкретно северо-восточной группы иранских языков.

5. Семантическая классификация осетинских топонимов дает возможность прийти к выводу, что все осетинские топонимы (разумеется, кроме еще необъясненных) восходят к собственным (в том числе фамильным и личным) именам и к апеллятивной лексике осетинского (а зачастую и какого-нибудь другого) языка.

Анализ отапеллятивной топонимии показывает, что среди географических названий, наряду с этнонимами, терминами из фольклора и Нартовского эпоса, широко представлена отраслевая лексика. Здесь имеют термины материальной и духовной культуры, географические, ботанические, зоологические, космические термины, термины, указывающие на цветовой признак. При этом, любые термины из перечисленных разделов лексики, могут стать собственными географическими названиями в виде чистой основы, путем добавления словообразовательных и словоизменятельных формантов, или же быть компонентом сложного или составного топонима.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Список условных сокращений	9
Введение	11

Глава I

Структурно-лингвистический анализ осетинских топонимов	48
А. Ряды топонимов по формантам	—
Б. Словообразование и лексико-структурная характеристика осетинских топонимов	70
1. Односложные названия	—
2. Двусложные названия	73
3. Производные слова — названия	74
4. Сложные слова — названия	86
5. Мимео-изобразительные слова в топонимии	100
6. Сложные слова — гибридные образования	101
7. Звуковые изменения в топонимах — сложных словах	103
8. Составные топонимы	105

Глава II

Языковые пласты (слои) в топонимии Северной Осетии.	110
I. Необъясненные названия и древнейший топонимический пласт (слой)	—
II. Кавказский слой	124
III. Осетинский слой	133
IV. Византийско-римский слой (вкрапления)	140
V. Тюрко-монгольский слой	145
VI. Славянский слой	156
VII. Объекты, имеющие двойные названия	167

Глава III

Семантическая классификация топонимов	173
1. Социальные термины в топонимии	176
2. Термины из фольклора и Нартовского эпоса в топонимии	177

3. Этнонимы в топонимии	179
4. Охотничьи и военно-спортивные термины в топонимии	188
5. Отражение терминов материальной и духовной культуры в топонимии	189
А. Термины материальной культуры	—
Б. Термины духовной культуры	202
6. Местные географические термины в топонимии	217
7. Ботанические термины в топонимии	227
8. Зоологические термины в топонимии	229
9. Космические термины в топонимии	230
10. Термины цветочного признака в топонимии	231
Выводы	232

Цагаева Анастасия Дзаболаевна

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Редактор М. И. Исаев

Художник Б. Х. Гассиев

Технический редактор М. Ф. Арсоева

Корректор М. Г. Гадзалова

Сдано в набор 2-ХІІ-71 г. Подписано к печати
17-VIII-71 г. Формат бумаги 70х90/16. Печ. л. 15.
Усл.-п. л. 16,4. Заказ № 1560. Тираж 1000.
ЕИ 01490. Цена 98 коп.

Книжная типография Управления по печати при
Совете Министров СО АССР, г. Орджоникидзе,
ул. Тельмана, 16.

Цена 98 коп.